

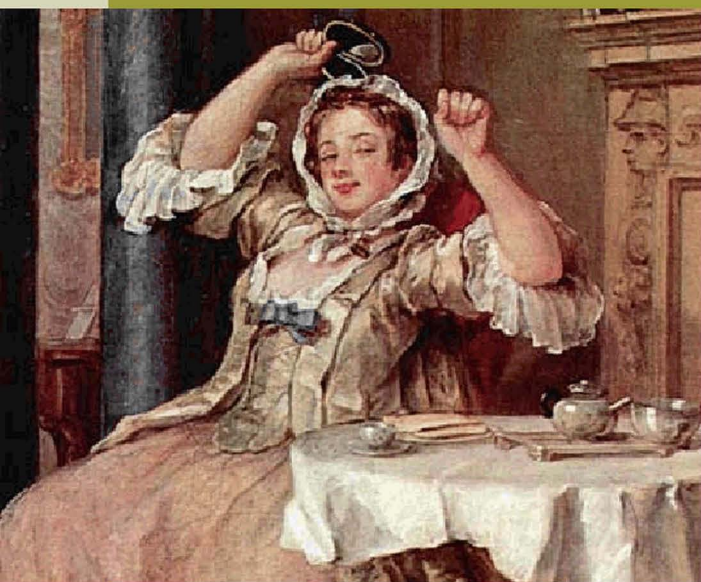
история / география / этнография

Татьяна Лабутина

Мир английской леди

Воспитание, образование, семья
XVII — начало XVIII века

Ломоносовъ
издательство

Татьяна Леонидовна Лабутина

[https://ras.jes.su/index.php?
dispatch=authors.details&author_id=14913&sl=RU](https://ras.jes.su/index.php?dispatch=authors.details&author_id=14913&sl=RU)

профиль автора журналов РАН

<https://igh.ru/employees/111?locale=ru>

профиль ИВИ РАН

<https://istmat.org/node/29157>

в библиотеке ИСТМАТ

история / география / этнография

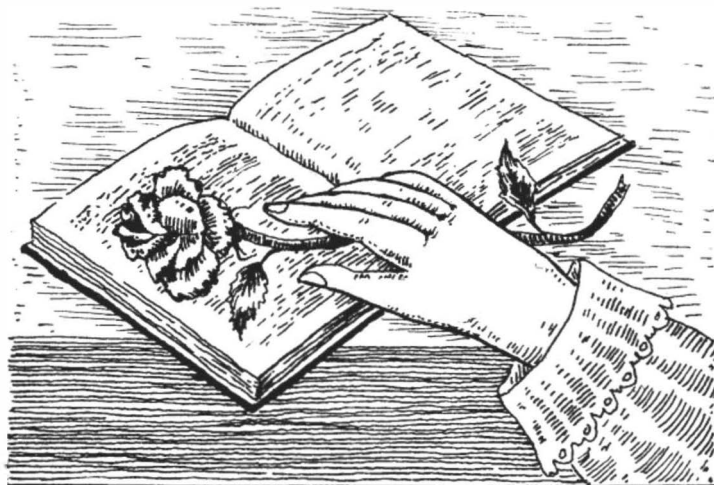

Татьяна Лабутина

Мир

английской леди

Воспитание,
образование, семья
XVII — начало XVIII века

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(420).06
ББК 63.3(0)5
Л12

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор С. Е. Федоров
кандидат филологических наук В. С. Трофимова

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-335-3

© Татьяна Лабугина, 2016
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

*Дорогой Даше Лабутиной
посвящаю*

Введение

В 1688 году в Лондоне вышла в свет небольшая книга с запоминающимся названием: «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери». Очень быстро она сделалась популярной, выдержав на протяжении пятидесяти лет 25 изданий. Секрет широкой известности «Наставления дочери» заключался в том, что это было первое в истории Англии произведение, посвященное нравственному воспитанию юных аристократок. В нем поднимались также проблемы их образования, досуга, брака, семейной жизни и т. д. И хотя автор книги — видный государственный деятель Англии, королевский министр, публицист и просветитель маркиз Галифакс адресовал книгу своей дочери Елизавете, она, по сути дела, стала руководством в жизни для многих англичанок. Более того, книга маркиза сделалась своеобразным «эталон» дамского чтения не только в Англии, но и за

ее пределами, была переведена на французский, голландский и другие языки, переиздана в ряде европейских стран.

Чем объяснить тот факт, что автором произведения, посвященного женскому воспитанию, стал высокопоставленный чиновник, первый министр при трех королях из династии Стюартов (Карле II, Якове II и Вильгельме Оранском)? Только ли родительским долгом руководствовался Галифакс, когда писал свое «Наставление»? Отнюдь нет. Проблема образования и воспитания подрастающего поколения была поистине животрепещущей в раннебуржуазной Англии. XVII век открывал начало новой истории страны. Пережив две революции (середины 40-х годов XVII века и Славную революцию 1688—1689 годов), Англия из феодальной постепенно превращалась в капиталистическую. Коренные социально-экономические и общественно-политические изменения, происшедшие в результате революций, в значительной мере повлияли на духовное развитие нации, и в первую очередь на ее культурно-образовательный уровень. Общество нуждалось как в высокообразованной элите, так и в грамотных тружениках. Церковное образование с его устаревшими догмами и схоластическим учением уже не отвечало потребностям общества и потому было потеснено светским.

Высоко оценивая роль воспитания и образования для подрастающего поколения, в первую очередь для элиты общества, маркиз Галифакс считал первоочередным обучение юных аристократок, поскольку именно им предстояло в будущем растить и воспитывать детей. От того, насколько образованной была мать, во многом зависел культурно-образовательный уровень детей — будущих граждан нового общества. Естественно, что Галифакс как высокопоставленный сановник, заботившийся о нуждах государства и разделявший к тому же просветительские убеждения, не мог остаться равнодушным к проблеме женского воспитания и образования.

То, что маркиз Галифакс обращался в своей книге непосредственно к дочери, не вызывало никаких сомнений в ее образованности. Но были ли образованными все английские аристократки в XVII веке? И каким был уровень грамотности среди женского населения в ту пору? Чему и как обучали англичанок и какие нравственные качества им прививали? Эти и многие другие вопросы, связанные с историей женского об-

разования в Англии, на сегодняшний день во многом остаются без ответа.

Надо сказать, что проблема воспитания и образования подрастающего поколения издавна привлекала внимание не только профессиональных педагогов, но и государственных деятелей и политиков разного уровня. Примеров тому немало как в отечественной, так и в зарубежной истории. А сколько имен реформаторов образования в разных странах известно человечеству! Всех их объединяло стремление сформировать подрастающее поколение из образованных, нравственно здоровых и духовно богатых личностей. Заметных успехов в этой деятельности достигли гуманисты эпохи Возрождения. Имена Мартина Лютера, Яна Коменского, Роджера Эшема и других педагогов сделали олицетворением гуманистической традиции в образовании, зародившейся в средневековой Европе. Эта традиция была подхвачена и получила дальнейшее развитие в трудах идеологов просветительского движения XVIII века. Пионером в деле реформирования образования стал известный английский философ Джон Локк, выступивший с книгой «Мысли о воспитании и о воспитании разума».

Проблема нравственного воспитания и образования подрастающего поколения занимала в трудах ранних просветителей важное место. Именно в пропаганде и распространении знаний, в образовании людей и воспитании у них высоких моральных принципов идеологи Просвещения видели основные пути достижения совершенного общества. Гуманист эпохи Просвещения, журналист и драматург Джозеф Аддисон, писал, что душа человека без образования подобна «куску мрамора» в каменоломне, который скрывает от глаз людских всю свою красоту до тех пор, пока умелая рука каменотеса не потруится над ним и не откроет взору каждый узор. Точно так же и в образовании: стоит потрудиться над умом, и станут видимыми все скрытые в человеке достоинства и совершенства, которые сами никогда и не появились бы. Скульптор из куска мрамора может сотворить то же, что образование делает для души человека, заключал Аддисон. В журнале «Спектейтор» журналист писал: «Философ, святой или герой, мудрый или великий человек очень часто скрывается в простолоудине, которого соответствующее образование преобразует».

Большое значение просветители придавали нравственному воспитанию молодежи. На страницах «Спектейтора» Аддисон утверждал: «Рассуждения о нравственности и размышления о человеческой природе являются наилучшими средствами, которые мы можем использовать для усовершенствования нашего ума и для приобретения истинного самопознания, а следовательно, для очищения наших душ от пороков, невежества и предрассудков». Аддисон высоко ценил в людях такие качества, как добропорядочность и человеколюбие, считал, что люди, ими наделенные, способны облегчать тяготы жизни другим и помочь в преодолении различных препятствий, встающих на жизненном пути. Сторонником нравственного воспитания был известный английский дипломат, идейный наставник знаменитого сатирика Дж. Свифта — Уильям Темпл. Он полагал, что необходимо прививать молодежи трудолюбие и бережливость, поскольку бережливые и трудолюбивые люди обычно дружелюбно настроены к властям, тогда как расточители и лентяи опасны в силу своего настроения или нужды.

Просветители активно выступали за нравственное оздоровление общества. Писатель Даниель Дефо поддержал учрежденную королем Вильгельмом Оранским Ассоциацию реформирования нравственности. Эта организация ежегодно публиковала отчеты о ходе борьбы «с богохульством и распущенностью нравов» в обществе. Она насчитывала в своих рядах свыше ста тысяч англичан и просуществовала вплоть до 1783 года. Джонатан Свифт открыл в Лондоне «Клуб Мартинуса Скрибблеруса», который преследовал своей целью борьбу «против невежества и педантизма». Его членами были известные поэты и драматурги, в том числе А. Поп, Дж. Гэй, Дж. Арбетнот. Просветители были убеждены в том, что в нравственном воспитании одинаково нуждаются все слои общества.

Проблема воспитания и образования нашла, казалось бы, широкое отражение в историографии, ей посвящено немало книг, но в центре их внимания, как правило, мужская часть населения, тогда как, по замечанию американской исследовательницы Ф. Сток, «женский пол для ученых, по-видимому, не существовал». Подобное положение вещей исследователь-

ница связывала с тем, что женщина в предыдущие столетия не играла важной роли в обществе. В конце концов всякого рода образование имеет социальное значение и преследует своей целью подготовку юного поколения к той роли, которую ему предстоит играть в обществе. В те времена, когда мужчин и женщин рассматривали как существа, во многом отличные друг от друга, их образование также заметно различалось. И если юноши из среды аристократов и буржуазии получали не только среднее, но и высшее образование, то для девушек доступ в университеты был закрыт вплоть до XIX века. «В обществе, где господствовали мужчины, женское образование определялось ими же», — констатировала Ф. Сток.

В книге по истории английского феминизма Г. Смит признавала «крайнюю степень ограниченности информации о женском образовании в XVII веке», что во многом объясняется скудной источниковой базой. Особенно малочисленны источники об образовании простолюдинок.

Интерес западных ученых к женскому образованию активизировался в связи с возникновением в мировой науке в 70-е годы XX столетия направления, занимающегося изучением «истории женщин», или гендерными (от. *англ.* gender — пол) исследованиями. Первые работы, связанные с женской тематикой, появились в США, а затем в странах Европы. Исследователей «истории англичанок» XVII века интересовало, как женщины осознавали себя и как они относились к переменам в обществе, происшедшим в результате двух революций, что они говорили и что писали о радикальных изменениях в культуре и жизни общества. Особое внимание ученые уделяли творчеству женщин, занятых литературным трудом. Появились книги по истории феминизма, а также монографии, посвященные видным феминисткам — Мэри Эстелл, Афре Бен, Элизабет Элстоб, леди Мэри Монтэгю и др. Надо заметить, что зарубежные ученые не ограничивались изданием книг и статей по гендерной истории, но создавали исследовательские проекты, группы и лаборатории, которые ставили своей целью «изучение женщин» в качестве комплексной научной проблемы.

В России гендерными исследованиями начали заниматься в 90-е годы XX столетия. В ряде университетов были созданы центры, которые объединяли усилия социологов, демогра-

фов, экономистов, юристов, медиков, этнологов, сексопатологов. Что касается историков, то число тех из них, кто занимался женскими и гендерными исследованиями, оставалось до недавнего времени незначительным. Причину этому исследовательница истории русских женщин Н. Л. Пушкарева усматривала в отсутствии социального заказа на подобные работы, недостатке подготовленных специалистов, а также в скудности источниковой базы и литературы по «женской истории» в библиотеках и книгохранилищах нашей страны.

Однако за последние годы интерес отечественных историков к гендерной истории заметно возрос. Уделяется большое внимание методологическим и историографическим проблемам «женской истории» (Л. П. Репина, Н. Л. Пушкарева). Появились работы, авторы которых изучают творчество ранних феминисток Англии (В. С. Трофимова, М. А. Буланакова, Е. В. Иерусалимская, И. М. Эрлихсон). При этом проблема женского образования в Англии в XVII веке не нашла своего продолжения в трудах российских ученых. Именно этим обстоятельством и объясняется решение выпустить в свет настоящее, второе, издание книги, прежде вышедшей под названием «Воспитание и образование англичанки в XVII веке», расширив и дополнив ее новыми сюжетами.

В своем исследовании мы опирались во многом на труды зарубежных ученых, в которых широко использованы архивные источники, в силу объективных причин недоступные для нас. Помимо вышеперечисленных работ мы обращались к произведениям Л. Стентон, Р. Томпсона, Л. Стоуна, Э. Флетчера, П. Гриффитса, трудам по социальной истории Англии Дж. Тревельяна, К. Хибберта и по истории образования — Дж. Лаусона и Г. Сильвера. Большой интерес для исследователей женского образования в Англии представляют монографии М. Рейнольдс, Дж. Камм, С. Мендельсон.

Автор задался целью рассмотреть состояние женского образования в Англии на протяжении периода правления династии Стюартов, с 1603 по 1714 год, обратив внимание на учебные программы, формы и методы обучения как английских аристократок, так и простолюдинок. В отличие от зарубежных исследователей, изучавших образование представительниц высших и средних слоев общества изолированно от образовательного процесса девушек из низших слоев, мы

предпочли рассмотреть женское образование во всей его совокупности.

В своей работе мы попытались также осветить проблему возникновения феминизма в Англии. Как правило, историю феминизма связывают с движением суфражисток (от *фр.* *suffrage* — избирательное право), которое возникло в Великобритании во второй половине XIX века, позднее получив распространение в США, Германии, Франции и других странах. Между тем свои первые шаги на пути к уравниванию в правах с мужчинами женщины сделали еще в XVII веке, начав с выдвижения требований равных прав в образовании и браке. Что способствовало зарождению феминистских идей, каким путем эти идеи распространялись в обществе, что представляли собой первые феминистки — ответы на эти и многие другие вопросы читатель также сможет найти в предлагаемой книге.

Важное место отводится изучению влияния общественного мнения на воспитание и образование женщин. Поскольку в последние десятилетия XVII века в Англии зародилось Просвещение, то, естественно, нас интересовало, какую роль в этом сыграли видные деятели просветительского движения: Дж. Локк, Д. Дефо, Р. Стиль, Дж. Аддисон, Б. МанDEVиль, Дж. Свифт, маркиз Галифакс. Привлечение их произведений, многие из которых вводятся в научный оборот в отечественной науке впервые (их перевод на русский язык дается в Приложении), во многом облегчило стоявшую перед автором задачу.

Просветительское движение, впервые зародившееся на Британских островах, очень быстро распространилось в Европе и Америке. Английский «след» отчетливо прослеживается в просветительских идеях во Франции, США, Германии, России. Нам представлялось интересным проследить, как повлияла английская модель образования на деятелей российского Просвещения в XVIII веке.

Глава 1

Формирование европейской традиции женского образования

1. Женское образование в странах Древнего мира и средневековой Европы

Издавна женщина рассматривалась в обществе как более слабый (и не только в физическом отношении) пол. Ее уделом было беспрекословное подчинение представителям пола «сильного». Одним из первых в защиту женщин выступил Платон. Свою теорию «платонической любви» он посвятил именно женщине, «мудрой в чувствах, как и во многом другом». В труде «Республика» он утверждал, что женщины должны принимать участие в управлении государством наравне с мужчинами, исполняя те же функции в обществе, что и они, даже защищая отечество, и потому им необходимо дать такое же образование, какое получают их братья и мужья. Однако лучший ученик Платона — Аристотель уже выражал общераспространенное мнение о том, что мужчина должен управлять, а женщина подчиняться. И потому о равном образовании полов не может быть и речи.

В Древней Греции девочек обучали чтению и письму дома, тогда как их братья посещали гимназии. Учителями девушек становились матери, а после замужества — их мужья. Как правило, афинские девушки были намного хуже образованы, нежели юноши. Чаще всего их обучение ограничивалось лишь навыками чтения и письма. Обычно женщин готовили только к домашней деятельности. Известный историк Ксенофонт не сомневался в том, что «для женщины пристало оставаться дома». В Древней Спарте главным для женщины считалось рождение здорового потомства, поэтому воспитание девушек имело своей направленностью по преимуществу физическое их развитие.

Древние римлянки были образованны намного лучше, чем гречанки. Их образованием занимались не только матери, но и учителя, которые обучали их братьев. В Риме появились и первые женщины-воспитательницы. Детей разного пола в семьях воспитывали совместно. Традиция совместного обучения будет восстановлена в эпоху Возрождения. Женское образование в Древнем Риме не отличалось разнообразием. Типичная древняя эпитафия гласит: «Сидела дома, пряла шерсть». Разумеется, подобная деятельность не требовала от женщины каких-либо особых знаний. В более поздние периоды истории Рима в домах богатых граждан девушек стали обучать литературе и музыке. Женщины начали также заниматься изучением философии и юриспруденции. Тогда же некоторые римские матроны впервые заговорили об эмансипации.

В IV—V веках женским образованием стали заниматься в монастырях. В 405 году один из учителей церкви Св. Иероним сочинил трактат «Письмо об образовании девушки». Трактат, обращенный к его ученице, римской аристократке Павле, содержал рекомендации, как ей воспитывать и обучать свою дочь. Иероним считал необходимым обучение девушки грамоте. На его взгляд, делать это следовало совместно с другими детьми, чтобы «стимулировать рвение ученицы к учебе». Если девочка ленится, то бранить ее за это не следует, похвала же будет лучшей наградой за ее успехи. «Позволь дочери радоваться, когда она первая в учебе, и печалиться, если она отстает, — писал Иероним. — Главное — не делай для нее занятия неприятными». Важную роль в образовании девушки должна

играть, на взгляд священнослужителя, конечно же, религия. «Заставляй дочь ежедневно повторять тексты из Священного Писания, — наставлял он Павлу. — Когда же девочка подрастет, то сопроводи ее в церковь и пусть Дева Мария станет для нее примером для подражания».

Большое внимание в трактате священник уделил нравственному воспитанию девушки. Он предостерегал мать от любых нежелательных контактов дочери с людьми, которые могут оказать на нее «дурное влияние», а также от мужской компании. Он считал, что девушке не следует уходить куда-либо из дома одной и даже в церковь ее должна сопровождать мать. Иероним не обошел вниманием и внешний вид девушки. Он не советовал ей украшать шею жемчугами, а пальцы — золотыми кольцами. «Вместо драгоценностей и шелка пусть твоя дочь полюбит манускрипты Святого Писания, в которых найдет для себя наставления на истинный путь», — констатировал священник. Главное для девушки, считал Иероним, сохранить свою невинность. Он давал также рекомендации относительно питания молодой особы. Ее пища должна быть простой и скромной: овощи, хлеб, немного рыбы. Никакого вина. Короче говоря, девушка «должна быть немного голодна, когда начинает читать или молиться либо распевать псалмы». Не забыл автор трактата упомянуть и о тех, кто должен заниматься женским воспитанием и образованием. На его взгляд, в учителя следовало подбирать людей «знающих и достойных», которые обучат греческому и латыни. Однако главная роль в воспитательном процессе остается за матерью. «Ты должна быть ее учительницей и являть собой пример для подражания, — наставлял Павлу Иероним. — Полагаю, что своим примером ты обучишь дочь лучше, чем с помощью любых слов».

Трактат Св. Иеронима явился, по сути, одним из первых произведений, которое защищало не просто женское образование, но образование светское. Данное произведение, гуманистическое по своему характеру, являло собой своеобразный шедевр европейской педагогической мысли раннего Средневековья.

По утверждению Ф. Сток, нет никаких сведений о внецерковном женском образовании в Европе в VI—XI веках. (Внемонастырское мужское образование началось с указа Карла Вели-

кого в 787 году о создании приходских школ.) Дочери знатных людей помещались в монастыри и там получали минимальные познания в области религии. Их обучали настоятельницы, которые зачастую сами едва умели читать, и священнослужители. Учебная программа монастырей включала в себя чтение, письмо, пение, минимальные познания в грамматике и арифметике, уроки рисования, дабы ученицы могли украсить переписываемые ими рукописи религиозного содержания. Нередко девочек обучали также простейшим медицинским навыкам. Большим достоинством монастырского образования было использование в учебном процессе латыни в качестве разговорного языка, что позволяло девушкам знакомиться с древней поэзией. Однако светская литература очень быстро была потеснена литературой религиозного характера.

В XII веке положение женщины в ряде европейских стран претерпело заметные изменения. Возникает культ дамы, который становится необходимым элементом куртуазной рыцарской культуры. Прекрасная дама, вдохновляющая авторов рыцарских романов и трубадуров, конечно же, должна была быть женщиной образованной, чтобы вызывать утонченное и возвышенное чувство любви и преклонения со стороны своего рыцаря.

Позднее, в XV—XVI веках, социально-политические изменения, свершившиеся в континентальной Европе, привели к тому, что женское образование, например в Испании и Италии, было интегрировано в общую культуру государств, и среди студентов и профессоров университетов уже нередко можно было встретить женщин. Во Франции широкую известность приобрела ученый и поэтесса Кристина Пизанская (1362—1429), убежденная сторонница интеллектуальной свободы для женщин. Американская исследовательница Дж. Келли связывала зарождение феминизма именно с ее творчеством. В Англии, однако, такой, как на континенте, традиции женского образования не существовало, и по 1539 год в стране сохранялось монастырское обучение. Церковь владела монопольным правом контроля над образованием, и никто не имел права обучать без разрешения епископа. И лишь Реформация, проведенная королем Генрихом VIII Тюдором, положила конец как монастырям, так и монастырскому образованию.

2. Гуманисты эпохи Возрождения о женском образовании

Возрождение и Реформация XVI века произвели значительные перемены в европейской системе образования. Ученые-гуманисты этого времени считали, что чем лучше образован человек, тем выше его добродетели. Они же первыми признали необходимость женского образования. Большой вклад в развитие теорий, обосновавших необходимость женского образования в Англии в XVI веке, внесли Томас Мор, Луис Хан Вивес и Эразм Роттердамский.

Великий гуманист Томас Мор (1478—1535) впервые озаботился проблемой женского образования, когда женился на очаровательной семнадцатилетней девушке. Поначалу он пытался заинтересовать ее музыкой и книгами, просил повторять содержание прослушанных в церкви проповедей. Однако все это вызывало недоумение у молодой супруги, поскольку серьезное учение было ей в новинку. Очень скоро юная леди стала скучать на занятиях, которые проводил с ней супруг, а затем и вовсе отказалась подчиняться его требованиям. Когда же Томас Мор все-таки попытался усадить ее за книги, она ударилась в слезы и даже пригрозила, что покончит с собой, если впредь ее будут принуждать к учебе. Тогда он решил нанести визит родителям жены. По прибытии к родственникам Мор оставил жену в обществе ее матери и сестер, а сам уединился с тестем. Поделившись своими сложностями в семейной жизни, Томас Мор услышал в ответ: «Я отдал свою дочь тебе, и она теперь полностью в твоей власти. Если же жена не подчиняется, то ты вправе ее научить уму-разуму силой». На это он заявил, что предпочел бы повлиять на жену скорее с помощью авторитета отца, нежели столь крайними мерами. Тесть согласился побеседовать с дочерью. Он пригрозил, что отдаст ее в услужение к «свирепому господину», если она не переменит своего поведения по отношению к мужу. Угроза отца подействовала, и семейная жизнь супругов постепенно наладилась. Их брак оказался счастливым. Они родили четверых детей: сына и трех дочерей. Всем детям Томас Мор дал классическое образование. Он нанял для них лучших учителей по латыни и греческому, философии, астрономии и ма-

тематике. Мор самолично контролировал образовательный процесс детей, а когда уезжал надолго по делам, то просил детей писать ему письма на латыни и сообщать в них о своих успехах в учебе. Он переписывался и с учителями своих детей. Наставника дочерей Уильяма Госпелла он инструктировал: «На первом месте должна стоять добродетель, знания — на втором, необходимо прежде всего привить девушкам уважение, богопочитание, милосердие ко всем, а также христианское смирение». На взгляд Мора, «образованность и добродетель предпочтительнее всех сокровищ короля».

Среди детей Мора своими талантами выделялась его любимая дочь Маргарет. Она освоила греческий и латынь, изучала философию, астрономию, физику, арифметику, логику, риторику и музыку, высказывала глубокие и серьезные суждения. Мор гордился успехами дочери, ее способностями, показывал письма, написанные Маргарет, своим ученым коллегам. Выйдя замуж, Маргарет не оставила своих научных занятий — в частности, продолжала переводить с латыни. Так, она перевела на английский язык произведения Эразма Роттердамского. Когда Маргарет ждала ребенка, отец написал ей, что хотел бы иметь внука, но если родится девочка, то пусть она станет «такой же образованной и добродетельной», как ее мать, и что «такую девочку он предпочел бы троим мальчикам». Его личный опыт убеждал в том, что умственные способности женщины ничуть не уступают мужским, а зачастую и превосходят их. Он недоумевал, почему образование не распространяется в равной мере на оба пола. Ученый утверждал: если женщина по своей природе «строптивая и порождает больше сорняков, чем плодов», то исключительно в силу недостатка образования. Именно поэтому Томас Мор призывал заниматься воспитанием и образованием женщин «более усердно».

Другой известный гуманист эпохи Возрождения — Эразм Роттердамский (1466—1536) был другом и частым гостем Томаса Мора. Знакомство с семейством Мора заставило Эразма признать, что женщины должны быть образованны так же, как и мужчины. Он написал трактат «Образованная юная леди», в котором доказывал, что образование способно помочь молодой даме отстаивать право на собственную духовную жизнь. Гуманист не одобрял заточения девушек в монастырь.

Он считал, что женское образование должно быть направлено к тому, чтобы сделать из девушек хороших жен и матерей. Вместе с тем он отвергал право женщин на преподавание, считая «противоестественным» для них контроль над мужчинами.

Признанной носительницей гуманистической традиции образования женщин стала первая супруга короля Генриха VIII Тюдора — Екатерина Арагонская. Ее мать — испанская королева Изабелла Кастильская сама была женщиной высокообразованной, знала несколько языков. Для своих четырех дочерей она приглашала лучших учителей. Неудивительно, что Екатерина Арагонская еще в детстве легко читала на латыни и других языках. Она восхищалась трудами Эразма. По ее настоянию великий гуманист написал трактат «О христианском браке», в котором защищал женское образование. Когда Екатерина Арагонская прибыла в Англию, она была тепло встречена лорд-канцлером Томасом Мором. Большой заслугой английской королевы на ниве женского образования стало привлечение в качестве наставника дочери, будущей королевы Марии Тюдор, известного испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса.

Хуан Вивес (1492—1550) получил образование в университете Валенсии, затем посещал лекции Эразма Роттердамского, а в 1523 году прибыл в Англию, чтобы послушать лекции в Оксфордском университете. Будучи учителем дочери Генриха VIII, Вивес написал ряд памфлетов в защиту женского образования, а также учебник, предназначенный для Марии Тюдор, который позднее был использован для обучения других детей короля, будущих правителей Англии из династии Тюдоров — Эдуарда VI и Елизаветы I.

Самым известным произведением Вивеса в защиту женского образования стал трактат «Наставление для христианки», написанный на латыни и переведенный на английский язык в 1529 году. Это была первая в Европе книга, посвященная женскому образованию. Трактат выдержал более сорока изданий и был переведен также на испанский, голландский, французский, немецкий и итальянский языки. Однако наибольшую известность произведение Вивеса приобрело в Англии. Английская знать в XVI веке, подобно знати других европейских государств, приходила в упадок. Ее все больше

теснили представители средних классов, буржуа, укреплявшие день ото дня свои позиции во всех сферах жизни. «Новые дворяне», не всегда знавшие грамоту, тянулись к знаниям. Но этот процесс постепенно затронул и аристократок.

В «Наставлении для христианки» Вивес писал, что главное предназначение женщины — быть хорошей женой и матерью и что девушек надо готовить к этой роли заблаговременно. Он соглашался с Эразмом в том, что женщинам не следует быть учительницами, но уверял, что первой наставницей для дочери должна стать ее мать. Девочек необходимо научить чтению книг, которые известны «добродетельными наставлениями», а также переписыванию текстов из Библии или работ философов. Для чтения Вивес рекомендовал произведения Платона, Цицерона, Сенеки. Большое внимание в трактате уделено религиозному воспитанию девушек, и, более того, сказано, что одним из основных их занятий должны быть молитвы. Давая советы относительно того, какую литературу девушкам следует читать, Вивес в то же время полагал, что большую часть времени они все же должны уделять домашней работе, а не учебе. «Мужчины заняты в стране и за ее пределами, как собственными, так и общественными делами, — утверждал он, — поэтому они нуждаются в чтении многих книг и детальном и продолжительном их изучении. Что же касается женщин, то для них главное — честность и целомудрие, и, если они об этом заботятся, этого вполне достаточно». Вивес посвятил немало страниц проблеме целомудрия женщины, сохранения девичьей чести. Он предостерегал девушек от любых контактов с мужчинами и считал, что девушки должны заблаговременно готовить себя к браку и ради этого в юности вести аскетический образ жизни: пить только воду и есть простую пищу. Это позволило бы, на его взгляд, избавить девушек от лени. Покидать дом им следует лишь только для посещений церкви, да и то в сопровождении кого-либо из домашних, не привлекая при этом внимания посторонних. В своем трактате Вивес касался трех периодов в жизни женщины (девичества, замужества, вдовства), для каждого из которых рекомендовал соответствующую манеру поведения, стиль одежды, характер взаимоотношений с родными и друзьями.

В другой своей работе «План обучения девушек», посвященной принцессе Марии Тюдор, Вивес давал конкретные

рекомендации по обучению латинскому языку. «Начинать лучше с переписывания коротких текстов и их перевода на латинский язык, — советовал ученый. — Вначале выбирайте простые тексты, но постепенно усложняйте их с тем, чтобы встречались все формы речи. Сочетайте тексты религиозного характера с забавными и веселыми сюжетами». Для обучения принцессы разговорной речи на латинском языке Вивес предлагал пригласить трех-четыре компаньонов, полагая, что «учиться в одиночестве скучно». При этом ученый предостерегал, чтобы среди приглашенных учеников не было таких, от которых принцесса могла бы узнать или услышать такое, что «заденет ее нравственность». Книги, к которым надлежит обращаться принцессе, должны формировать у нее «правильный образ мышления», а также соответствующую разговорную речь. В числе подходящих авторов Вивес называл Цицерона, Сенеку, Плутарха, Платона (прежде всего его произведения о государственном управлении), Св. Иеремию, Эразма и Томаса Мора.

Проблема нравственного воспитания и образования женщин была поднята Вивесом в трактате «Обязанности мужей», вышедшем в 1529 году и в следующем году переведенном на английский язык. В книге, предназначенной для мужской аудитории, автор рассуждал о преимуществах образования женщин и защищал их способности более откровенно, нежели в предшествующих трудах. «Женщина, как и мужчина, является разумным созданием, — писал он, — и имеет ум, который можно усовершенствовать или ухудшить. Разве хорошо, если женщина лишена образования?» Христианские принципы требуют, чтобы женщины «обучались и наставлялись, как и мы, мужчины». В то же время Вивес делал различия между полами в учебном плане. На его взгляд, женщины должны читать философские работы и при желании поэзию. «Что же касается знаний грамматики, логики, истории, управления и математики, то все это непригодно для женщин и должно оставаться привилегией мужчин». Вивес уверял: хорошо образованная женщина станет «наградой и приобретением» для мужа, поскольку его дом будет умело управляться, дети «наставляться в устоях добродетели», а сам он будет жить в мире и согласии с супругой. Ученый считал, что образованная же-

на — это не служанка или компаньонка для мужа, но его «преданный помощник, мудрый и сердечный друг».

Произведения Мора, Эразма и Вивеса оказали заметное влияние на формирование в Англии светской традиции женского образования. Примечательно, что европейские гуманисты ратовали за предоставление образования не только аристократам, но и представительницам средних классов. Разумеется, это объяснялось скорее прагматическими соображениями, нежели заботой об интеллектуальном развитии женщин. Ведь образованная женщина становилась не только достойной спутницей своего супруга, но и его толковой помощницей в бизнесе, рачительной домоправительницей, а также добродетельной матерью, способной воспитать хороших детей. Но поскольку вся деятельность женщины ограничивалась в ту пору домом и хозяйством, то даже приверженцы гуманизма не выказывали намерения предоставить ей такое же образование, какое получал мужчина. В результате образование женщин в XVI веке ограничивалось лишь освоением грамоты, азов домоводства и религиозными наставлениями. Классические языки и музыка были доступны лишь немногим аристократам. Тем не менее в Англии стали появляться высокообразованные женщины.

3. «Золотой век» образованных англичанок

Годы правления младшей дочери Генриха VIII — королевы Елизаветы Тюдор (1558—1603) историки окрестили «золотым веком» образованных дам. В правление Елизаветы женское образование рассматривалось как составляющая часть культуры Возрождения. И неудивительно, ведь сама королева по праву пользовалась репутацией высокообразованной женщины. Ребенком она была развита не по годам и проявляла большие способности к учебе. В одиннадцать лет Елизавета вручила королеве Екатерине Паррской свой перевод с латинского поэмы «Зеркало грешной души» на 128 страницах. Переводу сопутствовала шелковая обложка, которую принцесса вышила собственноручно.

К управлению страной Елизавета готовилась загодя и основательно. Ежедневно по три часа она проводила за изучением истории. Занятия включали также уроки астрономии, математики, логики, философии, архитектуры, поэзии. Елизавета хорошо знала латынь и греческий, свободно изъяснялась на французском, испанском и итальянском языках. Став королевой, она пользовалась любой возможностью, чтобы поговорить с послами разных стран на их родных языках. Она много читала. Среди книг, прочитанных ею вместе с наставником — известным педагогом Роджером Эшемом, — труды Цицерона и Ливия, древнегреческие трагедии и многочисленные религиозные трактаты. Утренние часы Елизавета посвящала чтению Нового Завета на греческом, затем переходила к Сократу и трагедиям Софокла. По признанию наставника, никто из женщин не мог превзойти Елизавету в знаниях. Кроме того, королева отличалась музыкальными способностями и прекрасно вышивала — говорили, что в рукоделии, как и в искусстве писать письма, она не знала себе равных.

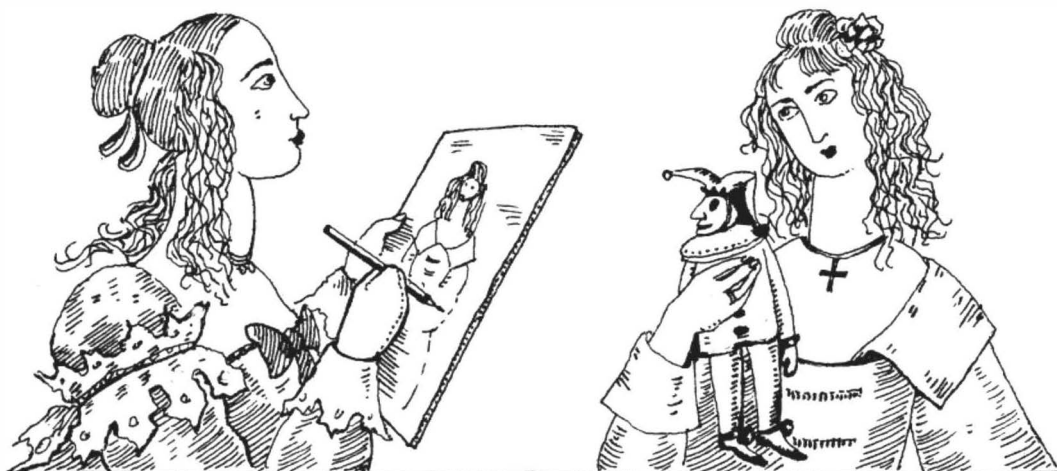
Гуманизм XVI века изменил отношение к женщине, по крайней мере к представительницам высших социальных слоев. В эпоху правления Елизаветы некоторые дамы из аристократических семей, приближенные ко двору, были неплохо образованны. Они были знакомы с классическими языками, свободно говорили на французском и итальянском, пели, танцевали, играли на музыкальных инструментах — лютне и спинете. Незаурядными способностями и тягой к знаниям прославилась внучка Генриха VII Джейн Грей. Уже в шесть лет она знала латынь, греческий, итальянский, испанский и французский языки. Спустя несколько лет овладела еще и древнееврейским и арабским языками.

Разумеется, высокообразованные дамы, подобные Елизавете Тюдор и Джейн Грей, встречались в эпоху Тюдоров крайне редко и были скорее исключением, нежели правилом. Гильда Смит насчитала всего пятнадцать леди, которые отличались столь высокой образованностью. Среди них были дочери Томаса Мора, сэра Энтони Кука и герцога Сомерсета. Как правило, хорошее образование имели дамы, приближенные ко двору королевы. Однако бывали случаи, когда ко двору брали девушек из знатных родов, не очень сведущих в науках. Так, леди Бриджит Маннерс попала тринадцатилет-

ней девушкой ко двору Елизаветы. Она не знала грамоты и не получила никакого образования, кроме музыкального: умела играть на лютне. Однако положение придворной дамы обязывало, и юная аристократка стала понемногу учиться у своих приятельниц. Так королевский двор постепенно обретал черты неформального образовательного центра для женщин из высшего слоя общества.

В обществе, однако, был больше популярен иной тип женщины — домохозяйки, которая во всем подчиняется своему супругу. В 1561 году вышел в свет перевод на английский язык трактата итальянского гуманиста Б. Кастильоне «Книга о придворном», в котором автор предлагал свой вариант идеальной женщины — домоправительницы, не слишком усердной в грамоте, но искусной в музыке, танцах и рукоделии. Несколько раньше немецкий гуманист Мартин Лютер (1483—1546) сформулировал протестантскую идею о месте и роли женщины в обществе предельно кратко: она должна «оставаться дома, вести хозяйство и рожать детей». Эта идея была положена в основу образовательной системы, главенствующую роль в которой играла протестантская церковь, в результате чего уровень женской образованности в Англии начал понижаться. Если в XVI веке знание латыни или греческого, чтение в подлиннике произведений Платона и Аристотеля, по замечанию английского ученого Л. Стоуна, «добавляло шарма аристократке», то век спустя Платон уже мало кого интересовал. После смерти королевы Елизаветы, ценившей образованных женщин, отношение к ним в обществе также претерпело заметные изменения: вместо былого восхищения образованные дамы стали подвергаться насмешкам.

Глава 2 Английская леди за школьной партой

1. Женская грамотность в стране и при дворе

Король Яков I Стюарт, вступивший на престол в 1603 году, к женскому образованию относился с долей скептицизма. Он не считал необходимым обучать серьезно даже собственных дочерей; во всяком случае, латыни их не учили. На его взгляд, «давать женщинам образование все равно что обучать лисиц хитрости и изворотливости».

Любимая дочь Якова — принцесса Елизавета была способным ребенком, однако ее учеба ограничилась музыкой, танцами да французским и итальянским языками. По воспоминаниям современников, принцесса отличалась «живостью манер, приветливостью в общении, природной красотой, незаурядным интеллектом и способностями, полностью не раскрытыми». До семи лет она жила вдали от королевского двора, в семье лорда Ливингстона, а позже, в 1603 году, ее передали на попечение супругов Гаррингтонов, которые поселились с принцессой в аббатстве Комб, что близ Ковентри. Чаще всего принцесса была предоставлена самой себе. Она

предпочитала вести вольную жизнь: вместе с братом охотилась на лис, увлекалась спортом и скачками. Ее письма, адресованные «горячо любимому брату» и отцу, на английском, французском и итальянском языках, а также ее стихи свидетельствуют о неординарности и интеллектуальных способностях девушки. К слову сказать, подобного мнения придерживалась и первая исследовательница женского образования Дороти Гардинер. Впрочем, она утверждала, что в отличие от других детей Якова Елизавета была хорошо образованна. В подтверждение своих слов исследовательница приводила счета за обучение принцессы, представленные к оплате ее наставником лордом Гаррингтоном. Судя по ним, в 1612 году из королевской казны было уплачено: 10 фунтов — настройщику музыкального инструмента (спинета); 29 фунтов 8 шиллингов — учителю письма, в том числе на приобретение им книг, перьев и чернил; 28 фунтов 10 шиллингов — на покупку Библии и исторических трудов. Заметим, что по тем временам это были значительные расходы. Вместе с тем Яков не очень-то интересовался успехами дочери, и, когда ее наставник сообщил ему о том, что принцесса освоила латынь, греческий и древнееврейский языки, он лишь поинтересовался, умеет ли она прясть. Дальнейшая жизнь принцессы сложилась неудачно. В четырнадцать лет Елизавету выдали замуж за короля Богемии Фридриха V, который через год потерял и корону, и королевство. Последующие годы Елизавета провела в эмиграции. Она рано овдовела и после реставрации Стюартов в 1660 году возвратилась на родину.

Образование других представительниц династии Стюартов оставляло желать лучшего. Так, внучка Якова I — королева Мария, ставшая супругой короля Вильгельма Оранского, пользовалась репутацией «превосходно образованной женщины», хотя на деле была не в ладу даже с орфографией. Подтверждением тому может служить надпись с ошибками, сделанная рукой королевы на подарочном издании Библии. Эта книга и поныне хранится в Национальной библиотеке Гааги. При этом она отличалась живым умом, проявляла живой интерес к архитектуре, садоводству, коллекционировала фарфор, любила вышивать.

Младшая сестра Марии, последняя представительница династии Стюартов — королева Анна, хотя и относилась с сим-

патией к просвещенным женщинам, сама высокой образованностью не отличалась. Ее познания в истории и географии, как, впрочем, в искусстве и литературе, по мнению ученых, были поистине удручающими. В юности она любила музыку и умела играть на гитаре, в зрелом же возрасте не желала слушать даже собственный оркестр. Как отмечал британский историк К. Хибберт, речь королевы напоминала язык «безынициативной, лишенной каких-либо эмоций женщины». Королева приходила в восторг лишь от кулинарных изысков и проявляла интерес только к карточной игре и скачкам. Она могла подолгу беседовать о моде, погоде и прочих «столь же убогих материях». Королева отличалась отменной памятью, но пользовалась ею исключительно для того, «чтобы запомнить придворный этикет». Занимая высший пост в государстве, она плохо разбиралась как в том, что творится в мире, так и в том, что происходит в собственном королевстве.

Если королевы и принцессы из династии Стюартов не отличались особыми познаниями, то что можно говорить об уровне образования других леди — аристократок и представительниц средних классов? Насколько образованными были они? И как вообще обстояло дело с грамотностью в английском обществе в правление династии Стюартов? Ответы на эти вопросы дает в книге «Грамотность и социальный порядок» профессор Калифорнийского университета Дэвид Крэсси. Оказывается, в 40-е годы XVII века уровень неграмотности англичан колебался от 33 процентов в Лондоне до 94,6 процента — в графстве Вестморленд. С женской грамотностью дело обстояло еще хуже. Так, в начале века неграмотность среди женщин, проживавших в столице, достигала 91 процента, к середине столетия она снизилась до 81 процента и только к концу века сократилась почти вдвое, составив 52 процента. Согласно данным Крэсси, в графстве Норвич среди рассматриваемых категорий английского общества (духовенство, джентри, йомены, торговцы и ремесленники, земледельцы, слуги, наемные рабочие, женщины) англичанки оказываются на последнем месте (11 процентов грамотных), уступая наемным рабочим (15 процентов) и слугам мужского пола (18 процентов). По подсчетам американской исследовательницы Р. Перри, в конце столетия число неграмотных женщин в Лондоне составляло 52 процента, а в провинции —

80 процентов. Мужская грамотность была заметно выше: неграмотных мужчин в столице было 30 процентов.

Приведенные данные об уровне женской грамотности в Англии в XVII веке позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, очевидно, что он был невысок. Во-вторых, выясняется, что представительницы не только низших, но и высших и средних слоев общества в большинстве своем оставались неграмотными. При этом уровень грамотности женщин в столице был заметно выше, чем в провинции. Это естественно, поскольку Лондон был не только культурным центром, но и средоточием государственных институтов, а значит, здесь собирались наиболее образованные жители страны. Наконец, становится очевидной та диспропорция, которая существовала между образованными мужчинами и женщинами: число последних по грамотности заметно уступало «сильному полу». Это было одной из причин того, что необходимость женского образования ощущалась английским обществом все сильнее. Впрочем, далеко не все англичане выступали в защиту женской образованности.

2. Сторонники и противники женской образованности

В XVII веке в английском обществе развернулась оживленная дискуссия по поводу того, нужно ли образование женщинам. Эта дискуссия, в которой не обошлось без обсуждения женской природы, нравственности и интеллектуальных способностей, имела длинную предысторию и носила «международный характер», поскольку в ней принимали участие не только англичане, но также французы и голландцы. Филлис Сток считала, что корни ее уходят еще в XIII век, когда во Франции вышел в свет «Роман о Розе», где говорилось о равенстве полов. Вокруг этого сочинения развернулись споры, в которых особенно проявила себя писательница Кристина Пизанская — она утверждала, что недостаточное образование женщин способствует их закабалению со стороны мужчин. Позже в защиту женского образования выступили гуманисты Возрождения, — впрочем, они оговаривались, что просвещение необходимо исключительно аристократам, и

в первую очередь придворным дамам. Гуманисты не уставали повторять тезис о том, что необразованные женщины, запертые в своих домах, лишены возможности развивать собственный интеллект. Голландский ученый Агриппа Неттесгеймский в трактате «О нравственном превосходстве женщин над мужчинами» выражал восхищение женской интуицией и утверждал, что женский ум намного тоньше и проницательнее мужского. Между тем, отмечал он, сфера деятельности женщины ограничена в силу обычаев, а главное, по причине угнетения со стороны мужчин.

Новый всплеск интереса к проблеме произошел в начале XVII века во Франции. В 1617 году в Париже вышла книга «Азбука несовершенств и злонамерений женщин». На протяжении тридцати лет она выдержала двенадцать изданий и вызвала дискуссию в обществе. Одной из первых в спор включилась Мэри Монтень — дочь известного философа Мишеля Монтеня (1533—1592). Ее отец не одобрял серьезного образования для женщин; тем не менее Мэри была достаточно образована для того, чтобы заняться литературным трудом. В 1622 году она написала трактат «Равенство мужчин и женщин», который посвятила королеве Франции. Мэри Монтень отстаивала идею равенства полов, опираясь при этом на труды Платона и ссылаясь на Библию. Она утверждала, что мужчина и женщина имеют одинаковые способности, а существующие различия между ними в интеллектуальной сфере связаны лишь с разными условиями существования и их можно устранить, если женщина, как и мужчина, будет развивать свои умственные способности.

Подобная концепция нашла немало сторонников среди мужчин. Так, священнослужитель Пьер Дюбоск написал книгу «Добродетельная женщина», в которой утверждал, что женщин следует обучать истории, философии, музыке, поэзии и риторике. На его взгляд, хорошие книги помогут женщинам сформировать свои взгляды, выработать самостоятельные суждения, а также укажут способ, как занять достойное место в обществе.

Интерес к проблеме женского образования оставался во Франции стабильным на протяжении всего XVII столетия и постепенно охватывал другие страны. В 1638 году на латинском языке вышел трактат «О женском вопросе: должна ли

женщина быть образованной?» голландского ученого-лингвиста, знатока европейских и восточных языков, в том числе арабского и персидского, Анны Марии ван Схурман, которая отказывалась признать мнение большинства мужчин о том, что женщины призваны оставаться всего лишь «самым прекрасным из всех украшений мира». На ее взгляд, женщину «к игле и ножницам» привязывает только обычай. «Невозможно, чтобы души, способные на многое, были ограничены рамками, которые определило для них общественное заблуждение», — писала ван Схурман, ссылаясь на то, что еще Аристотель считал стремление к знаниям естественным для всех разумных существ.

Английский перевод книги ван Схурман был осуществлен в 1659 году одной из первых феминисток Батсуа Мейкин. Дамы были лично знакомы, что дало Мейкин повод посвятить коллеге трактат «Очерк о том, как возобновить прежнее обучение леди в религии, искусствах и языках» (1673 год). Женщины, писала автор трактата, ведут бесполезную жизнь, однако ответственны за это не только они, но и мужчины, которые лишают их образования, поскольку опасаются, что женщины превзойдут их в своих достоинствах. Батсуа Мейкин настаивала на необходимости серьезного классического образования для леди.

Кульминацией в диспуте о женском образовании стало появление работ французского ученого Пулена де Лабарра «Об образовании женщин» (1671 год) и «О равенстве двух полов» (1673 год). В первой книге ученый доказывал, что подтверждений недостатка интеллектуальных способностей женщины не существует, просто они еще не в полной мере раскрыты. На его взгляд, в оба пола заложены равные способности, но женщинам сложнее их раскрыть в силу того, что им не позволяется читать иных книг, кроме религиозных трактатов. Если же женщина обладает равными с мужчиной способностями, то она должна иметь и такие же права на образование, какими располагает сильный пол. Далее де Лабарр предлагал программу для обучения женщин, которая включала в себя науку и медицину, математику и астрономию, закон и географию, историю и философию. Он защищал также право женщин обучаться в университетах, чтобы впоследствии они сами могли преподавать.

В другой книге — «О равенстве двух полов» Пулен де Лабарр утверждал: поскольку органы мышления у женщины и мужчины анатомически устроены и функционируют одинаково, то нет оснований для того, чтобы отказать женщине в праве стать философом, учителем, юристом, ученым, дипломатом, политиком, воином. Женщина должна занять достойное место в тех сферах общественной жизни, куда ее не пускают мужчины. Автор также давал женщинам советы по поводу физических упражнений, которые они должны выполнять, чтобы в случае беременности продолжать исполнение своих профессиональных обязанностей. Дело в том, что, хотя он и высказывался в защиту общественной активности женщины, все же ее главное предназначение он усматривал в рождении и воспитании детей.

Сторонники женского образования среди представителей сильного пола нашлись и в Англии. Актер и драматург Томас Хейвуд опубликовал две книги, в которых высказывал желание, чтобы женщина имела возможности для раскрытия всех своих способностей. Сторонником женского образования был также автор известных мемуаров эпохи Реставрации епископ Дж. Бернет. При этом, однако, он выступал против вовлечения женщин (равно как и священнослужителей) в общественную жизнь. Давая рекомендации молодым людям относительно выбора будущей супруги, он отмечал не только необходимость «должного понимания» со стороны невесты, но и наличие у нее «умеренного образования». Епископ высказывался в поддержку устройства так называемых «женских академий», предназначенных для образования и «религиозного уединения» аристократок. Бернету нравилось общество просвещенных дам. О своей первой жене леди Маргарет Кеннеди епископ написал в мемуарах, что она была очень образованной дамой, много читала и прекрасно знала французский, итальянский, испанский языки. Она изучала классических авторов — римлян и греков, сама хорошо знала историю и ко всему прочему неплохо разбиралась в современной политике. Вторая супруга епископа Мэри Скот также была женщиной неординарной. Она хорошо рисовала и музицировала, бегло читала и свободно изъяснялась на французском и голландском языках, прекрасно разбиралась в вопросах религии. Все это не мешало ей оставаться доброй и заботливой матерью,

нежной и любящей супругой, хорошей хозяйкой дома. После ее кончины епископ женился в третий раз. Его третья супруга писала сочинения на религиозные сюжеты.

Надо признать, что среди англичан было достаточно и противников женской образованности. В 1614 году вышел в свет трактат сэра Томаса Овербера «Характеры», в котором автор представил портрет «добродетельной женщины», для которой главная цель жизни — «благополучие супруга». В другом сочинении он же утверждает, что «книги являются чисто мужской прерогативой». Подобного мнения придерживался и другой английский автор — Пауэл, который в книге, изданной в 1631 году, писал, что для женщины первостепенной должна быть домашняя работа, а не образование. «Позвольте женщинам заниматься любой работой по дому, — писал он. — Вместо пения и музыки обучайте их кулинарии и стирке, а вместо книги “Аркадия” Филиппа Сиднея (очень популярная в те времена книга среди женской аудитории. — *Т. Л.*) дайте им в руки руководство по домоводству». Аналогичного взгляда придерживался и писатель Ричард Бретвейт, который издал в 1631 году книгу под названием «Английская леди». На его взгляд, «совершенная леди» отличается скромностью, благонравием, умением сохранить любовь своего супруга, заботой о здоровье и благополучии своих домочадцев — но никак не образованием. В другой книге — «Время сокровищ», вышедшей в свет в 1641 году, Бретвейт доказывал, что юных аристократок следует обучать только чтению для того, чтобы они могли освоить Библию, молитвенник и читать переводные романы. На его взгляд, женщина может заслужить уважение не знаниями, а достойным поведением. Главным же объектом ее забот должны оставаться дом, семья и... рукоделие.

Суждение о том, что женский удел — это дом и семья, было широко распространено в английском обществе в XVII веке. Идеальной считалась женщина скромная, добродетельная и... молчаливая, открывавшая рот только тогда, когда ее о чем-нибудь спрашивали. Естественно, что подобный идеал исключал классическое образование. Например, сэр Ральф Верней увещевал свою двенадцатилетнюю крестницу отказаться от намерений изучать латынь, древнееврейский и греческий языки и советовал ей обратиться к более подходящим

для девочки предметам. «Поверь мне, — писал он крестнице. — Библия, молитвенник и катехизис в изложении твоей матери, прочитанные и заученные наизусть, ценнее всего другого и более подходят твоему полу. Не сомневаюсь, что твой будущий супруг будет со мною солидарен... В изучении французского языка, конечно же, стоит проявить усердие, поскольку его знание сделает доступными для тебя многие полезные книги по истории, а также романы, пьесы, поэзию и всяческие советы, необходимые хорошей хозяйке дома».

Надо признать, что идеал не слишком хорошо образованной аристократки долгое время был привлекательным для самих женщин. Так, в трактате «Материнское наследие неродившемуся дитя», изданном в 1622 году, Элизабет Джослайн писала, что если у нее родится дочь, то она будет ее обучать только чтению, Библии и письму, а также постарается привить девочке качества добродетельной жены и хорошей хозяйки дома. Книга Джослайн вызвала особый интерес у читающей публики в связи с тем, что сама Элизабет умерла спустя девять дней после рождения дочери.

Другой автор — Дороти Лей в небольшом трактате «Материнское благословение» убеждала матерей учить детей только чтению. «Обучайте детей чтению с четырех лет или даже раньше и учите до десяти лет, — писала Дороти. — Именно в этом возрасте формируется разум, тяга к чтению усиливается, что позволит лучше подготовить детей к дальнейшей жизни и служению Богу, королю и Отечеству». Книга Лей имела большой успех и была переиздана несколько раз. Быть может, ее прочитала и супруга самого известного в XVII веке мемуариста Джона Эвелина, которая тоже придерживалась мнения о том, что женщине не нужна «излишняя образованность». Сама Мэри Эвелин вышла замуж, едва ей исполнилось тринадцать лет, и ее образованием занимался супруг. Под его руководством Мэри много читала, научилась говорить по-французски и понимать итальянскую речь — судя по всему, она тянулась к знаниям. Однако, став матерью, изменила свое отношение к женскому образованию. В письме сыну Мэри писала: «Женщины рождены не для того, чтобы читать и критиковать образованных авторов книг, судить о заслугах, давать уроки морали... Мы должны знать все то, что досталось нам от предков и что является нашими обязан-

ностями. Это — забота о воспитании детей, исполнение распоряжений супруга, помощь беднякам и друзьям. И этого вполне достаточно для большинства женщин». Несмотря на подобное «патриархальное» отношение леди к женской образованности, ее дочь Мэри, по свидетельству отца, неплохо разбиралась в истории, знала французский язык, как свой родной, понимала по-итальянски. Она отличалась прекрасной памятью и проницательностью, высказывала здравые суждения в беседах с образованными людьми.

Недооценка обществом важности обучения юных аристократок привела к тому, что уровень образованности женщин в первой трети XVII века заметно понизился. Девушек учили лишь чтению, письму и французскому языку. Большое внимание уделялось религиозным наставлениям. Пение, танцы, игра на лютне, вышивание и изготовление засахаренных фруктов, как правило, завершали образование аристократок. Поэтому не вызывает удивления, что жена викария Уокерфилда миссис Праймроуз считала своих дочерей «прекрасно образованными», поскольку те умели читать, писать, знали счет, обучились рукоделию, вышивали «крестом», украшали фестонами свои наряды, играли на струнных инструментах. «Помимо этого, — восхищалась гордая мать, — моя старшая дочь умеет резать бумагу, а младшая — довольно мило предсказывает судьбу на картах».

Таким образом, в общественном мнении Англии в первой половине XVII века прочно утвердился стереотип, согласно которому женщина должна была прежде всего служить мужу и домочадцам. Причины такого отношения общества к женской образованности историк Сара Мендельсон усматривала в подчиненности женщины по отношению к мужчине. Исследовательница подчеркивала, что подобный взгляд распространялся не только на семейные отношения, но и на участие женщин в общественно-политической деятельности. Женщины исключались из представительного правления. «Имеются причины, почему женщины не должны иметь доступ в парламент, — писал в 1632 году автор трактата “Законодательные решения о правах женщин”». — Все они замужем или мечтают вступить в брак, а значит, их воля подчинена воле их мужей». Мендельсон отмечала, что все женщины стюартовской Англии, как аристократки, так и простолюдинки, про-

должали руководствоваться тем же правилом «чести и стыда», что и их предшественницы эпохи Тюдоров. Идеал женской «скромности» и определял степень образованности женщин, их манеру поведения, а также недостаточную степень свободы в выборе партнера по браку, ограниченную сферу деятельности и многое другое.

Но, несмотря на явное ущемление женщин в правах на получение достойного образования, вопрос об обучении дочерей постепенно выходил на первый план в семьях высших и средних слоев общества. Как отмечала английская исследовательница Д. Стентон, заключался он уже не в том, в какой степени предоставлять образование женщинам, а в том, какие школы и какие учителя нужны для их обучения.

3. Формы и методы обучения.

Учебные программы

Филлис Сток в монографии, посвященной истории женского образования в европейских странах, выделила шесть типов образования: 1. Нравственное воспитание и образование, связанное с домашней деятельностью, которое осуществлялось старшими женщинами в семье, чаще всего матерями. 2. Нравственное воспитание и образование, базирующееся на знаниях, почерпнутых из книг, и обеспеченное монахинями или учителями. 3. Профессиональное образование, необходимое в коммерческой деятельности, которой занималась семья, обеспеченное родителями или мужьями. 4. Интеллектуальное образование, предоставляемое дома родителями или учителями мужского пола. 5. Интеллектуальное образование для выполнения определенных функций в обществе (придворная дама, экономка в поместье, гувернантка), требующее дополнительного обучения профессиональными кадрами. 6. Интеллектуальные занятия по индивидуальным планам ради карьеры. Как подчеркивала Сток, такого рода образование получали женщины из различных общественных классов — аристократки, представительницы буржуазии и даже простолюдинки. Эти типы образования были характерны и для Англии XVII века, причем нередко они варьировались в различных сочетаниях.

Формально для представительниц высших и средних классов существовало две формы обучения: домашнее и в частных пансионах. В первой половине столетия превалировало домашнее образование, когда девочек обучали родители или гувернантка. Как правило, девушки получали начальное и среднее образование. Высшее образование для них не было доступно вплоть до XIX века. Таким образом, женское образование принципиально отличалось от мужского. Автор анонимного памфлета «Мечь женщин» (1640 год) указывала на эти различия: «Когда отец имеет большую семью, то прежде всего он беспокоится об образовании сыновей. Вначале их отправляют в грамматическую школу, а затем в университет, где они изучают искусства и науки и где со временем (если не окажутся болванами) становятся образованными людьми. Но мы, дочери, пригодны только для того, чтобы колоть иглой свои пальцы или прясть на прялке. Мы предназначены для такой работы, которая ведет нас к гибели и унижает наше достоинство. Ну, а если нас обучат чтению, то знать мы будем лишь родной язык».

Большинство просвещенных женщин стюартовской эпохи, таких, как Дороти Осборн, Энн Клиффорд, Мэри Эвелин, Мэри Бойл, Маргарет Кавендиш, начинали учиться дома. Как правило, чтению, письму, рисованию, рукоделию, а также домоводству девочки обучались у матерей. Дочерей мелкопоместного дворянства (джентри), зажиточных купцов и предпринимателей обучали приходящие или проживавшие в доме учителя — обычно на том уровне, который определялся пожеланиями родителей, а также их способностями и интересами. Люси Эпслей, ставшая впоследствии женой члена парламента от Ноттингема полковника Хатчинсона, делилась своими воспоминаниями о том, чему и как ее обучали: «Поскольку моей нянькой была француженка, то я научилась говорить по-английски и по-французски одновременно... Когда мне исполнилось семь лет, восемь учителей обучали меня языкам, музыке, танцам, письму и рукоделию». Более всего ей нравилось читать книги, и мать беспокоилась, как бы это занятие не навредило ее здоровью. Латынь, в познаниях которой Люси вскоре превзошла братьев, обучавшихся в школе, ей преподавал отец. «Что же касается музыки и танцев, — вспоминала Люси, — то я мало преуспела в них и никогда бы

не стала играть на лютне или клавикордах, если бы не настояния моих учителей; рукоделие же я просто ненавидела». Супруг Люси полковник Хатчинсон был прекрасным музыкантом и сам занимался музыкальным образованием их детей. Как пишет Люси, он не жалел средств для обучения своих отпрысков самым разным предметам.

Важную роль в домашнем воспитании дочерей, как и следовало ожидать, играли их матери. Одна из высокообразованных женщин эпохи Стюартов Энн Гаррисон признавалась, что своими познаниями она обязана матушке, которая обучила ее не только рукоделию и домашней работе, но еще французскому языку, пению, игре на лютне, танцам. Воспитанием знаменитой красавицы века Дороти Осборн, прозванной за свою красоту «царицей», занимались оба родителя. Отец читал в подлиннике труды классических авторов, свободно говорил на французском, испанском, итальянском языках, знал латынь. Он обладал уникальной коллекцией редких книг на многих языках. Его супруга была умна, талантлива, немного занималась литературным трудом и вполне могла руководить обучением своих детей. Так что Дороти росла в утонченной атмосфере.

Женщины, обремененные большим семейством, редко выбирались в столицу или бывали при дворе. Они считали для себя вполне естественным оставаться дома, в провинции, чтобы заниматься с детьми, в то время как их мужья отправлялись в Лондон — по делам или развлечься. Матери не только давали дочерям какие-либо знания, но и уделяли большое внимание их нравственному воспитанию, особенно религиозным наставлениям. Как вспоминала Энн Мэрей, дочь учителя короля Карла I и гувернантка принцессы Елизаветы, ее мать не считалась с расходами на обучение детей. Даже оставшись вдовой, она не переставала платить за Энн и ее сестру учителям французского языка, танцев и рукоделия. «Но самой главной заботой моей матушки, за что я благодарна ей на всю жизнь, — писала Энн, — было приучить меня с малых лет начинать и заканчивать день с молитвы, регулярно читать Библию и посещать церковь так часто, как позволяет время. Так что и по прошествии многих лет я почти никогда не пропускаю обеденной службы».

Не последнее место в воспитании девушек отводилось домашней работе. Нередко обучение наукам и домашней рабо-

те сочеталось, как, например, в доме миссис Лизард, о которой поведал Джозеф Аддисон. Он подчеркивал, что миледи Лизард умела «мудро сочетать» образование дочерей с домашними работами. «Вместе с дочерьми она украсила в течение лета галерею креслами и кушетками собственной работы. В то же время они дважды прослушали все проповеди доктора Тиллотсона. Обыкновенно одна из молодых леди читала вслух, когда другие работали, так что образование женщин нисколько не вредило их рукоделию». Аддисон был чрезвычайно удивлен, «застав их однажды за заготовлением впрок различных фруктов, в то время как младшая, сидя посредине, читала “О множестве миров” Фонтенеля. Его очень забавляло, что их мысли переходили от желе к звездам, от солнца к абрикосу или от Коперниковой системы к форме сырного печенья».

Девочек обучали дома нередко совместно с братьями под присмотром матери или под руководством гувернера. Когда же мальчики отправлялись в школу для дальнейшего обучения, девочки могли продолжить занятия с местным священником.

Поскольку в XVII веке дом и домашнее хозяйство по-прежнему оставались наиболее важной сферой деятельности англичанок, неудивительно, что матери уделяли большое внимание обучению дочерей всем тонкостям ведения домашних дел. Конечно, в домах аристократок или зажиточных буржуа основная работа по дому ложилась на плечи слуг, но управлять ими, следить за тем, как ведется домашнее хозяйство, должна была хозяйка дома. И порой это требовало от женщины самых различных знаний. Поэтому в кулинарных книгах графини Э. Берти и виконтессы М. Уиддрингтон помимо рецептов различных блюд и напитков и рекомендаций по консервированию и хранению овощей, фруктов, ягод, грибов, яиц, мяса и рыбы можно найти советы по уходу за мебелью, посудой (как чистить серебро, бронзу, латунь), рецепты лекарств, способы омоложения и поддержания физической формы, а также записи, свидетельствующие об интересе аристократок к ворожбе, суевериям, приметам, знамениям, колдовству.

Как пишет американская исследовательница Анжела Горо, образование женщин преследовало не интеллектуальное их

развитие, а всего лишь подготовку к будущей семейной жизни. Соответственно строилась и программа обучения. Девушек учили чтению для того, чтобы они ознакомились с Библией, письму — чтобы в случае необходимости они могли сообщить отсутствующему мужу о домашних новостях. Иногда их обучали ведению счетов, что было необходимо при управлении домом и хозяйством. Особое место отводилось рукоделию. А еще в чести были пение, танцы, игра на музыкальных инструментах, французский язык. (К слову сказать, приверженность англичанок к французским модам, языку и романам утвердилась именно с этого времени.) Одним словом, заключала А. Горо, изучалось все, что было необходимо, чтобы «завлечь супруга, а затем украсить его дом». Словно подтверждая ее вывод, графиня Ньюкасл, вспоминая годы молодости, писала, что самое важное место в ее обучении отводилось предметам, которые могли привлечь внимание потенциального жениха. Правда, замечает она, «моя матушка беспокоилась не о том, чтобы мы научились петь, танцевать, освоили иностранные языки, но чтобы были скромны, честны, религиозны и добродетельны».

Родители юных аристократок, как правило, не считались с расходами. Так, в книге счетов виконта Гримстона содержатся записи за 1683—1684 годы о расходах на обучение двух дочерей. Учителю письма он заплатил 7 фунтов 18 шиллингов 6 пенсов. Учитель танцев обошелся еще дороже: за три месяца он запросил 12 фунтов. Если сопоставить данные о расходах на обучение с другими тратами семейства Гримстон, то выясняется, что это были значительные суммы. Так, материал и пошив шести ливрей для слуг стоили те же 12 фунтов.

Заметно изменили социальное положение женщин события Английской революции 1640—1660 годов. Именно на это время пришелся «пик» активности женщин в общественно-политической и литературной деятельности: многие англичанки не просто потянулись к знаниям, но, вкусив плоды свободы, сами взялись за перо. В результате страна узнала имена женщин-памфлетисток, романисток, поэтесс. В эти годы наметились различия в обучении аристократок и девушек из средних слоев. Если юные аристократки продолжали заниматься музыкой, танцами, изучали этикет да французский язык, чтобы читать романы и пьесы, но совершенно не утруж-

дали себя освоением латыни, то в домах пуритан, напротив, стремились дать дочерям классическое образование. Девочек из пуританских семей вместо обучения танцевальным фигурам заставляли читать полную ужасов «Книгу мучеников» предводителя секты квакеров Джорджа Фокса и штудировать Библию. Образованностью выделялись дочери Оливера Кромвеля и знаменитого поэта революции Джона Мильтона. Племянник и биограф Дж. Мильтона Эдвард Филипс свидетельствовал, что дочери поэта читали вслух отцу на древнееврейском, сирийском, греческом, латинском, итальянском, испанском и французском языках. Тут, конечно, следует оговориться, что не все ученые усматривали достоинства в пуританском образовании. Так, Дж. Камм, убежденная в том, что пуританское строжайшее воспитание приводит к ограничению интеллекта, уверяла, что дочери Мильтона хотя и читали на разных языках, «ни слова не понимали из прочитанного».

Предводители Английской революции, и в первую очередь Оливер Кромвель, с должным вниманием относились к просвещению англичан. Правда, каких-либо сведений об отношении Кромвеля к женскому образованию не сохранилось, но, судя по глубоким познаниям его дочерей, можно предположить, что он, по крайней мере, не был противником обучения женщин. Любимой дочерью Кромвеля была Элизабет, которая, по мнению публициста Дж. Гаррингтона, «играла роль принцессы очень умело и естественно, очаровывая всех своей любезностью и заступаясь за обиженных», что, впрочем, не помешало леди Хатчинсон, обозвать ее и других дочерей Кромвеля «дерзкими дурами». Кстати, Гаррингтон был весьма признателен Элизабет за возвращение своей конфискованной рукописи «Океания». Элизабет нередко просила отца вступить за несчастных роялистов, которые томились в тюремном заточении. Возможно, именно поэтому, предполагал историк Ферт, прах Элизабет не потревожили в Вестминстерском аббатстве, когда прах Кромвеля и видных его сподвижников после Реставрации был оттуда выброшен.

Надо признать, что мнение Люси Хатчинсон, несмотря на всю субъективность, имело под собой основание. Пример «смирения и скромности» являла собой одна только старшая из дочерей Кромвеля — Бриджит. Что же касается младших, Мэри и Фрэнсис, то они прославились многочисленными

скандалами, которые благодаря лондонским газетам получили известность и шокировали добропорядочных пуритан.

В начале XVII века в Англии зародилось, а спустя пятьдесят лет вошло в практику обучение юных леди в закрытых учебных заведениях — пансионатах. Одним из первых его пропагандистов выступил ученый Томас Бэкон, в своих трудах «Катехизис» и «Достижение знаний» доказывавший преимущества коллективного обучения девушек перед индивидуальным. Организация пансионатов стала возможна благодаря большому притоку иностранных учителей, бежавших от религиозных преследований у себя на родине — во Франции, Нидерландах, Испании, Италии. В пансионаты, открывшиеся в окрестностях Лондона и служившие дополнением к домашнему образованию, ученицы в сопровождении своих гувернанток съезжались со всех концов страны. В них, как правило, обучали чтению, письму, музыке, танцам, рукоделию, домоводству, иногда французскому и латинскому языкам. Известная феминистка и реформатор образовательной системы Батсуа Мейкин, считавшая «варварским обычаем унижение женщины», сама держала пансион в Пэтни. В школе Мейкин для девушек, желавших получить углубленное образование, преподавали, кроме наук, «необходимых для леди», и нескольких языков, астрономию, географию, историю, арифметику, живопись и поэзию. По мнению исследователей, подобной серьезной образовательной программы не было ни в какой другой «женской академии».

Со временем число частных пансионатов в стране возросло. Самым большим считался пансион Роберта Первика в Хэгни, где обучалось свыше ста учениц. В 1677 году открылся первый пансион для юных леди в Оксфорде. Пансион Джона Вейвера, объявление о котором сохранилось в архивных документах, предлагал обучение танцам, пению, музыке, письму и всем видам труда. Открывшийся в 1676 году пансион в Челси просуществовал вплоть до 1726 года. В правление королевы Анны самыми известными были пансионаты миссис Оверинг в Бетнал-Грин, что вблизи Хэгни, а также заведение миссис Элизабет Татчин в Хайгейте. Одна из учениц пансиона вспоминала, что научилась в нем танцевать, петь, играть на виолончели, спинете, гитаре, расписывать стекло лаком, готовить паштеты, соусы, сладости, и вообще «узнала много утонченного и модного».

К концу XVII века частные школы, в которых обучались девочки от пяти до шестнадцати лет, заняли прочное место в образовательной системе Англии. Подобные учебные заведения открылись не только в Лондоне, но и в ряде крупных городов графств. В 1678 году только в одном Оксфорде насчитывалось пять пансионатов. Молодая аристократка Силия Фьенс, путешествуя по стране, отметила, что частные пансионаты для девочек открылись в Шрусбери, Лидсе, Манчестере и что они «очень хороши, почти как лондонские». Действовавшие в Хэрни несколько школ нередко, объединяя на словах в единое целое, называли «дамским университетом». Известный мемуарист Сэмюэл Пипс, побывав на богослужении в церкви Хэрни, записал в своем дневнике 21 апреля 1667 года: «Я пошел в церковь, чтобы посмотреть на юных леди из этих школ. Их там было много, и все прехорошенькие».

Женские школы отличались от мужских как по численности, так и по срокам обучения (в ряде женских пансионатов занятия ограничивались двадцатью—тридцатью днями). Типичным был пансион, который содержала в своем доме вдова джентльмена. Она набирала десять—двенадцать девочек разного возраста и сама наставляла их в манерах поведения. Для занятий по музыке, танцам и французскому языку приглашались учителя. В ряде школ приглашали учителей для обучения модной в то время росписи шкатулок черным лаком на японский манер. Кое-где преподавали рисование, скульптуру, архитектуру, поэзию и даже философию. Нередко обучали каллиграфии, а также ведению счетов и азам медицины. Не обходилось, конечно, без занятий по домоводству, учили шитью, вязанию, рукоделию, вышивке. Везде изучали этикет.

Фешенебельные пансионаты, в которых чаще всего обучались юные аристократки, назывались «академиями». Известный писатель и просветитель Даниель Дефо описал в «Очерке о проектах» одно из таких заведений — открытую в 1643 году миссис Первич «женскую академию» в Пэтни. На протяжении семнадцати лет существования в ней получили образование восемьсот девушек, которые обучались музыке, танцам, пению, ручным ремеслам под руководством шестнадцати учителей. В «академии» имелся даже собственный оркестр, которым руководила дочь миссис Первич — Сюзанна.

К середине века «женские академии» уже были открыты в каждом крупном городе Англии, и о них с благодарностью отзывались родители. Например, сэр Ральф Верней, обеспокоенный ленью, нерадивостью и строптивостью своей юной родственницы Бетти, которую опекал, надумал отправить ее в одну из таких «академий». Бетти этому всячески противилась и даже грозила наложить на себя руки. Однако опекун настоял на своем, и девочку отправили в пансион. Спустя полгода сэр Верней, навестивший Бетти, едва узнал ее. Внешний вид, манеры поведения, речь, настроение девочки — все, на его взгляд, переменялось к лучшему.

В Англии существовали также диссентерские (сектантские) «академии», где обучали девушек из семей, которые не были сторонниками государственной англиканской церкви. В конце столетия число их достигало тридцати. Причем среди учениц были не только дети сектантов. Многие родители, придерживавшиеся англиканской веры, отдавали предпочтение диссентерским учебным заведениям, поскольку в них больше внимания уделялось изучению точных наук, прежде всего математики, и современных языков. Одна из таких «академий» была основана известным ученым из Кембриджа — Николасом Ферраром. В свое время он посетил немало европейских стран, в том числе Голландию, Германию, Италию, Испанию, был избран депутатом парламента, а в сорок лет обратился к религиозной деятельности. Вместе с родственниками Феррар открыл женскую школу, в которой обучали музыке, арифметике, письму, языкам. Сами преподаватели объединились в научное сообщество — «Академию», где собирались для обсуждения своих научных докладов. Чаще всего на заседаниях поднималась проблема совершенствования морали. Дисциплина в школе Феррара отличалась строгостью.

Подвергавшиеся на протяжении XVII столетия религиозным гонениям католики предпочитали отправлять своих дочерей на обучение во Францию. А когда ревностная католичка Мэри Уорд задумала учредить институт для юных католичек в Англии, ее идее не суждено было осуществиться. После этого она и пять девушек-католичек из знатных семей пересекли Ла-Манш, и уже на французской земле был открыт институт, освященный самим Папой Римским. Заведение Мэри Уорд имело несколько филиалов в разных районах Франции. Слу-

шательницы института вели почти спартанский образ жизни, пищу принимали один раз в день, спали на жестких постелях. Обучались в нем как англичанки, так и француженки. Среди англичанок было немало представительниц знатных аристократических родов: племянница графа Шрусбери, дочь графа Саутгемптона и другие. Мэри Уорд не оставляла попыток открыть католическую школу и в Англии, однако ее деятельность вызывала протесты со стороны протестантского населения страны. Ей все-таки удалось открыть институт, но просуществовал он недолго: во время революции, в 1642 году, его разгромили пуритане.

Среди религиозных школ наиболее распространены были школы для детей квакеров, которые, исходя из идей основателя братства квакеров Джорджа Фокса, стремились обучать всех детей, вне зависимости от их пола и социального статуса родителей. В 1671 году было открыто пятнадцать квакерских пансионатов, из которых два были женскими, а еще два — в Гемпшире и Глостершире — для совместного обучения. Детей квакеров, проявивших способности к учебе, в дальнейшем готовили к профессии учителя, дабы квакерские школы не испытывали нужды в преподавательских кадрах.

Обучение в женских пансионатах было платным. Как правило, плата варьировалась в зависимости от места расположения школы, расходов на ее содержание, а также запросов владельцев пансионатов и социального статуса родителей учениц. В мужских школах плата колебалась от 4 пенсов (для горожан) до 18 фунтов стерлингов (для лордов). В женских школах плата за обучение была выше. Например, в пансионе Б. Мейкин платили 20 фунтов, в женской «академии» миссис Френд в Степни — 21 фунт, а сэр Ральф Верней ежегодно платил за образование своей крестницы сумму по тем временам весьма значительную — 25 фунтов.

Преподаватели делились на две категории: учителя-англичане и иммигранты, которые покинули свою родину из-за религиозных преследований. Последние, как правило, обучали иностранным языкам, музыке, танцам, различным видам ручных ремесел. По мнению ученых, условия жизни преподавателей в середине XVII века, в сравнении с предыдущим столетием, несколько улучшились. При этом к ним стали предъявлять более строгие требования, отчего весь образова-

тельный процесс заметно выиграл. В частных пансионах появились преподаватели-женщины. Одна из них, Ханна Вуллей, педагогический стаж которой начался с пятнадцати лет, призывала коллег обращаться с ученицами с нежностью, рекомендовала подбирать для них задачи, соответствующие возрасту и индивидуальным способностям. Главное, заключала Вуллей, чтобы ученицы не зазубривали слова, но пытались понять прочитанное.

Программа женского образования в целом не отличалась разнообразием. Она включала изучение религии, чтение, письмо, иностранные языки, историю, географию, а также танцы, пение, игру на музыкальных инструментах (спиноле, виолончели, гитаре, лютне). Важное место в образовательных программах пансионатов занимали так называемые «искусные работы». Девочки учились изготавливать гравюры на шелке, стекле, дереве, делать украшения из яичной скорлупы, мха, перьев, бумаги, рамки для зеркал и картин, а также различные безделушки для украшения спален, кабинетов и детских комнат. Ханна Вуллей обучала учениц изготовлению леденцов, прохладительных напитков, лекарственных и косметических средств, умению поставить диагноз болезни. Разумеется, далеко не все пансионаты могли похвастаться такой обширной программой. Что же касается единого для пансионатов учебного плана, то его не существовало.

В стюартовской Англии было распространено мнение, что девочек совсем необязательно обучать по тем же стандартам, что и мальчиков. Философ и просветитель Бернард Мандевиль, упоминая примеры того, как женщины проявляли себя в науках и даже в военном искусстве, доказывал, что это отнюдь не является основанием, чтобы в их обучении рукоделие и домоводство отходили на второй план. Да, откровенно говоря, многие родители вообще сомневались, стоит ли давать дочерям образование сверх того, что им потребуется для ведения домашнего хозяйства. Отец Энн Клифорд наказывал ее учителю ни под каким видом не обучать дочь латыни, которая в то время была главным языком науки. Юная Мэри Монтэгю, пожелавшая, вопреки мнению родителей, освоить латынь, была вынуждена втайне от них приобретать необходимые учебники и читать, закрывшись в своем будуаре. Родители предпочитали выбирать для дочерей другие, более

прагматические предметы. Ведь считалось, что девушки не будут обучаться в университетах, а также участвовать в общественной или политической жизни общества. Поэтому лишь немногие аристократки могли похвастаться знанием латыни, без чего невозможно было продолжать образование за пределами пансиона. В их числе были: Люси Хатчинсон, Энн Бейнард, Сюзанна Эвелин, Нэнси Дантон и другие.

Более важным для девушек считалось музыкальное образование, и в первую очередь умение танцевать. Как отмечал исследователь В. Лазурский, искусство танца сделалось в ту пору целой наукой. Разучивались сложные фигуры менуэтов, старинный испанский танец павана, быстрый танец джига. В 1713 году была издана книга «Учитель танцев», которая содержала описание 258 танцевальных фигур. Это пособие пользовалось необычайной популярностью в Англии, выдержав за короткий срок пятнадцать изданий.

Важное место в женском образовании отводилось чтению. Время сохранило имена наиболее активных читательниц эпохи Стюартов. К их числу принадлежала уже известная нам Люси Хатчинсон, которая писала, что улучала каждую свободную минутку, бросала все занятия, даже игры, чтобы уединиться с книгой в руках. Другой любительницей чтения была дочь лорда Тэнфильда — Элизабет. Особенно ей нравилась древняя и современная поэзия народов мира, история в изложении древнегреческих и древнеримских авторов, хроники Британии и Франции. Ее мать весьма строго обращалась с дочерью и не поощряла ее стремления к учебе, но считала, что чтение будет ей полезно. Это, впрочем, не мешало матери в целях воспитания лишать ее этого удовольствия и даже отбирать свечи, чтобы она не вздумала читать ночью тайком. И когда пятнадцатилетнюю Элизабет выдавали замуж, слуги предъявили ей счет на сотню фунтов за те свечи, которые они для нее приобретали втайне от матери. Позднее Элизабет самостоятельно, без помощи учителей, освоила французский, испанский, итальянский, латинский языки. В зрелом возрасте она занялась переводами с испанского, древнееврейского, перевела несколько работ Сенеки, интересовалась книгами, в которых обсуждались вопросы морали, в особенности трудами Сенеки, Плутарха, Плиния, Монтеня, Бэкона. Она была также знакома с работами Лютера и Кальвина.

Чтение аристократок чаще всего носило бессистемный характер. Так, Энн Финч, виконтесса Конвей, читала «все подряд», пока ее брат Джон не обратил на это внимание и не стал приносить ей необходимые, на его взгляд, книги. Под руководством брата девушка легко освоила французский язык, а затем и латынь. На протяжении всей дальнейшей жизни Энн с удовольствием читала написанные на латинском языке философские трактаты. В девятнадцать лет она вышла замуж за одного из просвещенных людей своего времени, члена Королевского общества (британской Академии наук) виконта Конвея. Общение с супругом и его друзьями-учеными, а также самостоятельные научные занятия развили ее философский ум. Прекрасно образованная в философии, литературе, классических языках, математике, астрономии, одна из блестящих учениц «кембриджского платоника» Генриха Мура, виконтесса Конвей выделялась оригинальными суждениями и природным очарованием. Ее дом в Уорикшире стал интеллектуальным центром, собиравшим многих философов страны. В 1690 году, уже после смерти виконтессы, была издана ее единственная книга «Принципы древней и современной философии», оставившая заметный след в науке.

Поражает воображение библиотека другой просвещенной дамы — графини Энн Ковентри. Ее каталог, в котором несколько сотен названий, свидетельствует, что пристрастия графини в чтении были разнообразны. В библиотеке имелись книги религиозного характера (Библия, «История Библии», молитвенник, «Жизнь Христа», «Жизнь апостолов», перевод катехизиса с французского языка), труды по истории («Книга по геральдике», «Хронологические таблицы», «История Английской революции» Э. Кларендона, книга о Карле I, «История Европы», «Пособие по английской истории», «Суверенная власть парламента», «Ганноверская династия»). Сочинения древних философов Овидия, Сенеки, Нострадамуса соседствовали с произведениями современников-просветителей Дж. Локка, У. Темпля, маркиза Галифакса, Дж. Свифта, Дж. Аддисона, Э. Беркли. Рядом с фолиантами по истории искусства и живописи помещались кулинарные книги, пособия по домоводству и цветоводству, медицине. Большое место занимала художественная литература («Кассандра», «Аркадия»,

«Арабские сказки», «Современные новеллы») и драматургия (пьесы Конгрива, Драйдена и др).

Разумеется, далеко не все аристократки увлекались чтением серьезной литературы. Известная красавица Дороти Осборн, супруга видного английского дипломата У. Темпля, по ее собственному признанию, тоже проводила за чтением большую часть времени, но ее любимыми книгами — как и большинства юных аристократок — были французские романы. Только настояния просвещенного супруга заставили Дороти ознакомиться с философскими трактатами и поэзией, а также французскими мемуарами.

В домашних библиотеках многих семейств на книжных полках рядом с Библией и молитвенником стояли поэтические произведения и сочинения классиков. СобираТЕЛЬный образ такой библиотеки дал в «Спектейторе» журналист Дж. Аддисон. В описанной им комнате некой леди Леоноры «вперемежку стояли китайские вазы, чайная посуда всевозможных форм, размеров и цветов, множество причудливых вещиц китайской работы — скоморохи, львы, обезьяны, мандарины и т. д. Посреди комнаты помещался японский стол с листами золотообрезанной бумаги и серебряной табакеркой в виде маленькой книги». Среди книг «мало купленных для собственного употребления» — они оказались здесь потому, что их хвалили другие, или потому, что леди была знакома с их авторами. Это были романы английские и французские, старые и новые, переводы классических писателей, сочинения Ньютона, некоторые сочинения Локка и Мальбранша, проповеди и религиозно-нравственные книги, руководства к изучению орфографии и танцев. Несмотря на то что описанная библиотека была плодом вымысла журналиста, она в полной мере отражала вкусы и пристрастия реальных англичанок. Подтверждением этому стали письма читательниц, направленные в редакцию журнала «Спектейтор», — в них содержались пространственные советы по поводу выбора книг для библиотеки Леоноры.

В выборе книг для чтения женщин большую роль играли их наставники-мужчины: отцы, братья, мужья, журналисты, ученые. Естественно, что этот выбор во многом зависел от образованности и просвещенности самих представителей сильного пола. Философ Дж. Норрис в письме к Элизабет Томас

давал следующие советы: «Поскольку мы являемся разумными существами, чье величайшее счастье состоит в совершенном познании истины и любви к добру, то я полагаю, что свои помыслы мы должны направить на те предметы, которые способствуют совершенствованию нашего разума и управлению нашим поведением». Чтобы «достичь познаний», по мнению Норриса, необходимо изучить геометрию, которая является основой для чтения любых книг. Кроме того, философ советовал прочитать книгу «Искусство мышления» на французском языке, ценность которой усматривал в логике, а также труд Мальбранша «В поисках истины». Норрис напоминал, что Мальбранш «улучшил» философию картезианства и потому, чтобы «понимать и получать удовольствие» от его трудов, необходимо прежде всего разобраться с самой философией картезианства. Он считал необходимым для девушек чтение книг, которые служили бы как «для науки, так и для развлечения». В связи с этим юной леди рекомендуется читать произведения Р. Декарта и философский трактат Дж. Локка «Опыт о человеческом познании». Ученый полагал, что его корреспондентка получит «большое удовольствие» от чтения данного труда.

Рекомендуемый Норрисом список литературы, конечно же, предназначался не для всех, а лишь для наиболее образованных леди. И хотя число высокообразованных женщин в стюартовской Англии ограничивалось несколькими десятками, тем не менее такие дамы были, и они, в свою очередь, оказывали большое влияние на пробуждение женского самосознания, активизировали усилия женщин, направленные на достижение достойного образования. Из их числа и вышли первые феминистки. Однако заметим, что отношение к подобным женщинам в обществе было довольно прохладным. Мать Люси Хатчинсон опасалась, как бы чрезмерная образованность не помешала ее дочери выйти замуж. К счастью, Люси вышла замуж удачно, и ее муж по достоинству оценил интеллектуальные способности супруги. Но куда чаще образованная женщина становилась предметом насмешек, притом что безграмотность большим недостатком не считалась. Как свидетельствовал документ о брачном регистре 1753 года, только одна из трех женщин могла в ту пору правильно написать свое имя. Нет сомнений, что столетием раньше по-

ложение дел с женским образованием было еще более удручающим. Это объяснялось прежде всего социальным положением женщины. Как отмечает современный исследователь С. Е. Федоров, «общество, ориентированное и связанное с ролевыми установками мужчины, подавляло все формы женской активности. Оставаясь под социальным и нравственным контролем мужа, отца или старшего брата, женщина не имела возможности проявить ту или иную форму активности и была вынуждена воспринимать поведенческие функции мужчины как единственно значимые и, следовательно, в этом плане оставалась пассивной». Английская леди в XVII веке продолжала рассматриваться как собственность сначала отца, а затем супруга. Она не имела даже права полноценно распоряжаться собственным имуществом. И как следствие своего социального положения она была лишена возможности выбора формы обучения.

Исследователи признают, что женские «академии» в целом давали лучшее образование, нежели то, что аристократки получали дома. Однако бывали и исключения — особенно если просвещенные родители сами занимались образованием дочерей. Одна из просвещенных дам XVIII века леди Мэри Монтэгю, автор книги «Турецкие письма», советовала своей дочери «обучать дочерей самой, вместо того чтобы страдать в разлуке, отправляя их на обучение в пансион».

Образование девушек из аристократических семей иногда завершалось путешествиями по Англии или — значительно реже — за границу. Уже упоминавшаяся Силия Фьенс совершила ряд путешествий по Англии, Шотландию и Уэльсу в 1687—1702 годах. О своих впечатлениях она написала в книге, где советовала всем людям, как джентльменам, так и леди, проводить свободное время в путешествиях по родной стране, что «научит гордиться ею».

Заграничные путешествия, частные пансионы, приглашенные на дом учителя и гувернантки обходились родителям, разумеется, недешево. Следовательно, получить такое образование могли лишь представительницы высших и средних слоев общества. Образование простолюдинок было совсем иным.

Глава 3 Образование простолюдинки

1. «Дамские» и «грамматические» школы в XVI — первой половине XVII века

Представление о женском образовании в Англии в эпоху правления Стюартов было бы неполным без знакомства с процессом обучения рядовых англичанок — представительниц низших социальных слоев. Конечно, было бы неверным полагать, что большинство простолюдинок знало хотя бы грамоту в то время, когда этим могла похвастаться далеко не каждая аристократка. Тем не менее народное образование на протяжении XVII века постепенно улучшалось.

В Средние века девочек-простолюдинок обучали, как правило, лишь ремеслам. В XIII—XV веках в Англии было открыто более сорока школ, в которых девочек обучали какому-либо ремеслу. С XVI века простолюдинки получили возможность посещать приходские школы. В 1536 году вышел указ, который обязывал церковные приходы обучать чтению и основам религии детей обоих полов. Занятия, как правило, проводились в помещениях приходских церквей, а расходы, связанные с обучением детей, несли прихожане. Образование дево-

чек в приходских школах заметно отличалось от того, которое получали мальчики. Указ 1536 года предусматривал обучение азбуке, письму и арифметике только детей мужского пола. Девочки же учились вязанию и прядению, реже — чтению. Тех, кто обучился письму, среди них были единицы. Состоятельные родители при желании могли обучать своих детей дома, нанимая учителей, либо самостоятельно, если знали грамоту. Специальное руководство по наставлению маленьких детей, а также неграмотных слуг облегчало их задачу. Главной фигурой в воспитательно-образовательном процессе оставался священник. Особенно значительной была его роль в сельских районах, далеких от центра графствах. Для обучения мальчиков азбуке, письму и арифметике в приходских школах приглашались светские учителя.

Вскоре в стране стали открываться для девочек начальные школы, названные «дамскими» потому, что они возглавлялись какой-нибудь благопристойной дамой, чаще всего одинокой вдовой. Именно за такие школы, где «честные, глубокомысленные, благоразумные, рассудительные, серьезные и образованные дамы осуществляли руководство... а учительницы отличались честностью и работали за умеренное жалованье», ратовал философ Фрэнсис Бэкон. Первая такая школа была открыта в Лондоне в 1561 году купцом Тейлером. Ее директором стал знаменитый педагог Ричард Малкастер (1530—1611), который, будучи сторонником связи школы с жизнью, настаивал на необходимости обучения детей ремеслам. При этом Малкастер весьма прохладно относился к идее, что простолюдинки должны получать образование не хуже, чем представительницы высших слоев общества.

К концу XVII века в Англии насчитывалась 291 начальная школа; в это число входили учебные заведения как для мальчиков, так и для девочек. Девочек в школах обучали вязанию и прядению, иногда чтению и совсем редко письму. После завершения начальной школы мальчики, чьи родители могли это себе позволить, продолжали занятия в средней, или «грамматической», школе. Что же до девочек, то единственная «грамматическая» школа, в которую их допускали, была открыта в 1594 году в графстве Чешир, в Бэнбери. В ней за короткий срок учениц обучали чтению и письму, на чем, согласно общепринятой точке зрения, образование дочерей

земледельцев и должно было закончиться. При этом самое серьезное значение придавалось религиозному воспитанию. Торговые компании и гильдии ремесленников строго следили за благонравием учеников и учениц, контролировали посещение ими церковных служб и накладывали штрафы на тех, кто службы пропускал.

Как правило, дети бедняков были вынуждены работать с трех лет. Публицист времен Реставрации Ричард Бакстер свидетельствовал: «Земледельцы не могут освободить своих детей от работы, чтобы те могли пойти в школу и обучиться грамоте, хотя я предложил самолично оплатить труд учителя... Боюсь, что бедность породит поколение варваров». Весомый аргумент против образования детей бедняков заключался уже в самом устройстве общества, при котором, какое бы образование ни получил бедняк, социальный статус его не менялся и он все равно оставался на низшей общественной ступени.

Именно поэтому проекты реорганизации средней школы появились только в период буржуазной революции. Они были предложены Джоном Мильтоном и Уильямом Петти. За всеобщее образование нации выступал Оливер Кромвель. Среди педагогов-реформаторов эпохи революции наибольшую известность приобрели Самуэл Хартлиб (1600—1662) и Джон Дари (1596—1680). В трактате «Реформированная школа» Д. Дари писал о необходимости предоставить девочкам равные с мальчиками права на образование, причем тех, кто проявит способности к языкам и наукам, по его мнению, было «нельзя оставить без внимания» и помочь им в развитии способностей.

Разительные перемены произошли в интеллектуальной жизни Англии после Славной революции 1688—1689 годов. Популяризация науки, введение в оборот ежедневной прессы и литературных журналов, рост числа библиотек, расширение издательского дела в Лондоне и других городах — все это повлияло и на образовательный процесс. В 1698 году в стране возникло Общество по распространению христианских знаний, и вскоре оно включилось в создание благотворительных школ для детей бедняков.

2. Благотворительные школы

Ванглийской истории XVIII век известен не только как «век разума», промышленной революции и господства партии вигов, но и как «век благотворительности». Различные формы благотворительности были широко распространены в раннебуржуазной Англии среди людей, которые считали себя истинными христианами. В эпоху последних Стюартов филантропия сделалась своего рода модой среди зажиточных англичан. Именно она позволила создать в стране систему народного образования, которая сохранялась на протяжении всего XVIII века.

Общество по распространению христианских знаний было образовано в 1698 году. Его организаторами выступили пятеро единомышленников, сторонников народного образования: священник Томас Брей, его друг полковник Колчестер, мистер Джастис Гук, лорд Гилфорд и депутат парламента Р. Маккуорт. Вскоре к ним присоединились архиепископ и епископы Лондона, Честера, Солсбери, Глостера и ряда других городов, и было объявлено о начале подписки на сбор пожертвований для открытия благотворительных школ, предназначенных для детей из неимущих слоев. Кстати, то, что это были школы именно для детей из низов общества, всегда учитывалось в образовательном процессе. Даже форма учеников (учащиеся разных школ носили форму голубого, красного, зеленого или серого цветов) должна была отличаться от той, которую носили дети «высшего ранга». Форма учащихся благотворительных школ задумывалась как «своего рода ливрея».

Подписчики вносили вначале от одного до десяти фунтов в год, позднее взнос был увеличен и порой достигал 450 фунтов. Результаты подписки превзошли все ожидания. Собранных средств хватило на открытие более сотни школ в столице и крупных городах страны. На протяжении пяти лет, с 1699 по 1704 год, было открыто 54 школы в 32 приходах Лондона и Вестминстера. К 1729 году в этих приходах уже насчитывалось 132 школы. Росло и количество учащихся. К 1714 году свыше пяти тысяч учеников обоего пола посещали лондонские школы и около двадцати тысяч — школы других городов и графств Англии. Число учениц с 1704 по 1714 год увеличилось более чем

вдвое: с 745 до 1741. До конца XVIII столетия благотворительные школы оставались главным, а во многих районах страны и единственным местом обучения детей бедняков.

Что же подвигло устроителей на создание подобных школ? Одну из главных причин их деятельности автор монографии о благотворительных школах М. Джонс видит в массовом обнищании населения. Бедняки, с одной стороны, являлись тяжелой обузой для сельских приходов, которые их материально поддерживали, а с другой, угрожали стабильности и порядку в обществе. Содержание же благотворительных школ обходилось дешевле, нежели строительство работных домов. К тому же через эти школы власти добивались установления полного контроля над умами и душами подрастающего поколения, от чего во многом зависели стабильность и порядок в стране. Политические и религиозные смуты XVII века, по мнению Джонса, способствовали тому, что высшие и средние классы озаботились достижением «социальной дисциплины» среди бедняков. Наставления посредством Библии и катехизиса должны были содействовать воспитанию юных граждан в духе почитания Бога и лояльности к существующим порядкам. В соответствии с поставленными перед школами задачами их руководство вверялось представителям духовенства. Да и обучение в школах чаще всего носило исключительно религиозный характер.

Активную роль в организации и управлении благотворительными школами сыграли женщины, по преимуществу представительницы средних слоев. Они не только организовывали сбор пожертвований и проведение ежегодных церемоний благодарения, но и устраивали лотереи, концерты и другие благотворительные мероприятия. Вместе с местными священнослужителями они собирали книги для школ и участвовали в переписке с Обществом по поводу управления образовательным процессом. Подобная активная позиция женщин в общественной деятельности была нетипичной для XVII века, и потому исследовательница Р. Перри охарактеризовала ее как «революционную».

Открыв школы, Общество по распространению христианских знаний не пустило дело на самотек. Оно строго контролировало, как ведутся наставления в области религии; направляло в школы учителей; рассылало дешевые издания Библии и молитвенников учащимся; финансировало деятельность

отдельных школ. Судя по данным, приведенным в отчете Общества за 1712 год, в среднем на одежду одной ученицы ежегодно тратилось 16 шиллингов 1 пенс. Сюда входили расходы на приобретение 3,5 ярда материи для пошива платья и юбки, постельного белья, 3,5 ярда шотландки, одной смены нижнего белья, двух передников, пары лиффов и корсажа, пары шерстяных чулок, пары башмаков и вязаных перчаток.

Общество проверяло знания учащихся, следило за соблюдением инструкций учителями. Но более всего Общество было обеспокоено тем, чтобы после завершения обучения дети бедняков становились «хорошими и честными» рабочими и слугами. Поэтому оно контролировало поведение своих подопечных даже после того, как те покидали школу. Общество помогало в трудоустройстве учеников, разбирало трудовые конфликты, выступая в роли посредника между хозяевами и работниками.

В 1704 году Общество опубликовало свой первый отчет о работе, из которого следовало, что с 1699 по 1704 год в благотворительных школах более двух тысяч детей обоего пола обучились чтению, некоторые освоили письмо и арифметику, и все учащиеся получили религиозные наставления. Этот же отчет свидетельствовал, что на содержание 54 школ удалось собрать «по подписке» 2164 фунта. Самыми большими дарами были суммы от 194 до 1090 фунтов. Немалые суммы пожертвований приносили церковные службы, во время которых ученики школ распевали псалмы. Однако большинство школ выживало исключительно за счет труда своих учеников, для которых Общество подбирало работодателей. Неудивительно, что подобная система образования, которая готовила лояльных и богобоязненных подданных и к тому же не стоила ни пенни государству, очень понравилась царствующей королеве Анне. В письме к архиепископу Кентерберийскому от 20 августа 1711 года она писала: «Поскольку распространившиеся в последнее время наставления и обучение детей служат действенным средством для поддержания знаний об истинной вере, очень приятно слышать, что ради этих добрых целей многие благотворительные школы создаются в королевстве нашими добрыми подданными на собственные пожертвования. Мы настоятельно рекомендуем Вам всеми возможными способами продолжить и расширить подобную замечатель-

ную деятельность, помогать и всячески содействовать людям, занятым этим делом, доведя до них наше желание покровительствовать им и их поддерживать».

Благотворительные школы открывались не только в городах, но и в сельской местности, где, впрочем, большого энтузиазма они не вызывали. Серьезным препятствием для их деятельности была финансовая несостоятельность как духовенства, так и многих прихожан, особенно в тех графствах, где отсутствовали торговля и мануфактурное производство. Родители учеников тем более были бедны и не могли ничем помочь школам. Оставалось уповать лишь на частные пожертвования. В графстве Ньюкасле-на-Тине в приходе Св. Джона удалось открыть женскую школу для двадцати учениц на средства некоего, пожелавшего остаться неизвестным, мецената. Он выделил для содержания школы 60 фунтов. В Кембридже в 1702 году профессор математики У. Вистон финансировал открытие школы для трехсот учащихся обоего пола. Меценатами школ чаще всего выступали представители средних социальных слоев (купцы, предприниматели), немало было среди них юристов и университетских профессоров. Благотворительность аристократов носила эпизодический характер. Например, в открытии школы на курорте в Бате приняли участие аристократы, проводившие время на водах.

Главное внимание в учебной программе отводилось религиозному воспитанию. От учащихся требовали послушания и благодарности, а потому ученицы школы в Шеффилде каждое утро начинали проповедь, обращаясь к Всевышнему: «Сделай меня послушной и исполнительницей к моим благодетелям и милосердной к врагам моим. Сделай меня воздержанной и целомудренной, кроткой и смиренной. Наставь меня во всех моих делах и сделай так, чтобы я была довольна своим положением». Благодарственные гимны в адрес покровителей были обязательным атрибутом праздничных церемоний, которые ежегодно устраивались в школах.

Отчет Общества за 1704 год гласил, что «для осуществления цели, отвечающей главному предназначению школ для детей бедноты — их обучению христианской религии, лучшему пониманию языка и обрядов церкви, учитель должен прежде всего разъяснять ученикам главные положения катехизиса, обучить четко и ясно их произносить, а затем растолковать

их значение». Подобные инструкции Общество рассылало по всей стране. Кроме того, оно рекомендовало более детально изучать руководство «Христианский школьный учитель», написанное в 1707 году викарием Джеймсом Тэлботом. Заметим, что труд Тэлбота оставался настольной книгой для учителей благотворительных школ на протяжении всего XVIII столетия. В своей работе викарий, явно не знакомый с произведением Джона Локка «Мысли о воспитании», сообщал читателям о том, что разум ребенка подобен белому листу бумаги или гладкому воску, на котором «наш долг начертать основополагающие заповеди религии». Данные заповеди следует внушить ученикам как можно раньше. «Желательно, чтобы те, кто не умеет читать, с первого посещения школы начали бы обучаться вере у священника, выучивая наизусть молитвы», — писал Тэлбот. Он считал, что школьники младшего возраста должны повторять молитвы утром и вечером, а благодарственные слова произносить до и после приема пищи. Когда же дети научатся читать, проповеди надлежит «расширить в соответствии с пониманием детей». Затем учащиеся должны выучить наизусть весь катехизис. Примечательно, что религиозные занятия сопровождались наставлениями в области морали. Ученикам постоянно напоминали о Божьей каре за любые прегрешения, твердили о неизбежности наказаний за пороки, требовали покорности и послушания учителям, родителям, благодетелям, священнику и представителям властей.

Чтению с шести лет обучали по катехизису, затем переходили к молитвеннику и Библии. По воскресным и праздничным дням учащихся водили в церковь, после чего проверяли, как они усвоили услышанное в проповедях. Письму обучали после того, как дети научатся читать «достаточно хорошо», причем в школах для девочек такой предмет, как письмо, часто отсутствовал. Его заменяли уроки вязания чулок и перчаток, шитья и штопки одежды. Арифметику преподавали только в мужских школах. В число предметов входило также пение, поскольку ученики нередко пели в церквях во время субботних служб, торжественных церемоний и празднеств.

Особой известностью среди лондонских благотворительных школ пользовалась Крист Хоспитал, которая возникла еще в XVI веке как приют для подкидышей. Дети обоих полов размещались в одном здании, в котором девочкам выде-

лили место для спален и уголок в общей столовой. Уроки готовили в общем классном помещении. Занятия проводились обычно в одном зале, куда собирались ученицы разного возраста. По классам группировали, исходя из умственного развития ребенка, а не по возрасту. Бывало, что в одном помещении одновременно собиралось несколько классов, и тогда там поднимался невообразимый шум, поскольку несколько учениц разом отвечали урок, а учителя их поправляли своими замечаниями. Занятия в летнее время проводились с семи до одиннадцати часов утром и с часа до пяти часов вечером, в зимнее время — с восьми до одиннадцати утром и с часа до четырех часов вечером. Перед занятиями и после них читались проповеди. Чтение книг ограничивалось, как правило, Библией и молитвенником. Подробно штудировали катехизис. Дисциплина в школе отличалась строгостью.

Главным занятием учениц в благотворительных школах оставалось шитье. Девочки шили для себя чепцы, воротнички, ночные сорочки, а для всех обитателей дома — постельное и столовое белье. Благодаря труду учениц школа какое-то время процветала, и девочкам даже купили форму. Они были облачены в платья коричневого цвета, серые фартуки, синие шерстяные лифы и белые чепцы. Учениц школы нередко приглашали для участия в различных торжественных церемониях. Так, в 1604 году хор в составе трехсот воспитанниц приветствовал королевскую чету — Якова I Стюарта и его супругу.

Большое место в учебной программе благотворительных школ занимала профессиональная подготовка, существовавшая в Англии со времени правления Елизаветы Тюдор. Отработанная в целом система исправно функционировала и при Стюартах. Девочек готовили к работе прачками, швеями, обучали в кулинарных школах. В 1631 году в Лондоне открылась благотворительная школа Брайдвелл, в которой 106 детей обоих полов обучались изготовлению шпилек и булавок, а также шитью изделий из шелковых и льняных тканей. В школе Чайлд Хоспитал в Норвиче девочек обучали самым совершенным методам прядения, для чего даже пригласили специального мастера. Не меньшую известность получила открытая в Бристоле в 1634 году школа Ред Малс Хоспитал, чей основатель и попечитель олдермен Джон Уайтсон ставил целью сделать ее местом для постоянного или временного про-

живания «скромной, благочестивой и добронравной воспитательницы, которая возглавит содержание сорока детей бедняков и их обучение чтению и шитью либо другой подобной работе, способной обеспечить учащихся пропитанием». Уайтсон пожелал, чтобы девочки носили форму красного цвета, — отсюда и произошло название школы. «Красные» девочки вверялись на семь лет на попечение наставницы, которая при весьма строгой дисциплине должна была обучать их ремеслу, плоды которого продавались на благо школы. Конечно, основатель школы полагал, что делает хорошее дело. Однако в его школе воспитанницы оказались на положении крепостных, в полной зависимости от наставницы, которая ради извлечения прибыли заставляла их день напролет чесать шерсть. «Нетрудно понять, — отмечала Дж. Камм, — почему школы подобного рода часто порождали систему, при которой неоплачиваемый труд учеников бесстыдно эксплуатировался».

Постепенно благотворительные школы приобретали функции работных домов. Прядение холста, нитяное и кружевное производство, вязание перчаток и чулок, кручение шелка сделались распространенными занятиями учениц, благодаря которым школы себя и содержали. Широкую известность приобрела школа миссис Харрис, ученицы которой выполняли заказы, получая за них от 2 до 5 пенсов в день. Подобная система очень нравилась бедным родителям, чьи дети с четырех лет оказывались на собственном попечении. К 1722 году ежегодная прибыль школы составляла от 500 до 600 фунтов, и к миссис Харрис зачастили учителя из других школ, чтобы перенять ее опыт.

Однако далеко не во всех школах имелась возможность сочетать труд с учебой. И если в городских школах обучали хотя бы элементарной грамоте, то в сельской местности, на взгляд Р. Томпсона, возможность научиться чтению для детей бедняков становилась настоящей роскошью. В подтверждение своих слов историк приводил высказывание известного просветителя Даниеля Дефо о положении семей, проживавших в графстве Галифакс: «Женщины и дети заняты чесанием шерсти и прядением. Все — от старца до мала при деле. Некоторые дети едва ли старше четырех лет, но и они зарабатывают на свое пропитание». В подобных условиях единственным, чему девочки могли научиться, оставалась несложная работа в текстильном производстве.

Справедливости ради отметим, что иногда и в провинции возникали школы, в которых беспокоились больше о воспитании и образовании учениц, нежели об их труде. Среди них прежде всего следует назвать школу первой феминистки Мэри Эстелл, расположенную в предместье Лондона Челси. Финансировали ее богатые горожане — приятельницы Эстелл. Сама Мэри принимала активное участие не только в сборе средств на школу, но и в выборе здания для нее. В конце концов школа расположилась в помещении Королевского госпиталя. Эстелл сама заказала белье и книги, составила учебную программу, определила регламент церемонии благодарения для меценатов школы. Школа открылась в 1709 году. В ней обучалось 30 девочек, по преимуществу дочерей ветеранов госпиталя. Девочек обучали азам религии, чтению, письму, счету, рукоделию, а также простейшей работе — метить белье. Ежегодно на одежду девочек тратилось 25 фунтов. Для каждой приобретали платье, по две пары белья и чулок, башмаки, а также различные предметы туалета. На жалованье учительницы, арендуемое ею жилье и уголь для топки уходило 25 фунтов. Приходская церковь в Челси собирала средства на приобретение книг, бумаги, гусиных перьев — всего того, что было необходимо для обучения письму. Занятия в классных комнатах проводились с 9 до 12 часов утром и с 13 до 17 часов вечером. Ежедневно в школе проводились богослужения. По воскресным или праздничным дням учащиеся отправлялись на службу в церковь.

Не меньшей известностью пользовалась и школа Элизабет Хастингс, которая располагалась в ее собственном поместье Ледшеме. Дочь графа Хантингтона Элизабет, или, как ее нередко называли друзья, леди Бетти, рано лишилась матери, и, хотя росла в богатстве, детство ее счастливым не назовешь. После смерти отца леди Бетти унаследовала большое состояние. Несмотря на многочисленные предложения руки и сердца, замуж она так и не вышла. Благотворительную школу, куда приняли 20 девочек-сирот, она открыла под влиянием Мэри Эстелл. В ее заведении все было продумано до мелочей. Ежегодно графиня выделяла 82 фунта на замену пришедшего в негодность белья, посуды, мебели, оконных стекол, приобретение семян и саженцев для школьного сада и 10 фунтов на приобретение сундуков, в которых ученицы держали одежду и личные вещи. Она оплачивала работу садовника и слуг, которые следили за

чистотой и порядком в доме и саду, на ее деньги покупались книги, бумага, чернила, лекарства, периодически обновлялся гардероб учениц. Школа находилась под постоянным контролем викария Ледшема, который посещал ее, чтобы проверить познания учениц «в христианской религии, морали».

Леди Бетти на протяжении всей своей жизни поддерживала движение в защиту благотворительных школ. На острове Мэн вместе с епископом Уилсоном открыла тринадцать школ, обязав родителей, отказывавшихся посылать детей в школу, платить штраф. Сторонницами благотворительных школ были и другие приятельницы Мэри Эстелл. Например, графиня Энн Ковентри финансировала школу в Бадминтоне, а леди Катрин Джонс — в Уэльсе.

При всех своих недостатках благотворительные школы приносили существенную пользу. Во-первых, благодаря им молодежь из бедных семей худо-бедно, но все же обучалась грамоте. Во-вторых, что было не менее важно, девушки приобретали в школах профессию, которая всегда гарантировала им кусок хлеба во взрослой жизни. Как правило, ученицы школы становились экономками, служанками, нянями, горничными, поварами, швеями, ткачихами.

Центральное место в образовательном процессе отводилось учителю. Между тем учителя не всегда отличались компетентностью и профессионализмом. М. Джонс отмечает, что профессиональные качества сельского священника или дамы-наставницы почти всегда оставляли желать лучшего. Нередко учителями становились те, кто по старости не мог найти себе иного места либо занимал эту должность по совместительству. Так, директором сельской школы был башмачник Р. Диксон, продолжавший заниматься своим ремеслом. Чаще же всего учителем становился приходский священник.

Инструкции Общества требовали, чтобы учителя почти все свое время проводили с детьми «для улучшения их знаний и предотвращения беспорядков, которые нередко происходят в отсутствие наставников». Поэтому они находились в школе с 7 до 17 часов летом и с 8 до 16 часов зимой. В отчете Общества за 1704 год перечислялись качества, необходимые для учителя. Он должен быть прихожанином англиканской церкви, вести добропорядочный образ жизни, обладать добрым нравом и отменным здоровьем, поддерживать порядок

в собственном доме и семье, иметь способности к обучению, хорошо разбираться в основах и принципах христианской религии, красиво и грамотно писать, знать азы арифметики. Наконец, его кандидатура должна быть одобрена приходским начальством.

К вышеперечисленному викарий Тэлбот добавлял еще такие качества, как терпение, скромность, практичность, рассудительность, справедливость, беспристрастность, кротость, воздержанность, искренность и доброе расположение духа. Примечательно, что ни Общество, ни автор трактата не требовали от учителя каких-либо серьезных знаний, поскольку хорошо понимали, что детей из низших слоев предстоит готовить не в университет, а к неквалифицированной работе.

От учительниц также требовалось не знание предмета, а религиозность и практические навыки, да еще чтобы они были «скромны, благоразумны, серьезны». Неудивительно, что одна из учениц вспоминала о своих школьных наставницах: «Они очень мало нам дали, и мы очень немногому от них научились». Иногда к учительницам предъявлялись особые требования, которые, впрочем, к знаниями не имели никакого отношения. Так, леди Бетти желала, чтобы приглашенная ею учительница не только «обладала способностями к обучению и наставлению детей», но и была не старше 25 лет, не замужем и непременно бездетна.

Со временем Общество взяло на себя функции агентства по найму и трудоустройству учителей благотворительных школ. Оно рекомендовало на работу только тех, кого его функционеры знали лично. Несмотря на строгие требования, которые Общество предъявляло к тем, кто хотел стать учителем, спрос в городах превышал предложение вакансий. Иная картина складывалась в провинции. Местные власти стремились заполучить учителя из столицы, однако не располагали необходимыми для этого средствами. «Учителя не желают ехать в провинцию даже на лучших условиях», — писал в 1713 году некто Генри Ньюман. Учителей пытались прельстить дешевой жизнью в провинции, однако и это мало помогало. В результате сельским школам приходилось довольствоваться местными кадрами, и преподавателями благотворительных школ становились приходские священники или учителя-самоучки.

Недостаток профессиональных педагогов в сельской местности принуждал местные власти самим беспокоиться о решении данного вопроса. В результате возникла система подготовки учителей из числа способных учеников. Нередко религиозные общины рекомендовали на должность учителя какого-нибудь прихожанина, представителя средних слоев, иногда даже посылали таких доморощенных учителей в столицу, чтобы они обучились «лондонской методике» преподавания. Но бывало и так, что известные учителя из Лондона отправлялись в провинцию, чтобы поделиться своим опытом с коллегами из сельских или городских школ.

Труд учителя оплачивался довольно скромно. В начале XVIII века учитель лондонской школы получал 30 фунтов в год плюс уголь и иногда деньги на аренду жилья. Максимальная зарплата учительницы составляла 24 фунта. Леди Бетти платила учительнице в своей школе и того меньше — 10 фунтов. Неудивительно, что учитель не являлся примером для подражания в английском обществе и, скорее, подвергался насмешкам, нежели восхвалению и поощрению.

Учебная литература, которой пользовались преподаватели благотворительных школ, по большей части носила религиозный характер. Главной книгой, разумеется, была Библия. Изредка использовались дешевые издания преданий и баллад. Общество строго регламентировало список литературы для школ. В одном из его отчетов перечисляются книги, которые надлежало читать учителям и учащимся, — учебники среди них в явном меньшинстве. Это были: «Орфография английского языка», «Искусство письма и речи», «Помощь родителям и учителям в воспитании детей» Г. Диксона, «Руководство по английскому языку», «Арифметика» Хаттона, «Сборник задач» Джонсона.

Самым популярным учебником по самообразованию, который широко использовался в педагогической практике, и не только учителями благотворительных школ, считался «Английский педагог» Эдмунда Кука. Впервые он был издан в 1596 году и на протяжении XVII века неоднократно переиздавался. В предисловии к книге автор призывал учителей обучать всех школьников вне зависимости от их возраста правильному чтению и письму на родном языке. Он советовал начинать с азбуки, а затем в форме диалога с учащимися раз-

учивать грамматику. Следующий этап образования предусматривал изучение начальных правил арифметики и правописания. Затем рекомендовалось освоить краткую хронологию для упражнения в написании имен латинских авторов. Завершать обучение, по Куку, следовало штудированием катехизиса.

Идея благотворительности, филантропии нашла широкий отклик в обществе среди людей, считавших себя истинными христианами. Когда по улицам Лондона шествовали сотни опрятно одетых в униформу, с чисто вымытыми лицами детей, многие не могли сдержать слез умиления. Нередко детей приглашали в соборы, где они участвовали в хоровом пении. В 1713 году в день благодарения по случаю подписания Утрехтского мира, положившего конец длительной Войне за испанское наследство, несколько тысяч учащихся школ приняли участие в торжественной церемонии в парламенте. Затем они прошли колонной в собор Св. Павла, где в течение трех часов исполняли гимны.

Система благотворительных школ сыграла большую роль в образовательном процессе не только Англии, но и других европейских стран. Английский опыт был позаимствован и взят на вооружение в Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии, в некоторых районах Германии, а также, как утверждал историк М. Джонс, «в больших городах владений царя Московии (Петра I. — *Т. Л.*)». В то же время благотворительные школы подверглись резкой критике у себя на родине. Одним из таких критиков выступил английский философ и просветитель Бернард Мандевиль.

3. Критика благотворительных школ Бернардом Мандевилем

Большинство английских просветителей, как правило, выступали в поддержку образования молодежи, представлявшей высшие и средние слои общества. Одним из первых в защиту просвещения выступил знаменитый философ Джон Локк, изложивший свою концепцию в произведении «Мысли о воспитании и о воспитании разума». Проект Локка содержал предложения об открытии в каждом церковном приходе школы, в которой бы дети бедняков жили, учились и по

мере сил трудились. Локк полагал, что, приучаясь с малых лет к физическому труду, дети впоследствии станут «благоразумными и трудолюбивыми». И хотя проект Локка не был принят правительством, его замысел в какой-то мере был реализован в благотворительных школах.

Сходные идеи высказывали журналисты-просветители Р. Стил и Дж. Аддисон. В журнале «Спектейтор» 6 февраля 1712 года Стил характеризовал благотворительные школы как «величайшее проявление общественного духа в наши дни». Он заявлял, что не существует более достойного занятия, чем открытие школ для бедняков, и призывал соотечественников внести «стоимость полутора ярда шелка на юбку» на одежду, питание и воспитание «неимущих, беспомощных созданий в этих школах». Дж. Аддисон писал 11 июля 1713 года в журнале «Гардиан»: «Я всегда рассматривал создание благотворительных школ, которые во множестве распространились по стране, как величие века, в котором мы живем». На фоне подобных заявлений полным диссонансом прозвучали высказывания Бернарда Мандевилья.

Философ, публицист, экономист и сатирик Бернард Мандевиль (1670—1733) приобрел широкую известность благодаря своей «Басне о пчелах» — острой сатире на раннебуржуазное общество Англии. С ноября 1709-го по март 1710 года Мандевиль выпустил тридцать номеров журнала «Болтунья», названного так вовсе не случайно, — журнал, который издавали Стил и Аддисон, назывался «Болтун». В своем издании Мандевиль помещал различные сочинения нравоописательного и дидактического характера. В 1728 году здесь же был опубликован памфлет «Опыт о благотворительности и благотворительных школах».

В нем Мандевиль отмечает как факт, что школы для бедных детей вошли в «необычную моду» и вызывают «восторженное увлечение» людей «всякого рода и положения». Большинство сограждан настолько «околдовано их полезностью и превосходностью», что готово любого, кто только осмелится открыто против них выступить, побить камнями. «Вид детей, выстроенных по росту, мальчиков или девочек, идущих по двое в строгом порядке, доставляет радость глазам; а если все они одеты в одинаковые одежды, с одинаковой отделкой, то это должно еще более увеличить приятность зрели-

ща, а еще более приятным для всех делает то воображаемое участие, которое в этом деле имеют даже слуги и самые жалкие в приходе люди, которым это ничего не стоит... Во всем этом, — пишет Мандевиль, — есть некое подобие чувства собственности, которое доставляет удовольствие каждому, кто имеет право употреблять эти слова, но особенно тем, кто действительно вносит деньги и сыграл большую роль в осуществлении благочестивого предприятия». Между тем, на взгляд Мандевиля, «насиленно навязываемое образование» не только не полезно обществу, а, напротив, наносит ему вред. Более того, он считает, что «определенная доля невежества» необходима хорошо организованному обществу.

Разумеется, Мандевиль не спорит с тем, что образование приносит детям пользу. Тот из них, кто познает «начала религии» и сумеет прочесть слово Божье, конечно же, получит больше возможностей для улучшения своей «добродетельности и нравственности». Но в то же время просветитель был твердо убежден, что обучаться должны только те дети, чьи родители в состоянии оплатить обучение, то есть дети из имущих слоев. Что же касается детей бедняков, то каждый час, проведенный ими за книгой, является, на взгляд Мандевиля, «бессмысленной потерей времени» для общества. Ученый развивает свою мысль следующим образом: образование детей из бедных семей делает их «неспособными к физическому труду, который в каждом цивилизованном обществе является их прямым назначением и уделом, на который они не должны роптать или жаловаться, если такой труд требуют от них благоразумно и гуманно». Когда люди становятся в чем-то более или менее сведущи, они начинают ценить себя «бесконечно выше тех, кто совершенно этого не умеет». В результате когда требуется «полное послушание и выполнение грязной работы», то обнаруживается, что «наиболее охотно и прилежно она выполняется тогда, когда ее делают люди, стоящие ниже тех, кому они служат».

Свои рассуждения о вреде образования для детей бедняков Мандевиль пытался связать с интересами государства. «В свободной стране, где рабство запрещено, — писал он, — самым надежным богатством является огромное число трудолюбивых бедняков. Чтобы сделать общество счастливым, а людей довольными в самых жалких обстоятельствах, необходи-

мо, чтобы огромное число их было невежественными, а также бедными. Знание увеличивает наши желания и умножает их число, и чем меньше желаний у человека, тем легче удовлетворить его самые неотложные потребности». Школы же для детей бедняков только «способствуют праздности» и мешают беднякам трудиться. Обучение бедняков приведет к тому, что никто из них не захочет обрабатывать поля, работать на фабриках и заводах, считая эти занятия для себя недостойными, а это, в свою очередь, приведет к ухудшению экономического состояния государства в целом. Мандевиль был твердо убежден в том, что знания бедняков должны ограничиваться кругом их занятий и никогда не выходить за пределы того, что относится к их работе. Чтение, письмо, арифметика совершенно необходимы тем, чье дело требует таких знаний, но там, где обеспечение жизни людей не зависит от этих наук, они «пагубны для бедных, которые должны добывать свой хлеб насущный каждодневным трудом». Просветитель уверял, что подобное отношение к образованию детей бедняков диктуется потребностями любого государства.

Мандевиль оспаривал не только необходимость устройства благотворительных школ, но также якобы присущую им религиозность и нравственное воспитание учащихся. «Если бы церковь согласилась снять маску, — пишет он, — то что бы она ни утверждала, мы вскоре обнаружили бы, что, создавая школы для бедных детей, она имеет целью... укрепление своих собственных политических позиций» и что под воспитанием детей в духе религиозных принципов ярые сторонники церкви подразумевают внушение им величайшего почтения к священникам англиканской церкви, а также «сильного отвращения и вечной враждебности в отношении всех, кто не согласен с ними». Поэтому Мандевиль высказывался в пользу отделения школы от церкви. На его взгляд, «невежество — мать веры», и нередко самые просвещенные и образованные люди отличаются безверием, тогда как честные и невинные встречаются среди «самых неграмотных, бедных, глупых сельских жителей». Что же касается хороших манер и вежливости, которые прививают беднякам школы, то просветитель предпочел бы получать от них «работу и усердие, а не комплименты». К тому же, замечал он, обычный учитель «не очень-то подходит для роли воспитателя хороших манер, как

можно догадаться по его жалованью». Впрочем, если бы учитель и попытался, то не смог бы этого сделать. По мнению Мандевиля, на детей куда большее влияние оказывает пример родителей и тех, «с кем они едят, пьют и общаются».

Обращаясь к благотворительным школам, Мандевиль критиковал существующую в них атмосферу фальши и бесправия учеников. Он также резко высказывался о попечителях школ. Если спросить у них, почему они принимают на себя заботу по воспитанию детей в ущерб собственным делам, то они единодушно ответят, что причина в их уважении к религии и в удовольствии, которое они получают, заботясь о бедных невинных малютках. На деле же им нравится сознавать свою власть как над учениками, так и над преподавателями, а кроме того, купаться в лучах славы. «Как приятно щекочат похвалы, какое удовольствие вызывает лесть, высказываемая попечителям людьми за их показную благотворительность, а также учителями, желающими преподавать в школах! Если какой-либо попечитель, положивший несколько больше, чем обычно, усилий для оказания помощи школе, окажется в каком-либо обществе, как его прославляют окружающие и как его рвение и склонность к милосердию превозносятся до небес!» По словам Мандевиля, «попечители — это тысяча мелких тиранов, к которым воспитанники относятся с ненавистью, видят их приветливое к себе отношение на людях (во время посещения благотворительных школ проверяющими) и чувствуют жестокое обращение к себе после ухода посетителей, когда остаются с преподавательским персоналом благотворительных школ наедине».

Мандевиль считал, что попечители школ для бедных детей думают «не столько о том, какое занятие лучше подойдет для их воспитанников, сколько о том, кого из ремесленников они могут найти, кто бы согласился взять мальчиков на обучение за как можно меньшую плату». Поэтому чаще всего приглашаются на работу в школу не опытные мастера, которым нужно платить большую зарплату, а неквалифицированные, готовые работать за любое вознаграждение, зачастую пьющие рабочие, которые воспитывают учеников себе под стать. Получившие такое образование выпускники школ не могут найти работу, спиваются, и в результате растет преступность. В то же время в стране наблюдается острая нехватка квалифици-

рованных людей в отраслях, жизненно важных для экономики государства.

На взгляд Мандевиля, не благотворительные школы, а семья, исходя из того, сможет ли она заплатить за обучение, должна решать вопрос, куда и какому ремеслу отдать учиться ребенка. При этом Мандевиль напоминал, что большая часть гильдий и цехов заботится о регулировании числа учеников в ремесленных школах, создаваемых при этих цехах, и берется обучать лишь тем специальностям, в которых наблюдается дефицит, дабы все выпускники впоследствии смогли найти работу и приносить пользу государству. В благотворительных же школах, по мнению Мандевиля, процесс обучения детей бедняков осуществляется бесконтрольно, их обучают не так, как надо, и не тому, чему надо обучать.

Завершая свое произведение, Мандевиль в качестве примера упоминает реформу образования, проведенную «царем Московии» Петром I, и говорит о том, что самое «похвальное качество» царя — это «неутомимое рвение, с которым он пробуждает своих подданных от их природной глупости и цивилизует свою страну». При этом он замечает, что многие подданные «царя Московии» «не так уж давно» были «чуть ли не дикими животными». Подобная характеристика нужна ему, как ни странно, для иллюстрации своей мысли о благотворительных школах. В России, заключал Мандевиль, слишком мало знающих людей, а в Англии — слишком много. Поэтому действия российского царя, направленные на повышение грамотности населения, оправданны, а усилия тех, кто открывает благотворительные школы в Англии, бесполезны и вредны.

Недооценка Мандевилем значения образования для трудящихся масс проистекала из его экономических воззрений. Обязанность бедняков, считал он, заниматься ручным трудом. Лишнее же образование вело к повышению стоимости их труда и удорожанию производимых на экспорт товаров, что подрывало благосостояние государства. Наконец, немаловажным аргументом против благотворительных школ, с его точки зрения, было то, что их выпускники составляли конкуренцию среднему классу, с чем он, как выразитель интересов буржуазии, примириться не желал.

Глава 4 Первые феминистки

1. Проекты реформирования женской образовательной системы

В правление Стюартов, как констатировал британский историк XX века Дж. Тревельян, «образование женщин находилось в плачевном состоянии. Среди низших классов оно, может быть, немногим хуже мужского, но дочери более зажиточных людей значительно уступали в образовании своим братьям». Это считалось «общепризнанным фактом», и возникали расхождения лишь в его толковании. Как пишет Тревельян, многие «защищали существующее положение как необходимость для удержания женщин в должном повиновении». На взгляд Р. Томпсона, качество женского образования даже заметно ухудшилось после Реставрации 1660 года, когда в обществе появилось немало знатных «пустышек», занятых исключительно «наведением глянца и прихорашиванием» собственной персоны. Тот факт, что образовательный уровень женщин в ту пору был поистине удручающим, признавал и английский историк XIX века Т. Б. Маколей. В течение второй половины XVII века, подчеркивал он, «образование

женского ума... было почти в совершенном пренебрежении». Жены и дочери помещиков читали лишь молитвенники и рецептурные книги, а если девушка обладала хотя бы малейшими познаниями в литературе, то на нее смотрели как на чудо, «благородного происхождения, благовоспитанные и от природы весьма понятливые дамы» не могли написать и строчки без орфографических ошибок.

Причину всего этого Маколей видел прежде всего в падении общественной морали. «Чрезмерное распутство... было тогда модой, — подчеркивал историк. — Оно и произвело свое обыкновенное действие: нравственное и умственное унижение женщин. Телесной их красоте принято было за правило оказывать грубое и бесстыдное поклонение. Но страсти, которые они внушали, редко соединялись с уважением, любовью или каким-либо иным рыцарским чувством». Пример безнравственности, по Маколею, подавал королевский двор, где не только не заботились о морали, но, напротив, ее стыдились. Придворные дамы не желали уметь ничего более, как строить глазки и «сладострастно» танцевать, вести бойкие беседы и шалить с кавалерами, распевать стишки «с двусмысленным содержанием»; одевались они, согласно моде, так, что грудь представляла «в полном блеске». «Крайнее невежество и легкомыслие, — констатировал Маколей, — считались в даме менее неприличными, нежели легчайший оттенок педантства».

Передовые умы Англии не удовлетворял и уровень образовательной подготовки девушек в частных пансионах. Весьма критически о «женских академиях» отзывался уже известный нам Бернард Мандевиль. «Там обучат пению и танцам, — писал он в трактате “Разоблаченная девственница, или Женские разговоры между почтенной старой девой и ее племянницей”, — тому, как работать и как одеваться, если пожелаете, то получите должные рекомендации по поводу утонченных манер и благовоспитанности. Но все это касается тела, ум остается в пренебрежении». Еще более язвительно просветитель высказался о самих воспитанницах пансионов: «Они проводят время в праздности и безделии и имеют в избытке время, чтобы ухаживать за руками, в особенности те из них, чьи родители богаты и настолько глупы, что готовы содержать их, затрачивая столько денег, что их хватает на подкуп учителей. В результате последние не исполняют своих обя-

занностей и смотрят сквозь пальцы на их проступки и ошибки. Эти воспитанницы не расстаются весь день с ватрушками, вызывая аппетит у своих учителей... Всю неделю, за исключением воскресенья, они томятся от отсутствия мужчин, некоторые хитры и лукавы, большинство — распутны. Когда они повзрослеют, выясняется, что их головы наполнены такой чепухой об ухаживании и любви, что поневоле подивишься, если они не сбегут с первым встречным мужчиной».

Низкий уровень образования женщин в эпоху правления Стюартов был, разумеется, тесно связан с проблемой общей грамотности англичан, мнения ученых по поводу которой — надо отметить — заметно разнятся. Р. Томсон, например, утверждает, что XVII век был «веком поэзии и учености», «веком грамотности». Тревельян уверяет, что «значительная часть населения, даже в отдаленных деревнях, умела читать и писать». Однако подобные утверждения вызывают сомнения, когда обращаешься к данным, которые приводит К. Хибберт. На его взгляд, более двух третей англичан грамоты не знали, а так как чтению обучали раньше, чем письму, а иногда письму и вовсе не обучали, то многие люди, умевшие читать, были не способны написать даже собственное имя. Значительным оставался и разрыв между уровнем грамотности женщин и мужчин. Английская исследовательница П. Крауфорд приводит данные, свидетельствующие о том, что до революции в Англии насчитывалось 30 процентов грамотных мужчин и 10 процентов грамотных женщин. Революция во многом способствовала повышению уровня грамотности обоих полов: число грамотных мужчин увеличилось вдвое, а женщин — даже в три раза. Причем и до, и после революции уровень грамотности женщин был неодинаков в различных районах страны. Если в Лондоне в 1640-х годах половина женского населения оставалась неграмотной, то в Восточной Англии неграмотными были практически все англичанки.

Передовые умы английского общества выступали с проектами реформирования системы образования, писали многочисленные трактаты. Отличительной особенностью этих произведений было то, что их авторами в большинстве своем были женщины. На первый взгляд может показаться парадоксом: в стране, где все твердят о плохом образовании женщин, появляется немало литературных дам, которые об-

суждают подобную проблему на страницах своих сочинений! Быть может, когда говорили о низком уровне образования женщин, преувеличивали? Конечно же, нет! В массе своей женское население страны в XVII веке действительно оставалось плохо образованным. Просвещение было не в чести. На этот счет даже имелась соответствующая поговорка: «Остерегайся юной весталки, пророчицы и женщины, знающей латынь». Родители получившей образование девушки, беспокоясь о том, что не смогут найти достойную партию для дочери, подчас советовали ей «научиться приспособиться к разговору» с будущим мужем так, чтобы не выказать чрезмерных познаний. Однако такое положение устраивало самих образованных леди.

Первая книга из написанных женщинами о воспитании детей вышла в свет в 1616 году. Это было «Материнское благословение» учительницы Дороти Лей. Адресованная сыновьям, с посвящением дочери Якова I — принцессе Елизавете, книга содержала ряд практических советов родителям по поводу воспитания детей. Это были, по словам современника Дороти Лей писателя Чарльза Гербера, «благочестивые рекомендации, добрые проповеди и наставления». На протяжении пяти лет она выдержала семь изданий. В 1642 году небольшой, в 21 страницу, трактат опубликовала графиня Элизабет Линкольн. Он был адресован невестке Бриджит, которую графиня убеждала самой заняться воспитанием своих детей. Самой же известной книгой такого рода стало «Обращение к леди», авторство которого чаще всего приписывают леди Пекингтон. Книга эта была своеобразным протестом против разлагавших общественную мораль нравов королевского двора. Ее автор призывал знатных леди вспомнить о своей ответственности перед обществом. Отдавая должное тем качествам, которые служили украшением каждой женщины (кротость, скромность, приветливость, набожность), автор в то же время осуждал женские пороки — в первую очередь богохульство (!) и болтливость. Среди серьезных пороков английских женщин высшего общества называлось пристрастие к вину, ибо «нет ничего ужаснее злоупотребляющей спиртным женщины».

Перечисленные книги, однако, ничего не говорили о женском образовании. Одним из первых трактатов, затронувших

эту тему, стало сочинение Клемента Барксдейла, опубликованное в 1675 году. Автор предлагал проект колледжа, где девушек из богатых и «благочестивых» семей будут обучать за плату, причем вступительный взнос определялся в пять фунтов. Он считал, что учебное заведение должно быть закрытого типа, где бы девушки не только обучались, но и какое-то время жили под одной крышей. Барксдейл был сторонником социальной иерархии и считал, что даже в столовой девушки должны размещаться в соответствии со своим положением в обществе. Предусматривалось, что дважды в день священник будет читать ученицам проповеди. Допускалось, хотя и нечасто, посещение родственников. Родителям разрешалось забирать дочерей домой на каникулы; предусматривался и такой случай, когда у них возникало намерение выдать их замуж.

Проект колледжа включал хорошую библиотеку, в которой предполагались книги по истории, религии, а также поэтические сочинения на английском и иностранных языках. Девушки должны были обучаться не только музыке, танцам, рисованию и рукоделию, но и азам философии. Кроме того, высказывалось пожелание, чтобы воспитанницы по завершении образования совершили заграничное путешествие вместе с родителями или гувернантками.

Барксдейл продумал проект до мелочей, вплоть до формы учениц, которой, по его мнению, следовало быть не только удобной, но и скромной. Юные леди должны были носить шелковые платья темного цвета, а их наставницы платья из саржи. Он настаивал, чтобы ученицы, общаясь с друзьями, «ничего, кроме рук и лица, не обнажали». Надо признать, что, хотя автор своим проектом привлекал внимание общественности к проблеме женского образования, он все же больше рассуждал о манерах, морали и поведении учениц, нежели о том, чему и как их следует обучать.

Идея о женском колледже была поддержана доктором богословия Джорджем Хиксом, который 1 апреля 1684 года в проповеди, обращенной к лорд-мэру и олдерменам Лондона, заявил о необходимости создания такого заведения. На его взгляд, девушек следует обучать тому, что «наиболее всего им подходит». Одно из достоинств колледжа перед обычными школами Хикс усматривал в возможности углубленного изу-

чения государственной религии, что позволило бы устранить «опасность схизмы» среди юных дам.

Весьма интересный анонимный памфлет «Очерк в защиту женского пола» был опубликован в 1696 году и сделался настолько популярным, что за год выдержал три издания. Авторство его приписывали некоей образованной и интеллигентной даме, чье имя так и осталось неизвестным, которая «смотрела на мир проницательным взором и выискивала многочисленные прегрешения в мужчинах». Эта дама ученых мужей называла «педантами», «суеверными и фантастическими обожателями прошлых времен», «детьми в своем разумении» и т. д. Досталось даже членам Королевского общества, которые были поименованы «щеголями», «хвастунами» и «политиками кофеен».

Расправившись таким образом с сильным полом и «доказав», что его науки мало что значат, автор обратила свой взор на юных дам. По ее мнению, женщины, в отличие от мужчин, не должны тратить время на изучение древних языков. Это им вряд ли необходимо, ведь все лучшие произведения античных авторов имеются в переводе. Кроме того, существует масса прекрасных книг, написанных на родном языке: проза, поэзия, история, философия. Так что женщина и со знанием только английского языка вполне сможет стать «мудрой и образованной». Незнание латыни и греческого даже является определенным плюсом для женщин, поскольку вместо занятия бесполезными науками они смогут посвятить свободное время чтению романов, рассказов, пьес и поэм. Кроме того, далекие от классического образования юные леди смогут больше общаться с матерями, которые поделятся с ними своим житейским опытом и обучат дочерей манерам и этикету.

2. Зарождение феминизма в Англии

Проблема возникновения феминизма в отечественной науке принадлежит к числу слабо изученных. Да и сама тема феминизма еще недостаточно разработана российскими учеными. В 1993 году вышел в свет сборник статей «Феминизм. Восток, Запад, Россия», авторы которого возникновение феминизма связывают с движением суфражисток. Таким

образом, российские ученые относят возникновение феминизма к XIX веку. Между тем вряд ли это верно. Ведь феминизм — это общее название широкого движения за уравнивание в правах женщин с мужчинами, тогда как суфражизм отражает лишь борьбу женщин за избирательные права.

В зарубежной исторической науке проблема возникновения феминизма также принадлежит к числу дискуссионных. Гильда Смит пишет, что английские ученые, обращавшиеся к истории феминизма, тоже, как правило, ограничивались XIX веком, немногие из них добивались до произведений английской писательницы конца XVIII века Мэри Уолстонкрафт и только единицы обсуждали развитие феминистской идеологии в XVII веке. Сама Смит уверена в том, что феминизм в Англии берет начало с XVII века. Аналогичной точки зрения придерживается директор Центра гендерных исследований в Технологическом институте Массачусетса (США) Рут Перри, автор книги, посвященной первой феминистке Мэри Эстелл. Британская исследовательница истории феминизма XVIII века Кэтрин Роджерс подчеркивает, что предшественницами современных феминисток были первые писательницы, которые пробуждали самосознание своих современниц и помогали им сформулировать требования, касающиеся их собственных нужд. На взгляд П. Крауфорд, истоки феминизма появились именно в ту пору, когда писали свои сочинения Ханна Вуллей и Мэри Эстелл. К числу феминисток она причисляла также Сару Джиннер, издавшую в 1658 и 1683 годах трактаты, в которых утверждалось, что власть мужчин в обществе зиждется на недостатке образованности женщин. Крауфорд относилась к феминисткам тех женщин, которые в своих произведениях высказывали убеждение в том, что женщины страдали от социальной несправедливости исключительно в силу принадлежности к своему полу. Признавая униженное положение женщин, феминистки главную тому причину усматривали в недостатке женского образования и существующих обычаях страны. На их взгляд, женское образование закладывало фундамент для формирования иных потребностей и требований представительниц слабого пола.

Среди западных ученых больше всего споров вызывает правомерность применения термина «феминизм» к женскому движению XVII века. Суфражистки боролись за достиже-

ние полного равенства полов, однако их предшественницы подобного требования не выдвигали и стремились изменить распределение возможностей между полами лишь в образовании и браке. Поэтому и термин «феминизм» к движению женщин в XVII веке не вполне подходит. Ряд зарубежных ученых (Дж. Киннард, Г. Ледук) предложили назвать это движение «предфеминизмом» (от *англ.* «protofeminism»). Нам представляется более уместным использование термина «ранний феминизм».

Вышедшие в свет в 1980–1990-е годы монографии о первых феминистках (Мэри Эстелл, Афре Бен и др.), а также по истории феминизма XVII века позволяют выяснить, что же представляла собой идеология раннего феминизма, каков был коллективный портрет первых феминисток, как они относились к женскому образованию и браку. Как считает большинство ученых, главенствующее влияние на формирование феминистских идей оказали Английская революция XVII века и идеология Просвещения.

Несмотря на то что лидеры революции не проявляли какого-либо интереса к положению женщин в обществе, революционные события создали политический и интеллектуальный климат, благоприятный для переосмысления традиционных отношений в обществе. Постоянное обсуждение проблем, связанных с тиранией власти и правами свободнорожденных англичан, критика политических институтов и господствовавших социальных и религиозных догм способствовали новому взгляду на взаимоотношения полов.

Революция и гражданская война разделили на два лагеря не только мужчин, но и женщин. В их среде были сторонники как короля, так и парламента. К первым, как того следовало ожидать, примкнули представительницы высших слоев общества. Аристократки Элизабет Уиндхем, Джейн Причард и Кэтрин Мур, графини Дерби и Элизабет Эссекс выступали столь активно в защиту опального короля Карла I, что лишились собственных владений, конфискованных правительством Кромвеля. Многие аристократки вносили значительные денежные суммы (до 100 фунтов стерлингов) в фонд помощи роялистам, который был учрежден супругой Карла I королевой Генриеттой-Марией. Нередко леди помогали роялистам избежать преследований со стороны парламента и прятали

в своих домах опальных беглецов. Так, Энн Мюррей оказала в 1648 году помощь младшему сыну томящегося в тюремном заточении короля — герцогу Йорку. Графиня Дерби, леди Мэри Бланк и Энн Севиль, графиня Портленд и другие организовывали прямое сопротивление войскам Кромвеля. Порой в связи с длительным отсутствием мужей (на войне, в тюремном заключении, в эмиграции) женщины брали на себя ответственность за семью и ведение дел в поместье. Нередко жены следовали за мужьями в эмиграцию, предпочитая, как герцогиня Ньюкасл, разделить все тяготы жизни на чужбине с любимым человеком. Самые отважные (Кэтрин Ланкфорд, Сюзи Верней) добровольно отправлялись в тюрьму, чтобы тем самым облегчить участь своих мужей. Нередко жены (например, Энн Фрэншив, герцогиня Ньюкасл, Мэри Верней, Изабелла Твиден) выступали в роли ходатаев, отстаивая перед парламентом свои права на конфискованные владения, пока их супруги пребывали в эмиграции. Многим аристократкам удалось добиться не только возвращения поместий, но и освобождения из-под стражи опальных мужей.

Еще активнее в революционных событиях участвовали сторонницы парламента, большую часть которых составляли представительницы средних и низших слоев общества. Они участвовали в массовых демонстрациях протеста, религиозных движениях, подаче петиций, сборе средств на нужды парламентской армии, строительстве фортификационных сооружений, становились медсестрами, курьерами, регулировщицами, разведчицами, солдатами.

31 января 1642 года женщины составили петицию, предназначенную палате лордов, в которой выражали недовольство «упадком торговли, существующими неурядицами в государственных делах, а также спорами и разногласиями между палатами парламента». Подательницы петиции настаивали на том, чтобы «была восстановлена англиканская религия, а также оказана действенная помощь ущемленным в правах протестантам в Ирландии». Передав петицию в палату лордов, женщины (в количестве 400) на следующий день пришли к Вестминстерскому дворцу, чтобы получить ответ. Они настояли, чтобы их представительниц допустили в здание парламента. Палата лордов была вынуждена пригласить двенадцать манифестанток на свое заседание и заслушать их. Как

сообщала одна из лондонских газет, 4 февраля 1642 года женщины подали в палату общин петицию, в которой требовали «принятия мер против епископов», а также выражали сожаление по поводу того, что «в палате лордов обладают правом голоса многие паписты — лорды и епископы». Петиция была вручена депутатам палаты общин супругой пивовара миссис Энн Стаги, а также «другими женщинами, того же ранга». Члены палаты обещали рассмотреть полученное обращение на своем заседании.

Гражданская война, расколовшая общество, приносила неисчислимые страдания женщинам, мужа и сыновья которых оставляли родной дом и присоединялись к одной из воюющих сторон; поэтому женщины неоднократно подавали петиции в парламент с требованием положить конец междоусобицам и войне. В начале 1643 года в одном из лондонских изданий была опубликована петиция вдов, в которой говорилось: «Мы требуем положить конец этим несчастьям, потопившим наше королевство в море крови. Остановите войну, где брат воюет против брата и сыновья с жестокостью убивают друг друга».

Демонстрации женщин, настаивавших на прекращении гражданской войны, были в 1643 году часты и многочисленны. Их участницы нередко украшали свои головные уборы шелковыми лентами белого цвета. Некоторые женщины приводили с собой на демонстрации детей. Многие демонстрантки вели себя довольно агрессивно: препятствовали свободному перемещению депутатов из здания парламента, угрожали применить силу в отношении тех из них, кто выступал против заключения мира, и т. п. 8 августа 1643 года власти распорядились прогнать манифестанток от стен Вестминстерского дворца. Однако на следующий день на прежнем месте их собралось еще больше: от двух до трех тысяч. Демонстранткам удалось отеснить стражу и занять двор у стен парламента, откуда они стали скандировать под окнами палаты лордов: «Мы хотим мира и нашего короля!» Однако в ответ власти отдали приказ о разгоне демонстрации. Подоспевшая конница принялась усиленно разгонять манифестанток. Возникла давка. Газеты и авторы мемуаров приводили различные данные о жертвах этого инцидента. Одни утверждали, что погибли одна или две женщины. Венецианский посол в Лондо-

не свидетельствовал, что в результате «кровавого конфликта» было убито десять человек и более сотни ранены, большинство из них — женщины. Он же сообщал: «Многие из женщин, которые шли просить о мире, были арестованы вместе со своими мужьями».

В 1646—1648 годах женщины приняли активное участие в подаче петиций в защиту лидеров партии левеллеров, объединившей наиболее решительных противников монархии и аристократии. В сентябре 1646 года жены левеллеров провели несколько дней под окнами парламента, требуя справедливости. В марте 1647 года сподвижник главы партии Джона Лильберна — Ричард Овертон, находясь в тюрьме, составил петицию, которая была доставлена женщинами в парламент. По-видимому, подобные демарши женщин в защиту левеллеров были настолько частыми, что заставили власти издать указы о недопущении беспорядков и применении силы для их подавления, а также о задержании и наказании в судебном порядке тех, кто будет выступать против парламента. Пик участия женщин в политическом движении, как считает британская исследовательница П. Хиггинс, пришелся на апрель — май 1649 года, когда были поданы петиции с требованием освободить четырех лидеров партии левеллеров — Дж. Лильберна, У. Уолвина, Р. Овертона и Т. Принса. 23 апреля 1649 года у стен парламента собралось до 500 женщин, шляпки которых украшали шелковые ленты зеленого цвета. В своей петиции женщины заявляли, что парламент поступает в отношении Лильберна и его соратников «тиранически», и настаивали на их освобождении. В петиции содержались также жалобы на нарушение правил торговли, рост цен, безработицу, высокие пошлины и т. п. Но хотя под петицией стояло 10 тысяч подписей, парламентарии отказались ее принять. Более того, спикер палаты общин направил к подавальницам петиции начальника стражи, который заявил: «Вопрос, о котором идет речь в петиции, выше вашего разума, и потому палата даст ответ вашим мужьям, а не вам. Вы же должны разойтись по домам и заняться своим непосредственным делом — домашним хозяйством». Эти слова вызвали бурю гнева, после чего к собравшимся женщинам вышел сам Кромвель. Одна из демонстранток с громким криком схватила его за плащ. Манифестантки кричали, что добиваются

всего лишь «прав и свобод, которые были обещаны нации», но, несмотря на все их усилия, парламент петицию не принял.

Петиции в защиту левеллеров женщины подавали еще не раз, пока Государственный совет 4 августа 1649 года не приказал начальнику охраны «позаботиться о том, чтобы беспокойные женщины впредь не толпились у входа в парламент и не мешали депутатам и членам Госсовета исполнять их функции».

После нового ареста Джона Лильберна в 1653 году активность радикально настроенных женщин еще более возросла. Двенадцать самых решительных манифестанток, среди которых была и супруга Лильберна, пришли 27 июля к парламенту с петицией, под которой стояло 6 тысяч подписей. Однако парламентарии к ним не вышли. Спустя три дня женщины вновь пришли к зданию парламента, и на этот раз под их петицией стояло еще больше подписей. Они требовали «положить конец несправедливым и незаконным действиям, направленным против Лильберна» и высказывали опасение, что «совершенное против него действо... может быть проделано в отношении любого другого гражданина».

Чаще всего свои петиции женщины адресовали парламенту, но иногда — лорду-протектору Оливеру Кромвелю. Одна из таких петиций, поданная 27 октября 1651 года, содержала требование изменить законы, касавшиеся наказания за неуплату долгов. Парламент неоднократно, в 1641 и 1649 годах, обсуждал эту проблему, но так ничего и не решил, и женщины, недовольные медленным рассмотрением дела, обратились лично к Кромвелю, в лице которого хотели видеть «избавителя от угнетения и рабства». Кроме того, женщины просили облегчить участь беднейших слоев населения и не допускать их заключения в тюрьму за долги. На этот раз усилия манифестанток не пропали даром: в 1653 году парламент создал комитет для рассмотрения законопроекта, а затем принял и сам закон, согласно которому наказание тюрьмой за долги было отменено.

Участие женщин в подаче петиций неизбежно вызывает вопрос: кто их сочинял? Нам представляется, что в то время, когда большинство англичанок были неграмотными, петиции, скорее всего, составляли мужчины. Однако иногда их авторами становились и женщины — чаще всего в тех случа-

ях, когда речь шла о правах «слабого пола». Например, авторство петиции, поданной в мае 1649 года, приписывали матери казначея партии левеллеров С. Чадлея — миссис К. Чадлей. Она участвовала в деятельности одной из религиозных сект и в движении левеллеров, а кроме того, была автором ряда религиозных трактатов. В этой петиции, в частности, говорилось: «Разве мы не имеем равного с мужчинами интереса к делам нации, свободы которой обеспечены Биллем о правах и другими разумными законами страны?.. Разве мы можем оставаться в своих домах, когда ущемляются наши свободы?.. Наконец, мы убедительно просим рассмотреть нашу петицию, поскольку нас не устраивает, что ответ на нее намереваются дать нашим мужьям и друзьям, тогда как мы вправе узнать все сами».

Все чаще в петициях, адресованных парламенту, звучало требование женщин предоставить им равные с мужчинами права, и прежде всего право высказывать свое мнение в политических дебатах. «Поскольку мы убеждены, что созданы Богом, как и мужчины, — говорилось в майской петиции 1649 года, — то можем принимать пропорциональное участие в свободах республики. Мы не скрываем своего возмущения тем, что вы лишаете нас права подавать петиции или высказывать недовольство в отношении достопочтенной палаты общин».

Заявляя о своих правах на гражданские свободы, англичанки апеллировали к Библии и другим богословским сочинениям. Так, подательницы майской петиции 1653 года заявляли: «Вручение петиций — наше бесспорное право, поскольку Бог всегда желал и был готов принять прошения от всех без исключения людей. Древние законы страны не противоречат воле Господа, и потому мы вправе подать петицию и получить на нее ответ». Подобные заявления манифестанток побудили П. Хиггинс указать на их «феминистскую» позицию. «Казалось, — отмечал автор, — женщины стремились изменить саму основу патриархального общества, в котором жили и в котором отец или муж являлся главой семейства, а вся семья была лишь его собственностью. Эти женщины добивались права говорить и действовать самостоятельно».

Среди аргументов, которые женщины приводили в защиту своих прав, они указывали и такой, как вклад в «общее де-

ло». Действительно, многие англичанки сделали немало для поддержания парламентской армии. В Лондоне, Кентербери, Норвиче, Ковентри женщины создавали комитеты для сбора средств на содержание конницы, получившей название «Девичье войско» («Virgins Troops»). Один отряд, на содержание которого собрали девушки Лондона, был включен в состав армии графа Эссекса. Другой отряд, сформированный в Норвиче, вошел в состав армии самого Кромвеля. Женщины участвовали в строительстве фортификационных сооружений, помогали собирать информацию о силах противника, оказывали помощь раненым, прятали в своих домах скрывавшихся от преследования беглецов. Их вклад в «общее дело» в самом деле был велик, и женщины это хорошо понимали. Более того, они заявляли о готовности, если потребуется, пожертвовать не только своей жизнью, но и жизнью близких ради сохранения прав и свобод нации. Для себя же они требовали лишь права подавать петиции, которые в обязательном порядке будут рассматриваться. В связи с этим американский историк Б. Капп справедливо заметил, что именно массовые петиции способствовали зарождению протофеминизма.

Можно предположить, что в большинстве своем манифестантки и подательницы петиций были представительницами мелкой и средней буржуазии — ведь они особенно активно выступали в защиту левеллеров, которые отстаивали интересы городских слоев. Подтверждение этому находим у очевидца тех событий графа Эдварда Кларендона, который заметил, что все эти женщины являлись супругами состоятельных горожан. Забегая вперед, отметим, что и первые феминистки чаще всего происходили из этой же социальной среды.

Нельзя не сказать еще об одной форме деятельности женщин в период революции — их активном участии в религиозных движениях. Британский историк К. Хилл отмечал, что в Средние века женщины играли «важную роль в еретических сектах и эта традиция вновь обозначилась в Англии в период революции». Во время революции в стране насчитывалось около двухсот религиозных сект, где женщины, как правило, составляли большинство. Самыми многочисленными были квакеры, анабаптисты, милленарии, рантеры, сикеры, социниане, визионарии, либертины. По социальному составу это

были в основном представители низших слоев общества: мелкие лавочники, ремесленники, наемные рабочие, безземельными крестьяне.

В 50-е годы XVII века квакерские собрания для женщин были организованы в Лондоне. Постепенно они вошли в традицию, и после революции женщины-квакеры продолжали приходить на ежемесячные собрания, на которых обсуждали распределение даров благотворительности, посещение больных, оказание помощи заключенным в тюрьмах и т. д.

В Лондоне, Линкольншире, Гертфордшире, Йоркшире, Сомерсете и ряде других городов и графств появились женщины-проповедницы. Квакеры даже выдвинули теории, обосновывавшие право женщин читать проповеди или участвовать наряду с мужчинами в церковном управлении. На взгляд квакера Дж. Кента, для церковного служения проповеднику совсем необязательно быть образованным и потому им может стать кто угодно, в том числе и любая женщина. Среди сектантов пользовались популярностью трактаты пророчицы из Бельгии Антонии Буринон, которая утверждала: «Мужчинам не дано познать Божественный свет так, как женщинам, поскольку их сердца наполнены гордыней и их занимает лишь то, что ведет к власти и славе, а не к Господу. Рассуждать о духовном способна лишь женщина». Пророчица была убеждена и убеждала других в том, что женщины более мужчин способны к литургии и проповеди в силу своей эмоциональности и необычайной восприимчивости всего, что связано с окружающим миром. Она утверждала с успехом у своих слушателей, что устами женщины говорит Бог.

Женщины-сектантки не ограничивались участием в богослужениях и чтением проповедей. Они также участвовали в политической жизни. Их лидеры М. Мэрисон и Э. Дуглас писали многочисленные петиции, обращенные в том числе к Кромвелю, требуя «духовного очищения нации». Квакер К. Эванс протестовала против тюремного заключения сектантов. Впрочем, их протесты в основном были обращены против ущемления религиозной свободы и почти не касались, как замечает британский историк Б. Капп, женской эмансипации.

Тем не менее необычайная активность женщин в общественно-политической и религиозной жизни не могла остаться

ся не замеченной представителями сильного пола. Как же мужчины реагировали на подобную деятельность своих жен, сестер, матерей и подруг? По мнению большинства исследователей, англичане, независимо от того, являлись ли они роялистами или пуританами-революционерами, продолжали настаивать на сохранении подчиненного положения женщин. Мужчины считали, что женщины, как и дети, не должны участвовать в политике. Когда женщины в Суффолке в 1640 году попытались принять участие в муниципальных выборах, шериф графства отстранил их, заявив, что это противоречит закону.

Однако перемены в положении женщин все-таки происходили; касались они в первую очередь семейных отношений. Пуританская мораль утверждала, что жена — это помощница и партнер мужа, а не просто нижестоящий член семьи и прежде всего поэтому заслуживает уважения. Пуритане осуждали рукоприкладство мужей и двойной стандарт в сексуальном поведении. И хотя в то же время они напоминали, что любовь следует за браком, а не предшествует ему, именно им англичане обязаны возникновением в революционные годы теорий, авторы которых переосмысливали роль патриархальной семьи. Стала модной идея о необходимости реформировать институт брака, а члены секты рантеров предлагали его и вовсе упразднить. Но таких радикалов было немного. Большинство же задумывалось над тем, как улучшить традиционную семью — изменить положение в ней женщины, ограничить власть мужчины, упростить процедуру выбора супруга и бракосочетания. Они рассуждали о достоинствах и недостатках разводов, полигамии и браков между родственниками. Раздавались голоса, что жены не обязаны подчиняться мужьям и вольны распоряжаться собственностью без их разрешения. Все чаще появлялись сочинения, авторы которых не отказывали женщинам в интеллектуальных способностях. Чарльз Гербер в памфлете, посвященном сестре короля Карла I — Елизавете Богемской, изданном в 1651 году, проводил не самую популярную в обществе мысль, что женщины обладают теми же способностями, что и мужчины. В защиту умственных достоинств слабого пола высказывались профессор Кембриджского университета Джон Холл и публицист Джон Хейдок,

который в книге «Совет дочери» (1658 год) декларировал, что «женщина духовно возвышается над мужчиной».

Не остались в стороне от дискуссии о браке, месте и роли женщин в обществе, которая развернулась на страницах печати, и знаменитости того времени. Джон Мильтон в одном из памфлетов констатировал, что «все люди на земле, мужчины и женщины, равны от природы в своих власти, достоинстве, авторитете и величии». Лидер квакеров Дж. Фокс допускал участие женщин в управлении церковными делами. Религиозный радикал Р. Коппин утверждал: «В любом собрании женщина вольна высказывать свое мнение наравне с мужчинами». Бесспорно, что подобными заявлениями в какой-то мере подрывались устои патриархальной семьи.

К. Хилл пишет: «В те времена, как и сейчас, секс означал для пуритан “грех”. Сексуальная революция, которая являлась важной частью протестантской этики, означала замену брака по расчету (с любовью вне брака) моногамным партнерством, основанным на взаимной любви и деловом партнерстве в семейных делах. Жена должна была подчиняться мужу, но уже не как рабыня. Двойной стандарт в сексуальном поведении был заменен, по крайней мере в идеале, единым». Далее историк подчеркивает, что благодаря изменениям в семейных отношениях женщина стала играть более важную роль в экономике, выступая в качестве младшего партнера по бизнесу своего супруга. И хотя это не исключало его рукоприкладства, а закон все еще игнорировал экономические перемены, положение женщины заметно улучшилось. Хилл ссылается на мнение известного памфлетиста того времени Дж. Чемберлена, согласно которому «женщина в Англии де-юре имеет не лучшее положение в сравнении даже со слугами или детьми, но де-факто ее положение лучшее в мире, поскольку англичане относятся к своим женам прекрасно». Он также приводит слова некоего путешественника из России, посетившего Лондон в 1645–1646 годах, который утверждал, что англичанки управляют не только своими домами, но и мужьями.

Новая этика, представленная в пуританских доктринах, отстаивала права женщин на брак по любви и свободу иметь желаемое число детей. Известный республиканец Дж. Гаррингтон и лидер диггеров Дж. Уинстенли ратовали за принятие

мер, которые препятствовали бы вступлению мужчин в брак из корыстных побуждений. Сторонником брака по любви был памфлетист У. Гош. Его коллега по перу Д. Роджерс советовал молодым людям и девушкам сопротивляться, если родители пытаются их насильно женить или выдать замуж. Все большую популярность обретала идея об упрощении брачной церемонии. Квакеры вообще предлагали ограничиться объявлением о брачном союзе на собрании общины, то есть пренебречь освящением брака в церкви. В 1653 году в парламенте даже рассматривался законопроект о гражданском браке.

Некоторые радикальные сектанты высказывались за легализацию браков между родственниками, за полигамный брак и развод. Среди сторонников полигамии были памфлетист Фрэнсис Осборн и знаменитый «певец революции» Джон Мильтон. Один из памфлетистов даже направил свои предложения в защиту полигамных браков на рассмотрение Государственного совета и лично Оливера Кромвеля. Отдельные радикалы оправдывали случайные внебрачные связи. В 1649 году некто А. Кук, ратовавший за полную сексуальную свободу, заявлял: «Если я захочу, то буду целовать и обнимать леди и любить жену соседа безгрешно». Раздавались даже голоса — правда, нечастые — в оправдание проституции. Однако большинству англичан все же импонировали законный брак и традиционная семья. Сторонником патриархальной семьи был Дж. Уинстенли. В своем трактате «Новогодний подарок парламенту и армии» он писал: «Полагают, будто мы, диггеры, собираемся сделать женщин общими. Я категорически против этого. Истина в другом — земля должна быть общим достоянием для всех граждан. Что же касается женщин, то у каждой из них должен быть собственный муж». Он же требовал смертной казни за изнасилование и неоднократную супружескую измену со стороны мужа.

Многие выступали за либерализацию закона о разводе. Одним из них был Мильтон, второй брак которого с юной Мэри Пауэл вызвал в обществе массу кривотолков, так как последовал очень быстро за разводом поэта с первой женой. Он писал, что товарищеские отношения — главная цель брака, а потому развод необходим не только в случае супружеской измены, но и при полной несовместимости характеров супругов. В сочинении «Доктрина и порядок развода», опубликованном

в августе 1643 года, Мильтон констатировал: «Отвращение и разногласия, порождаемые природной несовместимостью людей, трудно преодолимы и служат помехой в брачном союзе, лишая его главных достоинств — согласия и удовольствия, и потому они могут служить даже более уважительной причиной для развода, нежели природная холодность, особенно когда в семье нет детей и взаимопонимания».

В защиту разводов начали выступать даже некоторые священники, отстаивавшие равные права женщин с мужчинами, чем приводили в изумление даже того же Мильтона. Священник С. Торшелл написал в трактате (1645 год), что различий в достоинствах между полами не существует — «душа не знает различий полов». Дошло до того, что некоторые англичанки, увидев в подобной позиции священнослужителей поддержку, стали угрожать своим мужьям разводом, если те отказывались посещать богослужения в одних с ними сектах.

Ясно, что развитие самосознания женщин зависело от просвещения. Зимой 1641 года Англию посетил знаменитый чешский педагог-реформатор Ян Коменский, чьи взгляды оказали заметное влияние на английских реформаторов, и, в частности, на видного педагога С. Хартлиба. В 1647 году парламент назначил Хартлиба комиссаром по вопросам образования, и в течение нескольких лет он вместе со своими коллегами предложил почти 50 проектов по реформе образования. Впрочем, большинство этих проектов так и остались на бумаге.

Как бы то ни было, революционное правительство не упускало из виду проблему образования, хотя и не числило ее среди первостепенных. Лидеры революции в большинстве своем склонялись к радикальным переменам в этой области. Левеллеры требовали открыть как можно больше школ, чтобы покончить с неграмотностью в стране. Дж. Уинстенли высказывался за «всеобщее, равное, обязательное и вместе с тем свободное в смысле выбора профессии» образование, которое для обоих полов должно продолжаться до сорокалетнего возраста. В знаменитой утопии «Закон свободы» он посвятил вопросу воспитания детей и юношества специальную главу «Народное обучение в школах и обучение ремеслам», где выступал за сочетание школьного образования с профессиональным обучением: «Для республики полезно, чтобы дети

были обучены каким-либо ремеслам и физическим занятиям, так же как и знанию языков или истории прошедших времен». Предводитель диггеров полагал, что обучаться должны как мальчики, так и девочки, причем последним наряду с освоением грамоты следует постигать еще и портняжное искусство, прядение, вязание и т. п.

Проблема образования юных англичан волновала и Оливера Кромвеля, который выражал обеспокоенность по поводу того, что «знать и джентри страны богохульны» и не воспитаны в пуританском духе. «Мы отправляем своих детей во Францию, — говорил он, — до того, как они познают Бога или усвоят хорошие манеры, а в результате они возвращаются домой с той же распущенностью, которая присуща этой нации». Кромвель считал недостаточным обучение незначительной части нации, в частности «светской знати и джентри». В одной из своих речей он прямо заявил, что открытие школ для всех детей за счет государственной казны — это долг и обязанность правительства. Историк Дж. Камм высказывала предположение, что, говоря о детях, Кромвель имел в виду оба пола. Она также не сомневалась в том, что если бы Кромвель прожил дольше, то система всеобщего государственного образования непременно была бы учреждена.

Важный момент: в дискуссиях, которые развернулись в те годы в Англии вокруг того, каким должно быть образование нации, постепенно формировалась, как отмечал британский историк К. Ферт, современная концепция ответственности государства за образование молодежи. Если в 1644 году проект образования, предложенный Мильтоном, был рассчитан лишь на «избранный круг знатной молодежи», то спустя несколько лет его автор уже говорил о необходимости создания школ для всех — чтобы знания и культура распространились «повсюду, где они еще находятся в пренебрежении и забвении». Автор знаменитой «Океании» Дж. Гаррингтон, со своей стороны, доказывал, что воспитание и образование будущих граждан с помощью системы свободных школ — главная обязанность правительства республики. И действия правительства, надо сказать, довольно часто отвечали ожиданиям выдающихся просветителей. Оно оказывало серьезную материальную помощь школам: часть средств от конфискованных церковных земель систематически перечислялась на их со-

держание и обеспечение учителей. В 1649 году правительство впервые выделило на нужды народного образования сумму в размере 20 тысяч фунтов стерлингов. Были также приняты меры по устранению неквалифицированных учителей, хотя, возможно, квалификация тут не всегда имела первостепенное значение — куда важнее было поставить учителями людей более лояльных к новой власти. Сам Кромвель, впрочем, уделял больше внимания развитию образования в университетах, нежели в начальных и средних учебных заведениях. В 1651 году его избрали в Совет Оксфордского университета, чем руководитель Английской революции очень гордился. Позднее эта должность перешла по наследству его сыну Ричарду. Кромвель предпринимал попытки открыть университеты в Лондоне и на севере страны — в Йорке или Манчестере. Ему вообще было свойственно большое уважение ко всем образованным людям, особенно к литераторам.

Усилия революционеров и реформаторов образования, несмотря на сильное противодействие со стороны церкви и аристократии, все же не пропали даром. Во второй половине XVII века количество начальных школ в стране заметно возросло, что было связано отчасти с заменой в образовательном процессе латыни английским языком, на котором стали издавать учебники, о чем в свое время мечтали Дж. Мильтон и У. Петти.

Революционные события в стране, в которых женщины приняли активное участие, и выступления идеологов революции в защиту прав женщин на участие в политической жизни и образование оказали огромное влияние на самих представительниц «слабого» пола. Хотя мужское верховенство продолжало сохраняться во всех сферах жизни и после революции, женщины, получившие в годы революции беспрецедентную свободу, начали переосмысливать свое положение в обществе. Прекрасно сознавая свое подчиненное по отношению к мужчинам место, они тем не менее стали формировать и выражать собственные взгляды на религию, политику, образование и брак, что еще совсем недавно было просто немыслимо. Вскоре страна узнала имена женщин-памфлетисток, писательниц, поэтесс. По подсчету П. Крауфорд, только в конце 40-х годов было издано 69 сочинений, авторами которых являлись женщины. Отчасти это стало

возможно и потому, что в первой половине XVII века образование сделалось доступным не только аристократкам, но и представительницам среднего класса. И если в первой половине столетия авторами произведений о том, какой должна быть роль женщины в обществе, обычно были мужчины, то после 1650 года, как подчеркивает американская исследовательница Г. Смит, к подобного рода вопросам стали обращаться уже сами женщины, причем из разных социальных слоев. Женщины не только переводили труды классиков, как их предшественницы елизаветинской эпохи, но и писали труды по философии, образованию, религии, кулинарии, домоводству. Философскими произведениями прославились герцогиня Ньюкасл и виконтесса Энн Конвей, религиозными памфлетами — Маргарет Фокс и Катрин Эванс, медицинскими трактатами — Джейн Шарп и Элизабет Сельер. Славу первой романистки, предшественницы знаменитого Д. Дефо, обрела Афра Бен. Известными поэтессами стали Катрин Филипс и Энн Киллигрив. Все большее число женщин создавало интеллектуальные труды, основываясь на собственном житейском опыте, но выражая при этом уже не только личные интересы, что и стало определяющим в формировании феминистской идеологии.

Заметное влияние на формирование феминистских идей оказала и культура Просвещения. По утверждению Р. Перри, ее естественным результатом стала первая английская феминистка Мэри Эстелл. Новая натурфилософия, ведущая свое происхождение от Р. Декарта и Ф. Бэкона, помогла Эстелл и ее последовательницам взглянуть на себя как на разумных существ. Рационализм XVII века, в особенности учение Декарта, внес значительный вклад в доказательство теории о равенстве полов. Именно под влиянием рационализма, на взгляд британской исследовательницы К. Роджерс, женщины стали переосмысливать традиционные взгляды на собственную природу и свою роль в обществе, именно в рационализме они обрели идеологию, лучше всего отвечавшую их стремлению добиться равенства с мужчинами.

Наибольшее влияние на ранних феминисток оказали произведения Т. Гоббса и Дж. Локка. Слова Гоббса о том, что «в природном состоянии каждая женщина, рождающая детей, становится не только матерью, но и госпожой» и что «нера-

венство данных природой сил не так велико, чтобы мужчина мог утвердить свое господство без войны», оказались во многом созвучными ранним феминисткам. Весомое влияние на интеллектуальное развитие феминисток оказали переводимые ими работы философов. Например, переводчицей труда Б. Фонтенеля «Множество миров», в котором популяризировались идеи Н. Коперника, стала Афра Бен. Вера в разум сделалась основополагающей идеей раннего феминизма. Как утверждала Г. Смит, «разум для феминисток являлся эффективным оружием для разрушения иррациональной системы угнетения женщин».

Так три революции (революция середины XVII века, Славная революция 1688—1689 годов и научная революция) породили новые идеи и подходы, которые позволили ранним феминисткам создать собственную идеологию.

Но если революционное наследие питало стратегию раннего феминистского движения, то на его тактику влияло социальное положение женщин в XVII веке. Англичанка продолжала жить в патриархальном обществе, во всех сферах которого господствовал мужчина, и все государственные и общественные институты утверждали ее подчинение. Журналист и просветитель Р. Стил в журнале «Спектейтор» описывал ситуацию следующим образом: «Все, что должна женщина делать в этом мире, связано с обязанностями дочери, сестры, жены и матери». Общество отказывалось видеть в женщине личность, а закон не предполагал, что она будет жить за счет своего труда. До тех пор пока женщина не становилась вдовой, ей приходилось мириться с подчиненным положением по отношению к мужчине, будь то отец, брат или муж.

В раннебуржуазной Англии женщина имела много обязанностей и почти никаких прав. Она должна была рожать (причем желательно как можно больше, поскольку рост численности населения рассматривался как залог процветания государства), растить детей и работать (не только в доме, присматривая за хозяйством, но и вносить посильный вклад в бюджет семьи и экономику государства.). В идеале женщина никогда не должна была пребывать в праздности. В особенности это касалось жен и дочерей земледельцев, а также служанок, проживавших в сельской местности, — то есть, по

сути, большинства женщин страны. Как только женщина заканчивала работу по дому, она тотчас садилась за прялку или бралась за спицы, чтобы таким образом заработать хотя бы несколько пенсов для своей семьи. При этом в обществе, где господствовал мужчина, было распространено мнение о том, что, уставая от работы, женщина лучше сохранит целомудрие. Но если от женщины общество требовало добродетели, то над прегрешениями мужчин оно лишь добродушно посмеивалось. Мужской мир не только подчинял женщин, но создавал мораль, оправдывавшую это подчинение. Памфлетист Р. Бакстер утверждал: «Женщина от природы слаба умом и потому не в состоянии собой управлять. Она занимает промежуточное положение между мужчиной и ребенком, а значит, нуждается в мужском руководстве».

Единственной для женщины возможностью обрести статус в обществе становилось замужество. Примечательно, что такое чувство, как любовь, при заключении брака, как правило, во внимание не принималось. Большинству девушек мужа выбирали родители. При этом супруг имел все возможности управлять жизнью жены. Закон целиком и полностью стоял на страже его интересов — прежде всего в части права распоряжаться имуществом семьи. Даже собственность, полученная женой в наследство, или ее приданое могли реализовываться лишь по усмотрению мужа. Некая леди Монтэгю после развода просила согласия бывшего супруга распорядиться теми 200 фунтами, которые она получила в наследство, и могла только надеяться, что он позволит ей подарить драгоценности их дочери.

Если супруги участвовали в совместном бизнесе, то муж непременно был работодателем, а его супруга — неоплачиваемым работником. Вся прибыль также попадала в карман мужа. Брачный контракт исключался, поскольку по закону женщина не являлась ответственным лицом, и даже в случае совершения ею какого-либо преступления, уголовную ответственность за нее нес муж. Став вдовой, женщина могла претендовать лишь на третью часть имущества покойного супруга. При этом она не имела права воспитывать собственных детей, если только муж по завещанию не назначал ее опекуном.

Единственной возможностью избавиться от невыносимого брака для женщины становился развод, который обязывал

супруга обеспечивать бывшей жене надлежащее содержание. Супруг леди Монтэгю это сделал, но на том условии, что она покинет страну и тем самым лишится возможности видеться с дочерью и внуками. Закон защищал женщину лишь тогда, когда муж ее жестоко избивал, что угрожало жизни и здоровью, когда он лишал ее самого необходимого или когда он не мог исполнять свои супружеские обязанности. Во всех других случаях закон был на стороне мужчины. И если жена покидала мужа и уходила к другому, супруг был вправе вернуть ее в лоно семьи силой.

В патриархальном обществе прочно утвердился двойной стандарт в отношении к супружеской измене и разводу. То, что прощалось мужу, осуждалось и порицалось по отношению к жене. Развод дискредитировал женщину, невзирая ни на какие обстоятельства. Д. Дефо в журнале «Ревю» не советовал женщинам покидать мужей, поскольку в случае развода у них не только возникнут финансовые затруднения, но разразится скандал, который заденет репутацию. А это, полагал журналист, во много раз неприятнее, нежели совместное проживание с ненавистным супругом. В популярном для той поры семейном пособии говорилось: «Когда мужчина влюбляется, он не должен забывать о своем верховенстве». Впрочем, справедливости ради заметим, что порой мужчины тоже выступали с критикой брачных установлений, при которых женщина оказывается словно в тюремном заключении, а родители лишают своих детей права выбора супруга по любви. Впрочем, дальше констатации существующего положения вещей авторы трактатов не шли. Памфлетист Ричард Бакстер в трактате «Советы христианина» (1678 год) напоминал вступающим в брак девушкам: «Женщины должны ожидать многих страданий от семейной жизни. Их болезненность при вынашивании ребенка, боль при родах, сопровождающаяся опасностью для жизни, постоянная тревога за детей, кроме того, подчинение мужу и забота о доме превращают жизнь в тяжелую работу».

Двойные стандарты сохранялись и в отношении образования. Девушкам не преподавали многие предметы и отказывали им в поступлении в университет. Неудивительно поэтому, что именно проблемы образования и брака повлияли на формирование идеологии раннего феминистского движения.

По подсчетам экономиста конца XVII века Г. Кинга, более 40 процентов женского населения страны составляли одинокие женщины: незамужние, вдовы и служанки. Их число почти на треть превосходило свободное мужское население. Подобная диспропорция, вызванная в большей степени революциями и войнами, которые вела в те времена Англия, не только создавала серьезные жизненные препятствия для девушек, вступающих в брачный возраст, но и побуждала англичанок, не надеясь на будущее замужество, искать пути для заработка. Это тоже не осталось незамеченным первыми феминистками. К слову сказать, большинство из них сами были одинокими женщинами и зарабатывали себе на жизнь литературным трудом.

Гильда Смит в числе первых самых ярких феминисток стюартовской Англии называет двенадцать женщин. Наибольшую известность из них приобрели герцогиня Ньюкасл, Батсуа Мейкин, Ханна Вуллей, Мэри Эстелл, Элизабет Элстоб, Маргарет Фокс, Афра Бен. Социальный состав феминисток был пестрым: аристократки и учительницы, директора женских школ и гувернантки. Большинство первых феминисток принадлежали к среднему классу. Среди них были как замужние, так и одинокие женщины, бездетные и обремененные многочисленными чадами матроны. Почти все они слыли убежденными сторонницами англиканской церкви и партии тори. В своих литературных и публицистических произведениях они поднимали проблемы, связанные с подчиненным местом женщины в обществе, и требовали для женщин равных с мужчинами прав на образование и брак, мотивируя это совсем не очевидной для своего времени мыслью, что женщины и мужчины равны по своим умственным способностям. Они были уверены: пока женщина не получит в браке те же права, что и мужчина, она не сможет реализовать свои возможности как человек и как личность. При этом феминистки пытались изменить отношение к женскому полу не только со стороны мужчин, но и общества в целом.

Определяющим в формировании феминистской идеологии явилось понятие о женщинах как о социальной группе. Ранние феминистки были едины во мнении о том, что мужчины лишают женщин прав во имя своих эгоистических целей. Признав свое угнетенное положение в семье и в обще-

стве в целом, феминистки перешли к требованию изменения общественных институтов таким образом, чтобы общество в равной мере представляло интересы мужчин и женщин.

3. Первые феминистки

К ранним феминисткам зарубежные ученые обычно относят тех англичанок, которые в своих произведениях высказывали убеждение в том, что женщины страдают от социальной несправедливости исключительно в силу принадлежности к своему полу. Главную причину униженного положения женщин феминистки усматривали в недостатке женского образования и существующих обычаях страны. Этим обстоятельством и объяснялся тот факт, что, протестуя против подавляющего господства мужчин во всех сферах жизни, феминистки XVII века стремились изменить распределение власти между полами прежде всего в образовании и браке.

Что же представляли собой первые феминистки? Как формировалось их самосознание? Что приводило женщин в ряды феминисток? Какие идеи высказывали они в своих произведениях? Разумеется, задачи исследования, а также скудность источниковой базы о раннем феминизме не позволяют подробно осветить биографии всех известных феминисток. Поэтому в центре нашего внимания оказываются лишь некоторые из них: герцогиня Ньюкасл, Батсуа Мейкин, Ханна Вуллей и Мэри Эстелл. На наш взгляд, знакомство с жизнью и творчеством этих женщин позволяет в какой-то мере раскрыть процесс становления феминизма в раннебуржуазной Англии.

Первой женщиной, которая занялась подробным изучением положения своего пола в обществе, была Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл, в девичестве Лукас (1624—1674). Она начала писать с тринадцати лет. Поначалу это были поэтические произведения, но спустя два года к ним прибавились пьесы, беллетристика, работы по физике и философии, биографии и автобиография. К пятнадцати годам она уже была автором четырнадцати произведений.

Маргарет происходила из небогатого дворянского рода Лукасов, проживавшего в Колчестере. В своей автобиографии

она пишет, что ее отец Томас Лукас был джентльменом, получившим титул «за заслуги», а не за деньги, как некоторые. В 1625 году он скончался, оставив вдову с двумя сыновьями и пятью дочерьми, младшей из которых была двухлетняя Мэги. Управление домом и большим поместьем взяла в свои хрупкие руки Элизабет Лукас. Позднее дочь вспоминала, что ее мать прекрасно управлялась с хозяйственными делами, получая от этой работы удовольствие. Семья вела замкнутый образ жизни, что сказалось на формировании характера Мэги. Она росла без сверстников и не знала тонкостей поведения в свете. «Мои братья и сестры были по большей части серьезны и малоподвижны, — вспоминала Маргарет. — Они не занимались спортом, не играли, не танцевали: их общество сделало меня такой же». Между тем образ жизни Лукасов не повлиял на теплоту отношений внутри семьи. И позднее, обзаведясь собственными семьями, дети продолжали подолгу гостить в материнском доме.

Всем детям мать дала достойное образование. Сыновья обучались в университете, а дочери — дома. Впрочем, Маргарет довольно скептически отзывалась о том образовании, которое получила вместе с сестрами. «У нас были различные учителя, — писала она в “Автобиографии”. — Они обучали пению, танцам, игре на музыкальных инструментах, чтению, письму, рукоделию, однако мы мало что от этого приобрели, поскольку они учили скорее формально, чем по существу». Чтению и письму девочек обучала пожилая учительница, которой Маргарет была обязана своим плохим почерком и орфографией. Впрочем, свое детство она считала счастливым. «Мать не заставляла меня заниматься рукоделием, считая непригодной для этого, — вспоминала она. — Я предпочитала чтение».

Во время гражданской войны семья Лукас оказалась на стороне роялистов и переехала в ставку короля Карла I в Оксфорде. Маргарет загорелась идеей сделаться придворной дамой при королеве Генриетте-Марии. Братья не одобряли этого, однако ее поддержала мать, которая считала, что при дворе дочь сумеет найти подходящую партию. Став придворной дамой, Маргарет очень быстро поняла, что ее мечте покорить свет с помощью красоты и остроумия не суждено сбыться. Королевский двор не замечал наивной провинциалки, кото-

рая к тому же не знала ни французского языка, ни придворного этикета, ни правил светской интриги.

Сопровождая королеву весной 1645 года в Париж, Маргарет познакомилась со своим будущим супругом — герцогом Ньюкаслем. Ей было в ту пору 22 года, герцогу — 51 год. Уильям Кавендиш, маркиз и герцог Ньюкасл, происходил из знатного и богатого рода. Он был наставником принца, будущего короля Карла II Стюарта. Ко времени встречи с Маргарет Лукас он овдовел и на его руках оставалось пятеро детей. Двор и друзья герцога немало удивились, когда он обратил свое внимание на ничем не выделявшуюся среди придворных дам небогатую девушку. Впрочем, Маргарет была недурна собой, молода, остроумна, да к тому же любила наряжаться в платья с глубоким декольте. Неудивительно, что известный амурными похождениями герцог не устоял перед чарами Мэги. Далеко не юный, но пылкий влюбленный ежедневно посылал своей возлюбленной поэмы собственного сочинения, в которых не уставал восхищаться ее красотой, умом и очарованием. Когда Маргарет получила семидесятую по счету поэму, она дала согласие на брак.

Семейная жизнь супругов сложилась удачно. Герцог гордился не только красотой избранницы, но и ее литературными трудами, за что Маргарет не раз благодарила его в предисловиях к своим произведениям. Она любила мужа, хотя он и годился ей по возрасту в отцы. Однако счастливая жизнь супругов была омрачена двумя обстоятельствами. Из-за гражданской войны в Англии им пришлось покинуть страну и семнадцать лет провести в эмиграции: в Париже, Роттердаме, Антверпене. Лишившись доходов от поместий, равно как и самих владений, герцог испытывал серьезные финансовые затруднения. Впрочем, его супруга легко управлялась с кредиторами, одалживала деньги, где только могла, пытаясь всячески сохранить семейное благополучие. После возвращения на престол династии Стюартов в 1660 году герцогу удалось вернуть часть своих владений, и материальное положение семьи улучшилось. Однако семейное счастье не было полным из-за неспособности Маргарет родить ребенка. И если это обстоятельство не очень-то беспокоило герцога, успевшего в первом браке стать отцом десяти детей, то его супруга принимала его близко к сердцу. У нее началась

ипохондрия, справиться с которой помогли лишь литературные занятия.

В отличие от большинства пишущих женщин Маргарет занялась литературной деятельностью не ради того, чтобы зарабатывать средства на пропитание, но чтобы занять свое время. Пишущие женщины в ту пору в Англии еще были редкостью. Исключение составляли авторы религиозных трактатов, во множестве появившихся в годы революции. «Женщины пишут редко, — признавала герцогиня Ньюкасл, — что выглядит странным, необычным, фантастичным... и до некоторой степени смешным». И далее, как бы в свое оправдание, продолжала: «Верно, что прядение руками более подходит нашему полу, нежели изучение или создание поэзии, которая является тем же прядением, но с помощью мозга. Если я не искусна в первом, быть может, преуспею в последнем?»

Заметным вкладом герцогини Ньюкасл в феминистскую мысль было то, что она одной из первых в истории страны начала акцентировать внимание на проблеме деления общества по признакам пола. Герцогиня не уставала повторять, что мужчины обратили женщин в рабство и это отразилось на духовном и умственном развитии последних. «Мы от природы так же умны и понятливы, как мужчины, — писала она, — и если бы посещали школы и улучшали свое образование, то смогли бы воспользоваться его плодами». Ей представлялось несправедливым положение, при котором мужчина получал удовольствие от жизни, женщина же — одни страдания, поскольку оставалась «рабыней настроений, пороков, слабостей или прихотей» своего господина. Герцогиня возмущалась тем, что мужчины лишили женщин возможности занять достойное место в обществе, обрести желаемую профессию. Она так описывала женскую и мужскую сферы деятельности: «Мужчин и женщин можно сравнить с солнцем и луной в соответствии с Писанием, которое гласит, что Бог создал два света: один — для дня, другой — для ночи. Поэтому мужчина должен руководить государством, а женщина — домом и семьей... Луна не имеет силы, а также света знаний, но получает все это от солнца, то есть от мужчин. Поэтому мы, женщины, не являемся математиками, логиками; среди нас нет остроумных поэтов, блестящих ораторов, прирожденных педагогов, редки химики, музыканты, живописцы. Поэтому мы не стали

навигаторами, архитекторами, исследователями точных наук, умелыми мастеровыми... Мы не солдаты, не политики, не дипломаты и не государственные деятели».

Герцогиня предлагала своим соотечественницам объединиться, чтобы стать такими же свободными и счастливыми, каковы многие мужчины. Существующее положение женщин, при котором они загружены сверх меры работой, страдают от физической боли при родах, бесправны и не имеют возможности для отдыха и развлечений, представлялось ей нетерпимым. Между тем мужчины владеют всем: богатством, славой, властью, удовольствиями, досугом. Они жестоки по отношению к женскому полу и стараются «лишить женщин любой свободы и запретить в своих домах или постелях, как в могиле». Истина такова, констатировала Маргарет в трактате «Речь женщины», что женщины живут, «подобно олухам, трудятся, как животные, и умирают, как черви».

Литературная деятельность приносила герцогине большое моральное удовлетворение. Она была счастлива тем, что супруг восхищался ее талантом, поощрял ее интеллектуальные начинания. Герцог тратил немало средств на приобретение книг для обожаемой супруги, издавал ее сочинения. Между тем великосветское общество не разделяло его восторгов. Очень скоро писательницу окрестили «сумасшедшей Мэги». Супруга известного дипломата и просветителя У. Темпля Дороти Осборн писала: «Уверена, что бедная женщина немного не в себе. Она не казалась бы столь комичной, если бы не начала писать книги». Знаменитый мемуарист XVII века С. Пипс рассказывал, как однажды герцогиня вознамерилась посетить Королевское общество. Эта весть вызвала настоящий переполох среди его членов. Многие ученые сочли дурным прецедентом допустить женщину в святая святых науки. Когда же наступил назначенный для визита час, то залы заполнились толпами зевак, пришедших поглазеть на герцогиню... Весьма неліцеприятно высказалась о герцогине Ньюкасл жена мемуариста Джона Эвелина. С одной стороны, леди Эвелин приводили в восхищение изящная фигура герцогини и ее умение скрывать свой возраст, с другой — раздражали нелепые, с глубоким декольте наряды и снисходительные поклоны окружающим. Речь герцогини представлялась леди Эвелин «легкомысленной, пустой, эксцентричной, бес-

связной, сопровождавшейся бессмысленными заклинаниями и циничными замечаниями». Вряд ли леди Эвелин была объективна, когда давала подобную характеристику. Скорее всего, в ней говорила зависть к герцогине Ньюкасл, которая не только выделялась в обществе красотой, обладала титулом и богатством, имела любящего мужа, но еще и представляла собой незаурядную, талантливую, самодостаточную личность. А этим, судя по всему, могла похвастаться далеко не всякая аристократка.

Последние годы жизни герцог и герцогиня Ньюкасл провели в уединении в одном из родовых поместий. Герцогу суждено было пережить супругу, скончавшуюся в расцвете творческих сил. После нее осталось двенадцать томов произведений, среди которых было немало философских трактатов («Взгляды на философию и физику», «Основы натурфилософии» и др.). И хотя у герцогини отсутствовала четкая система научных взглядов, ее труды свидетельствовали о большом творческом потенциале и выдающихся способностях автора.

Но все же среди ранних феминисток аристократки скорее были исключением из правил. В основном это были женщины из среднего класса. К их числу принадлежала и Ханна Вуллей. Она родилась в 1622 году в семье, где мать и старшие сестры получили кое-какие медицинские знания. Рано лишившись родителей, Ханна избрала своей профессией учительский труд. Способности к преподаванию у нее подметила ее учительница, обучавшая девушку кулинарии и консервированию; этот предмет, напомним, считался далеко не последним в образовании молодых англичанок. В пятнадцать лет Ханна сама стала преподавать — то, что умела сама. А знала она чуть-чуть итальянский, неплохо пела, танцевала и музицировала. Еще через два года Ханна устроилась гувернанткой в дом знатной дамы. Здесь она понемногу обучилась французскому языку, освоила этикет и светские манеры. В 24 года она вышла замуж за учителя грамматической школы в Эссексе. Муж был старше на десять лет и окончил Кембриджский университет, хотя происходил из небогатой и незнатной семьи. В 1653 году супруги открыли женскую школу в графстве Хэрни, что севернее Лондона, где Ханна стала ведущим преподавателем. А в 1661 году она издала за свой счет книгу «Справочник для леди», наполненную кулинарными

рецептами и советами по ведению домашнего хозяйства и медицине. Радость молодой женщины от издания книги была омрачена внезапной смертью мужа, последовавшей через месяц. Став вдовой, Ханна задумалась над тем, как прокормить себя и детей. Заработка учительницы для этого явно не хватало. И тогда она начала писать кулинарные книги и пособия по домоводству. Из пяти книг лишь одна, изданная в 1664 году, принесла ей неплохой доход. В 1666 году Ханна переселилась в Вестминстер, где вторично вышла замуж. Ее новым избранником стал 45-летний вдовец Фрэнсис Челлинон. Однако и этот брак продлился недолго: спустя три года Ханна вновь овдовела. На ее руках осталось шестеро детей, которых предстояло вывести в люди, и Ханна опять взялась за перо. На этот раз ее книги «Будуар королевы» и «Дамский собеседник» сделали популярными и даже были переведены на немецкий язык. Первая из них выдержала до конца XVII века одиннадцать изданий, а вторая, по мнению ученых, явилась образцом ранней феминистской литературы.

Х. Вуллей выпала нелегкая ноша содержать своим трудом семью, и это обстоятельство заставило ее по-новому взглянуть на участь женщины в обществе. Она сетовала на ограниченность возможностей женщин в реализации своих способностей и восхищалась теми из них, кто сумел эти ограничения преодолеть. Ханна была убеждена, что жизнь женщины окажется бесполезно прожитой, если она будет заниматься лишь приготовлением пищи, уборкой дома и уходом за детьми. Женщина просто обязана получить образование. В предисловии к книге «Дамский собеседник» Вуллей писала: «Право на образование женщин, как правило, повсюду игнорируется, но с этим нельзя мириться. Большинство людей в наш развращенный век (речь шла о периоде Реставрации, известном падением нравов в обществе. — *Т. Л.*) считают женщину достаточно образованной, если только она в состоянии отличить постель собственного мужа от постели его друзей. Конечно, мужчины не могут похвастаться столь возвышенной душой, как мы, но они в состоянии совершенствовать себя с помощью хорошего образования. Однако напрасно они думают, что мы рождены на свет лишь для продолжения рода и для того, чтобы ухаживать за детьми. Если мужчины предоставят нам ту же литературу, какой пользуются сами, то вскоре смо-

гут убедиться, что наш разум столь же совершенен, что и тело. Из этого я заключаю: нас лишают знаний потому, что наш разум может соперничать с разумом нашего господина». Ханна писала, что отнюдь не призывает «вселять мятежный дух в кровь женщин», но лишь сожалеет по поводу того, что многие родители недооценивают пользу образования для дочерей, а больше пекутся о сыновьях, отправляя их в университеты, где те «вместо того, чтобы заполнять знаниями свои пустые головы, приобретают лишь дурные наклонности». Ханна советовала девушкам изучать латынь, полагая, что ее знание позволит им читать и говорить на хорошем английском языке, а также свободно и элегантно вести беседу. Она считала, что необходимо знать также французский и итальянский языки, чтобы не чувствовать себя «некомфортно» за рубежом.

Последние годы жизни Ханна Вуллей провела в доме сына Ричарда, который, как и его отец, был стипендиатом Королевского колледжа в Кембриджском университете. Точная дата ее смерти не известна; предполагают, что она скончалась в 1675 году. Хотя творческое наследие Вуллей не отличалось такой полнотой и разносторонностью, как у герцогини Ньюкасл, тем не менее оно также оставило свой след в истории феминистского движения. Не случайно имя этой женщины, одной из немногих англичанок XVII века, было занесено потомками в «Словарь национальной биографии».

Наиболее активной защитницей женского просвещения среди ранних феминисток была Батсуа Мейкин, в девичестве Пелл. Она родилась в семье священника в Суссексе. Ее брат, известный ученый-математик и лингвист Джон Пелл, обучал дочерей короля Карла I. Большую роль он сыграл и в образовании сестры. Батсуа не отличалась красотой. Ее грубоватые черты лица, небольшие глаза и резкие движения вполне гармонировали с сильным характером девушки. Всю свою жизнь она посвятила преподавательской деятельности, а с 1642 по 1650 год была гувернанткой у дочери Карла I — принцессы Елизаветы. Под ее руководством принцесса обучалась чтению, письму, иностранным языкам. После внезапной кончины принцессы в 1650 году Батсуа давала частные уроки, а позже открыла собственную школу в Тотнам-Хай-Кросс. В 1673 году она опубликовала получившую широкую известность книгу «Очерк о том, как восстановить прежнее обра-

зование леди в области религии, манер, искусств и языков», где отстаивала идею организации серьезного образования для женщин. Нельзя сказать, чтобы ее книга основывалась на оригинальных идеях. Большое влияние на ее взгляды оказали труды ученого-лингвиста из Голландии Анны ван Схурман, с которой Мейкин долгое время находилась в переписке.

Анна ван Схурман по настоянию отца посвятила свою жизнь изучению языков, искусств и философии. После смерти родителей она поселилась в коммуне Жана Лабади — основателя секты лабадистов, которые напоминали квакеров. Лабадисты называли друг друга «братьями» и «сестрами», общались и жили в безбрачье. В 1638 году Анна ван Схурман издала на латыни книгу «Образованная дама» в виде писем к мужчине, который давал ей книги для прочтения, но при этом считал, что далеко не все женщины нуждаются в образовании. Анна полагала недостаточным для женщины оставаться всего лишь «самым прекрасным украшением на свете». На ее взгляд, «к игле и ножницам» женщин привязывает только обычай. «Невозможно, чтобы души, способные на многое, были ограничены узкими рамками общественных заблуждений», — писала ван Схурман. Она ссылалась на утверждение Аристотеля о том, что стремление к знаниям естественно для всех разумных существ. Вместе с тем она не настаивала на возвышении женщин над мужским полом и не выступала против их естественных и первичных обязанностей. Более того, она даже соглашалась с тем, что женское образование должно быть умеренным. Трактат Анны ван Схурман был переведен в 1646 году на французский язык, а в 1659 году Батсуа Мейкин перевела его на английский.

Другим известным ученым, взгляды которого оказали весомое влияние на Мейкин, стал Ян Коменский, предлагавший в своей знаменитой «Дидактике» создать общественные школы для мальчиков и девочек. Он считал, что интеллект девочек и мальчиков равноценен, а порой даже отдавал девочкам предпочтение. Мейкин во многом солидаризировалась с теорией Яна Коменского, когда излагала собственную концепцию. В предисловии к книге, адресованной «благонравным леди» и посвященной старшей дочери короля Якова II — принцессе Марии, она писала: «Варварский обычай унижать женщину настолько распространился в нашей стране, что все

уверовали в то, что женщина не обладает таким же разумом, как мужчина, и не способна его совершенствовать с помощью образования, как это делает он... Принято считать, что образованная женщина, подобно комете на небе, приносит несчастье, где бы она ни появилась. Предлагать женщинам ограниченное образование — значит дискредитировать Божьи помыслы». И далее высказывала свои аргументы в пользу женского образования. «Я убеждена, — писала она, — что девушек прежде всего следует обучать искусствам и языкам, освоив которые многие из них смогут достичь больших высот в освоении знаний и наук. Образованные леди добьются для себя очень быстро больших преимуществ. Они встретят в обществе признание, уважение, станут счастливыми, и нация от этого только выиграет». Батсуа Мейкин хорошо понимала, что в существующем «безнравственном веке», когда не только знания, но сама добродетель не ценится, ее проект вряд ли найдет применение. Она не видела возможностей для реализации своих планов в условиях «распущенного века», когда пределом женской образованности считалось умение танцевать, пользоваться косметикой, укладывать волосы, облачаться в легкомысленные наряды, которые только искажали действительное представление об их владелицах. Тем не менее она была убеждена в том, что открывшиеся для обучения юных леди школы заставят мужчин «устыдиться своего невежества».

Наиболее полно идеи раннего феминизма нашли свое выражение в творчестве самой яркой его представительницы Мэри Эстелл (1666—1731). Она была, на взгляд Р. Перри, первой писательницей, у которой идеи феминизма оказались в центре аналитического осмысления. Ее творческое наследие составили шесть книг, несколько пространных памфлетов и том переписки с философом Джоном Норрисом. Большую часть книг Эстелл посвятила женской аудитории. Она писала о необходимости открытия женских колледжей, давала советы, как развивать интеллект с помощью философских знаний, рассматривала проблему неравенства партнеров в браке. Подобно большинству мыслителей своей эпохи, Мэри Эстелл проявляла активный интерес к политике. Ее собственные политические пристрастия напоминали торийские: любовь к порядку, абсолютная преданность дому Стюартов,

вера в картезинский рационализм и преданность англиканской церкви. Эстелл принимала активное участие в политических дискуссиях, в которых обсуждались права подданных и прерогативы власти. В своих работах она цитировала как классиков (Платона, Вергилия, Аврелия), так и современных политических писателей — Т. Гоббса, Дж. Локка, Д. Дефо, У. Давенанта. По своим познаниям и таланту Эстелл превзошла всех других женщин, бравшихся за перо в XVII веке. При этом ее работы отличали точная аргументация, остроумие и изящество.

Мэри Эстелл происходила из рода джентри. Ее отец Питер Эстелл торговал углем в Ньюкасле. Подобный род занятий в ту пору, когда углем топились не только Англия, но и пол-Европы, считался прибыльным и почетным. Вдобавок отец являлся совладельцем четырех судов. Мать Мэри также происходила из богатой семьи торговцев углем. Дом, в котором прошло детство Мэри, был большим, обставленным добротной мебелью. Семью обслуживали слуги, однако и Мэри не оставалась без работы. Вместе с матерью она пекла хлеб, стирала белье, чинила одежду, варила пиво и, подобно большинству женщин той поры, много времени проводила за рукоделием. С раннего детства она хорошо освоила Библию и молитвенник. Любила посещать библиотеку при церкви, которая насчитывала до сотни томов различных книг. Мэри нравилось читать произведения Джона Мильтона. Ее образованием с восьми лет занимался дядя — священнослужитель, просвещенный для своего времени человек. Он читал своей племяннице поэмы и книги по истории Англии.

В трактате «Христианская религия» Эстелл пишет: «Большинство, если не все безрассудства и пороки, которые проявляются в женщинах, проистекают оттого, что они слишком много внимания уделяют суждениям других людей и слишком мало своим собственным. Между тем Бог требует, чтобы мы судили обо всем самостоятельно». К подобному мнению Мэри пришла на основе собственного опыта. В двенадцать лет она лишилась отца, и ее семья оказалась в стесненном положении. На мать обрушились многочисленные кредиторы. Несчастливая девушка чувствовала себя одинокой и мечтала о том, чтобы уйти в монастырь. Однако она не могла оставить мать и младшего брата. Вскоре ее осенила идея по-

селиться в Лондоне, чтобы заняться там литературным ремеслом: у Мэри был уже небольшой опыт по этой части. В случае неудачи она предполагала заняться преподаванием или поступить в богатую семью на должность гувернантки. Лондон — центр культуры и образования — притягивал Эстелл как магнит. И после смерти матери в 1684 году она перебралась в Челси, предместье Лондона, где нашла работу в одном из женских пансионов.

Мэри Эстелл стала знаменитой писательницей еще при жизни. Первой книгой, которая принесла ей известность, было «Серьезное предложение дамам относительно их продвижения в важных занятиях» (1694 год). В ней Эстелл предлагала создавать женские колледжи, где царила бы монастырская строгость, но со светским образованием. Там, по ее мнению, могли бы жить, изучать всевозможные науки, а также уделять время религиозной медитации девушки из знатных семейств. «Ежедневно часть времени вы будете посвящать Богу в молитвах и на проповедях, — обращалась Мэри к своим потенциальным ученицам. — Остальные часы займетесь благотворительностью, а также своим образованием либо обучением других». Эстелл считала необходимым развивать умственные способности женщин. «Бог дал женщинам, как и мужчинам, разумные души, так почему же они не должны их совершенствовать? — вопрошала она. — И разве не жестоко со стороны мужчин лишать женщину знаний?» Развитию интеллекта женщин Эстелл придавала первоочередное значение. Она считала, что женщина гордится своей красотой или состоянием только потому, что более ценного у нее ничего нет. Она упрекала женщин в том, что они позволяли мужчинам думать за себя. «Мы ценим мужчин слишком высоко, а себя слишком низко, если допускаем судить о нас по их разумению, а не по нашим заслугам, — писала Эстелл. — Но если мы способны трезво судить о нарядах, интригах, деньгах, то почему не о более серьезных материях?» Все недостатки слабого пола она объясняла отсутствием образования. «Разве не смешно, если женщина считает себя значительнее и лучше своей соседки только потому, что имеет большее состояние или более искусного портного или модистку?» — вопрошала Эстелл. Она считала, что пренебрежение к образованию приводит к порокам. Только занявшись самообразованием, чтением

серьезных философских работ (Декарта, Мальбранша и др.), а не пошлых французских романов можно добиться самоутверждения, считала Эстелл.

Одну из причин недостатка женской образованности Эстелл усматривала в демографической ситуации, сложившейся в стране. В результате войн Аугсбургской лиги (1689–1697 годы) и за Испанское наследство (1701–1713 годы), а также эмиграции в колонии Нового Света мужское население страны стало заметно уступать по своей численности женскому. Этим объяснялось стремление многих женщин как можно быстрее выйти замуж. Поэтому женщины, в особенности представительницы среднего класса, мало заботились о развитии интеллекта, а больше внимания уделяли своей внешности. Отсюда во многом и проистекало, на взгляд Эстелл, пренебрежение к женской образованности в обществе.

Большое влияние на формирование взглядов Эстелл оказали работы французов Жака Дюбоска и особенно Пулена де Лабарра, который, отвечая тем, кто находил у женщин недостаток умственных способностей, говорил, что они просто не до конца раскрыты, как это нередко бывает и у необразованных мужчин. Де Лабарр заявлял: «Оба пола равны, то есть можно считать, что... женщины так же знатны, совершенны и способны, как и мужчины», а те люди, которые не желают мириться с этой истиной, невежественны и полны предрассудков. Тем же мужчинам, которые иронизировали по поводу образованных женщин и их способностей, заявляя, что им будет приятно видеть леди на профессорской кафедре, читающими лекции по риторике или медицине, марширующими по улицам в сопровождении офицеров и сержантов, приводящими в исполнение законы, возглавляющими армии, участвующими в военных баталиях, беседующими и выступающими перед главами государств в качестве послов, де Лабарр отвечал, что подобная практика будет удивительна только поначалу, в силу своей новизны. Но поскольку в государстве существуют различные должности, какие-то из них вполне могут занять женщины. «И разве не менее удивительно видеть женщину, восседающую на королевском троне, нежели на корабле», — заключал он.

Первая книга Эстелл, во многом написанная под влиянием французских коллег, вызвала живую полемику в обществе.

Отзывы о ней сохранились в частной переписке, журналах, книгах современников. Дж. Эвелин назвал ее «грандиозной». Дефо был очарован произведением и даже позаимствовал его главную идею для раздела о «женских академиях» в своей книге «Очерки о проектах». Р. Стиль включил более сотни страниц из книги Эстелл в свою «Библиотеку леди», не опасаясь, что будет обвинен в плагиате. Наконец, С. Ричардсон, создавая образ своей Клариссы — первой настоящей героини женской беллетристики, — придал ей те же остроумие, религиозность и элегантность, которые были присущи самой Эстелл.

Огромное впечатление книга оказала на тех, кому посвящалась, — англичанок. Юные леди из пансионов, жены и дочери купцов, промышленников, книготорговцев детально, по пунктам разбирали ее содержание. Этой книгой вдохновлялись феминистские последовательницы Эстелл — Дж. Дрейк, Д. Мэшем, Э. Томас, М. Чадлей, Э. Элстоб, М. Монтэгю. Ее пример во многом изменил их собственную жизнь. Влияние книги Эстелл сохранилось и в последующем столетии. Она была переведена на французский язык, и после этого поклонницами идей Эстелл стали многие француженки.

Эстелл продолжала жить в Челси, пытаясь на практике претворить идею женского колледжа, описанного в книге. Она хотела, чтобы колледж стал не просто школой, но домом и местом для «религиозного уединения». Эстелл полагала, что монастырская жизнь улучшает природные качества женщин. Свой колледж Эстелл предназначала не только для обучения девушек классическим языкам, но и для того, чтобы они научились думать, размышлять о духовных материях. А это, в свою очередь, позволило бы им занять достойное место в обществе.

Проект Эстелл так и не был претворен в жизнь. Поначалу им заинтересовалась царствующая королева Анна Стюарт. Она даже пообещала выделить 10 000 фунтов на обустройство колледжа, однако вскоре переменяла свое решение под влиянием епископа Бернета, который опасался, что подобное закрытое учреждение может подпасть под влияние католической церкви.

Пока решался вопрос о судьбе женского колледжа, Мэри Эстелл издала еще две книги — «Письма, касающиеся любви к Богу» (1695) и «Серьезное предложение леди» (1697). «Пись-

ма...» явились результатом переписки Мэри с философом Дж. Норрисом. Эстелл не переставала интересоваться философией на протяжении всей своей жизни. Труды Дж. Локка ей представлялись менее убедительными, нежели работы «кембриджского платоника» Норриса. Однако, читая его «Рассуждения», Эстелл и в них нашла ряд спорных, на ее взгляд, моментов, по поводу которых и написала автору. Норрис ответил, выразив при этом удивление, что ему писала женщина. Между ними завязалась переписка, которая впоследствии и была опубликована Эстелл.

В 1700 году Эстелл выпустила четвертую по счету книгу «Некоторые размышления о браке», которая привлекла внимание не только женской аудитории, но и всей читающей публики, — за год она выдержала три издания. Написать ее Эстелл побудила история, приключившаяся с красавицей герцогиней Гортензией Мазарини, которая, не выдержав притеснений престарелого супруга, попыталась добиться развода. Католическая церковь, прихожанкой которой она являлась, воспротивилась этому, и тогда бедная женщина стала подумывать о самоубийстве. Но король Карл II приблизил Мазарини к своему двору, чем и спас ее от ревности и жестокого обращения супруга.

Все это и послужило основанием для серьезного анализа положения англичанки в браке. Эстелл возмущалась тем, что женщина, вступая в брак, попадает в полную зависимость от супруга — своего «господина». «Впрягаться в ярмо на всю жизнь с непривлекательным человеком, у которого к тому же скверный характер; соглашаться со всем, что он делает или говорит; быть привязанной к нему не по разуму, а по его воле; лишать себя любых желаний только ради удовольствия или прихоти хозяина и господина, глупые поступки которого благоразумная женщина не в силах предотвратить, а не исполнять его приказаний — это страдания, судить о которых могут только те, кто их пережил». Такой брак ограничивал, изолировал, подавлял женщину. Впрочем, по мнению Эстелл, даже удачный брак не должен быть пределом мечтаний женщины, ибо гражданский долг и нужды общества требуют от нее расширения границ ее домашнего мирка.

Заметим, что литературная деятельность Эстелл не замыкалась в феминистских сюжетах. В 1703–1709 годах она

активно включилась в дебаты о политической и религиозной терпимости и написала ряд памфлетов, в которых полемизировала с такими оппонентами, как Д. Дефо, Дж. Локк, графом Шефтсбери. Убежденная сторонница партии тори, Эстелл высмеивала клуб «Кит-Кэт», членами которого были известные виги — лорд Сомерс, Р. Стил, Дж. Аддисон, епископ Ходли. Она упрекала вигов в том, что они «тратят уйму денег на экстравагантности», колотят своих кредиторов, соблазняют добродетельных женщин. В свою очередь, литераторы-виги сделали Эстелл объектом своей сатиры. В журнале «Тэтлер» они окрестили ее «эксцентричной старой девой» и «чудачкой». Несмотря на это, политические трактаты Эстелл, а также ее активная позиция в «памфлетной войне», развернувшейся в первое десятилетие XVIII века, принесли ей общественное признание. Эстелл сделалась заметной фигурой. О ней заговорили в столичных салонах. Толпы почитателей устремились к ее дому в Челси. Чтобы избавиться от назойливых визитеров, Эстелл представлялась служанкой и, высунувшись из окна квартиры на втором этаже, кричала посетителям, что хозяйки нет дома.

Последней книгой Эстелл стало пространное исследование философских взглядов графа Шефтсбери, изданное в 1709 году. Вскоре врачи обнаружили у нее катаракту, и о дальнейшей литературной деятельности не могло быть и речи. Тогда Мэри решила вернуться к старой идее — созданию женской школы в Челси. Финансовую поддержку этому предприятию обеспечили ее богатые приятельницы — леди Кэтрин Джонс, Элизабет Хастингс и Энн Ковентри. В 1709 году школа для дочерей ветеранов Королевского госпиталя была наконец-то открыта. Просуществовала она до 1862 года.

Став директором школы, Эстелл смогла наконец-то купить небольшой уютный домик. Служанка помогала наводить в нем порядок, а также ходила в лавку за провизией. Жалованье Эстелл составляло 90 фунтов (сумма, немногим превышавшая заработок квалифицированного рабочего), и его было явно недостаточно для дамы ее положения. Однако Мэри привыкла обходиться малым. Лишенная возможности заниматься литературным творчеством, она совершала длительные прогулки по окрестностям города, посещала церковные службы, принимала посетителей. Иногда отправлялась по де-

лам в Лондон. Если не было попутчиков для совместного найма экипажа, отправлялась в столицу пешком. Нанять извозчика самой было для нее непозволительной роскошью: на деньги, затраченные на проезд, можно было купить 2 фунта масла, или 4 фунта сыра, или полтора бушеля угля. Понемногу у нее созрел замысел краткого учебника по натурфилософии для женщин, который можно было надиктовать добровольной помощнице, каких у нее в ту пору было немало. Однако этой идее не удалось осуществиться. Внезапно состояние здоровья Эстелл резко ухудшилось; врачи обнаружили у нее рак груди. Она мужественно перенесла тяжелую, сделанную без наркоза операцию, но это не помогло. 11 мая 1731 года Мэри Эстелл скончалась. Ее отпевали в церкви Челси. На траурной церемонии присутствовали лишь близкая приятельница К. Джонс и несколько слуг. Газета «Дейли джорнал» поместила о кончине Эстелл небольшой некролог. Вскоре о ней все забыли. Мэри Эстелл никогда не была замужем и не имела детей. После ее смерти никто не удосужился собрать ее книги и рукописи, а потому многие ее труды вообще не дошли до потомков.

Но спустя десять лет после смерти Мэри Эстелл о ее книгах вновь заговорили. Литераторы от Дефо до Ричардсона использовали труды Эстелл для создания в своих произведениях образов независимых и неординарных женщин. Влияние ее идей прослеживается в творчестве С. Джонсона, Р. Стиля, С. Скотта и других литераторов. На взгляд Р. Перри, такие писательницы, как Джейн Остен, Шарлотта Бронте и Вирджиния Вульф, также опирались на произведения Мэри Эстелл — «новой женщины» и самодостаточной натуры.

4. Взгляды феминисток на образование и брак

Ранние феминистки последовательно отстаивали право женщин на образование. Герцогиня Ньюкасл говорила, что женщины, лишённые возможности учиться и запертые в домах мужей, подобны птицам в клетках. Б. Мейкин связывала образование женщин с судьбой их будущих детей. «Если сейчас не открыть достаточного количества школ для

обучения леди, то как будет развиваться следующее поколение граждан?» — вопрошала она. Мейкин идеализировала женское образование эпохи Возрождения, которое породило такие неординарные личности, как королева Елизавета Тюдор и придворная дама Джейн Грей. Она считала, что образование сделает ее воспитанниц лучшими женами и матерями, тогда как необразованные женщины способны воспитать лишь «поколение бабуинов».

В уже упоминавшемся «Очерке» она поместила письмо, полученное от одного из противников женского образования. «Немногие женщины нуждаются в образовании, поскольку имеют немало других забот и занятий, более подходящих для их пола, — писал ее корреспондент. — Цель образования заключается в том, чтобы полученные знания направить на пользу общества, женщина же к этому не пригодна. Хорошая домохозяйка, как утверждал Соломон, не та, которая занята искусствами и языками, но которая умеет хорошо присматривать за слугами. Хуже того, образование портит женщин, так как они непомерно им гордятся, в результате ужиться с такими женами совершенно невозможно». Отвечая на эти слова, Мейкин приводила в пример имена образованных женщин XVI—XVII веков, среди которых были философы, математики, поэты.

В то же время она прекрасно понимала, что ее современницам более всего нужны практические знания, и потому в свой учебный план включала как можно больше предметов, изучение которых могло принести женщинам пользу в повседневной жизни. Так, в учебную программу, по ее мнению, должны были входить уроки домоводства, поскольку каждая девушка должна овладеть навыками приготовления паштетов, соусов, сладостей. Мейкин справедливо считала, что это облегчит будущую семейную жизнь ее воспитанниц.

Впрочем, она признавалась, что точно не знает, какие дисциплины лучше подходят девушкам, а без каких можно обойтись. С одной стороны, она утверждала, что «знание языков имеет второстепенное значение», а с другой, останавливаясь подробно на учебном плане для женских школ, отмечала, что девочки восьми-девяти лет вполне могут изучать латынь и другие языки. Она писала: «Я не лишала бы их знаний грамматики и риторики, поскольку это ключ к наукам... Не-

обходимо также изучать языки, особенно греческий и древнееврейский, так как они помогут лучше разобраться в Священном Писании. Математика, а еще больше география будут также очень полезными, а они, в свою очередь, приведут к изучению истории. Что касается музыки, живописи, поэзии, то эти предметы послужат приятным дополнением». Мейкин призывала к тому, чтобы девушки учились распознавать смысл сказанного, «больше внимания уделяли знанию предметов, нежели рассуждениям о них».

Для тех девушек, которые проявят наибольшие способности к наукам, она предусматривала дальнейшее образование. Такие ученицы должны были оставаться в школе на более продолжительный срок, чтобы обучаться астрономии, географии, истории, арифметике, натурфилософии. Мейкин явно симпатизировала тем девушкам, которые стремились к освоению более глубоких знаний, а не ограничивались пустыми забавами, вроде изготовления букетов из цветной соломы или возведения игрушечных домиков из бумаги.

Среди образовательных учреждений для женщин наибольшим прагматизмом отличалась школа Ханны Вуллей. Овдовев и самостоятельно зарабатывая на содержание семьи, она перепробовала не одно занятие: преподавала, писала книги, составляла рецепты и продавала лекарства и косметические снадобья. Нужда заставила Вуллей научиться многому, и она считала необходимым передать эти знания ученицам. В ее школе девушек учили шить, стряпать различные блюда, лечить болезни, готовить простейшие лекарства и косметические средства, делать поделки из бумаги, яичной скорлупы, мха, перьев, ракушек, изготавливать рамы для зеркал и картин; находилось время и для обучения письму и арифметике. Судя по всему, учебная программа была рассчитана на представительниц среднего класса, чтобы они могли в будущем сами зарабатывать себе на жизнь, а значит, быть материально независимыми от мужчин.

В «Дамском собеседнике» Вуллей давала ряд конкретных советов ученицам: «Отправляясь в школу, прежде всего попрощайся со своими родителями. Не забудь захватить все необходимое, в том числе перчатки и носовой платок... Придя в класс, вежливо поприветствуй учительницу, будь уверена, что это ей понравится и она это запомнит... Поздоровайся со

своими подружками и только после этого приступай к работе: чтению, письму или чему-либо другому, что надлежит тебе освоить. Не демонстрируй плохое воспитание и отсутствие манер и не ешь свой завтрак в классе, в особенности в присутствии учительницы. Когда тебя вызовут к доске, почтительно обратись к учительнице и начинай читать так, чтобы показать не то, что ты вызубрила урок, но что ты понимаешь смысл прочитанного. Читай четко, отдельно, внятно, чтобы тебя могли понять другие ученицы. Если сомневаешься в правильности произношения какого-то слова, не торопись прочти его по слогам и исправь допущенную ошибку... При письме будь особенно внимательной, не ставь клякс на тетради, держи правильно перо и старайся писать грамотно и красиво. Заранее побеспокойся о перьях и не разливай чернил на свое платье или одежду соседки, а также следи, чтобы не выпачкать руки».

Ханна высказывала также ряд соображений относительно качеств, которыми, на ее взгляд, должны обладать учителя и гувернантки. «Те, кто предпринимает нелегкие попытки сделаться наставниками детей, — писала она, — не должны быть людьми низкого происхождения. Им надлежит быть воспитанными, обладать хорошими манерами, уметь вести беседу, привлекая внимание учащихся».

Проекты образовательных учреждений для женщин, предложенные ранними феминистками, как правило, содержали множество конкретных деталей. Например, неосуществленный проект колледжа Мэри Эстелл предусматривал определенные правила поведения (ученицы должны носить корсеты и употреблять простую пищу), а также строгую дисциплину. В колледж приглашались не только юные леди, желавшие получить образование, но и женщины, пострадавшие от грубого обращения со стороны мужчин. Подобные дамы обитали в колледже до тех пор, пока для них не находилась подходящая партия для брака.

Важное место в трудах ранних феминисток занимала проблема брака. Они указывали на подчиненное место женщины в супружестве, многие из них были вообще настроены к браку скептически. Будучи сама счастливой женой, герцогиня Ньюкасл тем не менее писала (видимо, считая свой случай исключением), что брак «приятен лишь вначале, со време-

нем же он теряет свою привлекательность». Она уверяла своих читательниц в том, что супружеская жизнь не выдерживает «реальностей житейских будней», в чем виновато прежде всего пренебрежение, неуважение, лицемерие, измены, раздражительность, сварливость, развязность супруга. Герцогиня поражалась, почему женщины «идут добровольно в рабство» и подчиняются во всем своим мужьям. Вероятно, высказывала она предположение, они так поступают, поскольку не видят лучшего способа устройства своей жизни. Однако семейная жизнь наполнена беспокойством и волнениями, связанными с рождением и воспитанием детей, с хлопотами по дому и хозяйству, присмотром за слугами, наблюдением за расходами семьи и т. д. «А если к этим тревоблениям добавить плохого мужа, то это еще больше усугубит страдания женщины», — утверждала герцогиня Ньюкасл. Но зачем тогда женщине вообще стремиться к замужеству? Размышляя над этим вопросом, герцогиня приходила к выводу, что к браку девушек толкает «социальный пресс». Она утверждала: «В обществе считается неприличным оставаться незамужней, тогда как брак приносит уважение женщине».

Ханна Вуллей тоже много писала о подчиненной роли женщины в супружестве, однако, в отличие от других феминисток, считала это естественным. Не отрицая институт брака, она, однако, оговаривала, что супруг должен пользоваться своей властью «мудро». Брак, на ее взгляд, мог быть «прекрасной и удобной формой взаимоотношений партнеров», но при условии, что он рассчитан на «продолжительную привязанность, а не на темпераментную страсть». Главные достоинства, которым следует обладать замужней женщине, — это «скромность и благоразумие». Образование же должно подготовить женщину к сложностям семейной жизни. Для ранних феминисток совершенно нетипичным было восхваление образа жизни домохозяйки. Между тем Вуллей считала, что управление домом — это «прекрасное и выгодное занятие». «Нет ничего лучшего, чем управление собственным домом, — писала она. — Эта профессия несложна, и если женщина ничего другого не умеет, то уж с этим справится наверняка». Подобные заявления заставили исследовательницу Э. Хобби усомниться в том, что Ханна действительно была феминисткой.

Подробно взгляды на брак выразила в книге «Некоторые рассуждения по поводу брака» Мэри Эстелл. Она пишет, что изначально брак представляется юным созданиям «серьезным предприятием». Но вот девушка выходит замуж, и что же она видит? Она попадает в чужой дом, чужую семью, в полную власть, по сути дела, чужого мужчины, которого обязана предпочитать своим родным. Она лишается даже собственной фамилии, что равносильно признанию над ней абсолютной власти супруга. Молодая жена вынуждена исполнять все его желания, не задумываясь над тем, насколько они разумны. Особенно тяжело ей, если муж женился на ней ради денег. В этом случае, подчеркивала Эстелл, супруг будет больше озабочен тем, как увеличить приданое жены, нежели отношениями с ней. А если муж интересуется тем, сколько акров пахоты и голов скота принесла жена в приданое, в то время как сама она мечтает о любви, вряд ли можно надеяться, что совместная жизнь этих супругов сложится удачно. Эстелл не советовала юным девушкам обольщаться собственной красотой, которая подобна скоропортящемуся продукту, а значит, видеть в ней залог семейного счастья вряд ли имеет смысл. Мужчина, женившийся по расчету, никогда не будет заботиться об улучшении и совершенствовании интеллекта и характера своей супруги, поскольку женился отнюдь не для того, чтобы восхищаться своей избранницей. К тому же ни один мужчина не видит в женщине существо, равное себе, а большинство мужчин и вовсе презирают своих супруг. «Когда со своей высоты он смотрит на женщину как на неразумное существо, невежественное и вспыльчивое, неспособное быть ему равным, может ли он думать о благодарности к той, прямой обязанностью которой является беспрекословное подчинение? Поскольку жена становится рабыней желаний супруга, она и предназначена лишь для того, чтобы служить и подчиняться ему», — заключала Эстелл.

Эстелл изображала портрет идеальной, на взгляд большинства мужчин, супруги, как продолжательницы рода и «главного управляющего» в доме. Жена-управляющий, чьи интересы не расходятся с интересами супруга, которая к тому же работает бесплатно, — лучшего положения в браке муж не может себе и представить. Ее красота, умение вести беседу, хорошие манеры и добрый нрав лишь послужат прекрасным до-

полнением. Идеальная жена, на взгляд обычного мужчины, писала Эстелл, — это женщина, которой он может полностью повелевать, которая навсегда делается его собственностью и никогда не покинет его, если только он сам того не пожелает. Женщины, которые мирятся с подобным существованием, на взгляд феминистки, глубоко несчастны. Эстелл была твердо убеждена в том, что женщины, выходя замуж, должны быть готовы противостоять мужчине.

Любопытно, что феминистки не считали нужным принимать во внимание чувства женщины, вступающей в брак, уподобляясь таким образом «черствым и заносчивым» мужчинам. На взгляд Эстелл, женщина выходит замуж для того, чтобы продолжать род и поддерживать существующий в обществе порядок. Привязанность, страсть, любовь и другие «неразумные нежности», по ее разумению, только принижают женщину и не должны приниматься в расчет. Любые внебрачные связи Эстелл осуждала, не делая исключения как для мужчин, так и для женщин. Ей представлялось, что физическое влечение исключает духовность и только унижает женщину. Чтобы не провоцировать мужчин, женщина, на взгляд Эстелл, не должна слишком выделяться своим внешним видом. Она призывала девушек «сохранять бдительность», поскольку искушенным в политике и лучше образованным мужчинам легко обмануть доверчивое существо и добиться его расположения. Негативное отношение Эстелл к проявлению женщинами чувственности, страсти и иных эмоций отчасти объяснялось, на наш взгляд, личной неустроенностью самой феминистки. Она не была замужем, не испытывала серьезной привязанности к кому-либо из мужчин. Более того, судя по отдельным фактам из жизни Мэри Эстелл, складывалось впечатление о том, что она опасалась мужчин и избегала любых контактов с ними, предпочитая только переписываться и вести полемические дискуссии на безопасном для себя расстоянии.

Социально-политические изменения, которые произошли в стране после Славной революции 1688—1689 годов, в определенной мере изменили взгляды Эстелл на брак. Она стала рассматривать брачный союз как своеобразный договор двух сторон, согласно которому муж имел право руководить женой, чего нельзя было сказать о власти мужчины над женщи-

ной вообще. Брак узаконивал власть мужчины над женщиной, и потому к семье, как к монархии, следовало относиться с уважением. Вместе с тем Эстелл призывала не путать в семейной жизни власть и тиранию. Брак предопределял подчинение, но ни одна уважающая себя женщина не должна подчинять свою жизнь тирану. Лучше уж тогда не вступать в брак вовсе либо, если замужество уже состоялось, искать спасение от мужа-тирана в разводе.

Эстелл не отрицала возможность гармоничной супружеской жизни, однако утверждала, что счастливый брак не должен быть пределом мечтаний женщины. Она не уставала повторять, что женщина предназначена для большего, нежели управление домом или рождение и воспитание детей, и поэтому брак не должен занимать все ее помыслы, а быть всего лишь частью ее жизни.

Постоянно выступая в защиту женщин, Эстелл однажды посочувствовала и мужчинам. Издавая свои рассуждения о браке в четвертый раз, она написала, что прежде рассматривала положение замужних женщин в сравнении с их мужьями как неравное, однако со временем пришла к убеждению в том, что муж также находится в «неудобной ситуации», поскольку его честь оказывается в руках жены, — ведь «развратный век не только допускает порок, но и расценивает его как атрибут приличной жизни».

Итак, как мы могли убедиться, ранний феминизм возник на английской почве благодаря идейному влиянию революции середины XVII века и Просвещения. Ранние феминистки, происходившие из буржуазной или аристократической среды, выступали в защиту интересов женщин из имущих классов. Простолюдинки их не занимали вовсе. На рубеже XVII—XVIII веков для английского буржуазного общества было актуально повышение образовательного уровня населения, и первые феминистки отстаивали прежде всего право женщин на образование. Их проекты отличались прагматизмом, содержали немало конкретных предложений, что позволяло в какой-то мере реализовать их на практике уже при жизни феминисток.

Ранние феминистки способствовали возникновению у женщин интереса к чтению серьезной литературы. При

этом они оказали большое влияние на просветителей-мужчин, в частности на Д. Дефо, предложившего в своем «Очерке о проектах» открыть «женские академии» по типу колледжа Мэри Эстелл.

Социальный эффект идей раннего феминизма в общественной мысли Англии XVII — начала XVIII века был ограничен в силу того, что движение феминисток опередило свое время. Тем не менее оно подготовило почву для своих последовательниц в XIX — XX веках. И в этой связи нам представляется правомерным говорить о трех этапах в феминистском движении. На первом этапе — в XVII—XVIII веках — феминистки боролись за право женщин на образование и поднимали вопрос об их освобождении от деспотии мужчин в браке, на втором — в XIX веке — они уже выдвигали требование политических прав, и, наконец, на третьем этапе — в XX веке — женщины стали отстаивать свои экономические права.

Глава 5 Ранние просветители о женском воспитании и образовании

Как известно, просветительское движение зародилось в Англии в последние десятилетия XVII века. Идеологи Просвещения видели основные пути достижения совершенного общества в пропаганде и распространении знаний, образовании людей, в воспитании у молодежи высоких нравственных принципов. Большое внимание они уделяли образованию не только юношей, но и девушек. Именно английским просветителям суждено было стать пионерами в деле пропаганды идей, положенных в основу феминистского движения. На страницах своих памфлетов и журналов просветители нередко рассуждали о роли и месте женщин в обществе — это тема неоднократно поднималась в трудах философов Джона Локка и Джона Толанда, литераторов Даниеля Дефо и Джонатана Свифта, журналистов Ричарда Стиля и Джозефа Аддисона. Хотя справедливости ради следует сказать, что среди их работ отсутствуют произведения, в которых подробно рассматривается проблема женского образования, и можно назвать только одну книгу, посвященную нравственному воспитанию юных дам, — «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» маркиза Галифакса.

Отношение просветителей к «прекрасной половине» человечества было неоднозначным. Например, Дефо высоко ценил природные качества женщин. Он писал: «Я не могу думать, что Всемогущий Господь Бог создал их такими изящными и прекрасными, наделил их таким очарованием и сделал привлекательными для мужчин, и с такими же душевными способностями, как у последних, и все это лишь для того, чтобы они стали домоправительницами, поварихами и служанками в наших домах». С не меньшим восхищением отзывались о женщинах журналист Р. Стил, отдававший должное их способностям, доброте, красоте, нежности, и Джонатан Свифт, находивший в женщинах ум, благородство, скромность, деликатность, благоразумие, такт и независимость суждений. В то же время Джозеф Аддисон высказывался о женщинах с долей скептицизма и иронии. Он видел в них «безвредные, не очень умные, забавные и прекрасные создания», полагая, что главное их предназначение — «оставаться приятной забавой для мужчин». Аддисон высмеивал пустое времяпрепровождение представительниц прекрасного пола, обращая внимание на то, что у женщины из средних слоев нет никаких серьезных занятий в жизни. «Ее главная сфера деятельности — это туалет, а первейшей важности занятие — держать волосы в порядке, — писал Аддисон в журнале “Спектейтор”. — Разобрать ленты считается прекрасной работой для утра, а если она еще сходит в лавку, то устанет настолько, что ни к чему не будет способна на другой день. Более серьезное занятие для нее — шитье и вышивание, а самая трудная работа — приготовление желе и варенья».

Пытаясь выяснить, в чем причина столь неоднозначного отношения к женщинам, мы обратились к биографиям просветителей. И приходится сделать вывод, что в их отношении к женщинам было очень много личного. Дефо, столь восторженно отзывавшийся о дамах, счастливо прожил со своей женой 45 лет, имел от нее шестерых детей. Счастлив в браке был и Стил. Свифт, хотя и не обзавелся семьей, был влюблен в своих воспитанниц — сначала Эстер Джонсон (он называл ее Стеллой), затем Эстер Ваномри, которую окрестил Ванессой. В одном из писем к Ванессе Свифт откровенно признавался в своей любви: «Позвольте вас уверить, что никогда и никого в мире ваш друг (то есть сам Свифт. — *Т. Л.*) так не

любил, не почитал, не ценил и ни перед кем так не преклонялся, как перед вами» Чувства Свифта не остались безответными. Сохранившиеся письма воспитанниц к учителю и другу свидетельствовали о сильном чувстве, которое испытывали к нему обе девушки. Ванесса писала: «Знайте, ни время, ни случайность не в силах уменьшить невыразимую страсть, которую я питаю... Любовь к Вам заключена не только в моей душе: во всем моем теле нет такой мельчайшей частицы, которая не была бы ею проникнута. Не обольщайтесь поэтому надеждой, что разлука изменит со временем мои чувства: даже безмолвствуя, я не нахожу себе покоя, и мое сердце одновременно наполнено печалью и любовью». Любимый и любящий Свифт тем не менее навсегда остался холостяком. И этот факт в жизни Свифта до сих пор вызывает недоумение и порождает различные домыслы у исследователей его биографии и творчества.

Джозеф Аддисон оказался несчастлив в любви. На протяжении восьми лет он ухаживал за светской красавицей графиней Шарлоттой Уорвик, дамой властной и высокомерной. Наконец, когда Аддисон разбогател и приобрел поместье в Уорикшире, графиня согласилась выйти за него замуж. Однако совместная жизнь с ней не принесла счастья журналисту. Аддисон признавался друзьям, что порой готов бежать из постылого дома куда глаза глядят. Результатом всего этого стало его отношение к женщинам — саркастическое, порой с примесью желчи.

Подобно большинству мужчин, просветители считали, что основное предназначение женщины — быть добродетельной супругой и матерью. Решающую роль при заключении брака они отводили любви. Показательны в этом отношении взгляды Дефо, который издал три книги: «Семейное руководство» (1715 год) «Религиозное ухаживание» (1722 год), «Супружеская похотливость» (1727 год), где обсуждал различные вопросы, связанные с браком. Для Дефо чувство важнее денег, и поэтому выбор женщины должен зависеть только от любви. Препятствием же для брачных союзов, на его взгляд, могут стать различия в профессиональной принадлежности, большая разница в возрасте, а также несоответствие положения и темперамента вступающих в брак мужчины и женщины. Дефо осуждал немолодых женщин, которые, овдовев, выходили

замуж за молодых людей в надежде, что те станут им опорой в хозяйственной или торговой деятельности. По его мнению, женщина, которая уже не может принести потомства, вообще не должна выходить замуж, поскольку главная цель брака — рождение и воспитание детей. Пожилые мужчины, женившиеся на юных девушках, по этой же причине просветителем не осуждались.

Дефо категорически противился оказанию давления на девушек со стороны родителей, которые сами, против их воли, выбирали для них женихов. «Если ваша дочь желает выйти замуж за человека, который вам не нравится, — писал он, — я полагаю, что вы имеете законное право предостеречь ее от этого шага и не допустить или даже расстроить подобный брак. Но если ваша дочь не желает выходить замуж за того, кто симпатичен только вам, я не думаю, чтобы вы имели такое же право командовать и распоряжаться ее судьбой».

Дефо расценивал брак как союз двух равных партнеров. На его взгляд, любовь не знает «высшего и низшего, господина и слугу». Цель супругов заключается в сохранении семьи, хорошем управлении домом, воспитании и образовании детей. Дефо неоднократно повторял, что обязанности, ответственность и права супругов должны быть равными. Он настаивал также на необходимости взаимного уважения супругов и их терпимости по отношению друг к другу. Просветитель осуждал тех мужей, которые бранили своих жен за мотовство, и предлагал им лучше заботиться о материальном достатке семьи. Он отказывался понимать, почему женщины выходят замуж, дабы «подчиняться тирану и жестокому человеку, более того, рисковать своим материальным благополучием, если он — разорившийся купец, страдать от его непостоянства и пороков». В одной из своих поэм — «Добрый совет леди» (1702 год) Дефо вменял мужчинам в вину то, что они плохо обращаются со своими женами, занимаются рукоприкладством, а сами пьянствуют и проводят время в компании легкомысленных женщин.

В ряде своих работ, в том числе художественных произведениях «Молль Фландерс» и «Роксана», Дефо поднимал вопрос об экономическом положении женщины в семье и обществе. Он призывал женщин вести более активный образ жизни, участвовать во всех хозяйственных делах, вникать

в профессиональную деятельность мужа. Женщина должна стремиться к экономической независимости, если она желает справиться с негативными сторонами брака, считал просветитель. Он был убежден в том, что женщина может и должна избавиться как от экономической, так и сексуальной зависимости от мужчины. Он считал, что мужчина, не желающий иметь детей, вообще не должен жениться, и осуждал мужчин, которые расценивали брак лишь как средство достижения сексуального удовлетворения. Подобные рассуждения Дефо послужили основанием для ряда ученых расценить его взгляды как феминистские.

Впрочем, далеко не все идеологи английского Просвещения признавали равенство полов. Если, например, философ Джон Толанд считал, что «органы мышления у обоих полов» одинаковы и, следовательно, одинакова способность мыслить, то маркиз Галифакс в «Новогоднем подарке для леди» подчеркивал, «что для лучшего устройства мира мужчины, которым предназначено быть во всем законодателями, наделяются большим разумом, нежели женщины». Свифт тоже считал, что ум является исключительной привилегией мужчин. Исходя из этого, просветители отказывали женщинам в гражданских правах, и прежде всего в праве избирать и быть избранными. Лишение женщин избирательных прав было настолько естественным для общества, в котором правом голоса обладали даже не все мужчины, а лишь самые состоятельные из них, что практически никто из просветителей это положение не оспаривал. Лишь в произведении «Политическая библиотека» публициста Джона Тиррела встречается замечание, из которого следует, что в понятие «народ, имевший право голоса» он предпочел бы включать не только «свободных мужчин», но и «свободных женщин».

Тот же Свифт, однако, обращал в своем дневнике внимание на то, что дамы проявляют серьезный интерес к политической жизни страны. Его знакомые леди Люси и миссис Армстронг были, например, «ярыми вигами», а свою возлюбленную Ванессу, склонную к тори, он называл «хорошим политиком». И вряд ли подобные характеристики грешили против истины. Ведь судя по письму Ванессы, содержащему описание событий в Лондоне, во время которых решалась судьба одного из парламентских биллей, действительно скла-

дывалось впечатление о том, что женщины в правление королевы Анны интересовались политикой не менее активно, чем мужчины. В письме от 23 июня 1713 года Ванесса писала, обращаясь к Свифту: «Как жаль, что Вас не было здесь в прошлый четверг: я убеждена, что Вам удалось бы предотвратить неудачу с биллями... Боже мой! Сколь бесконечно мы отличаемся от древних, жертвовавших некогда всем ради общего блага! А ныне наши величайшие мужи в любую минуту предадут свою родину, если только задето их тщеславие, и при том из-за какой-нибудь безделицы. Невозможно описать ликование, охватившее виггов, и боюсь, что выборы еще более укрепят их».

Разумеется, интерес женщин к политике не мог пройти мимо внимания Аддисона, который отметил, что в период политических кризисов партийная борьба вызывает «сильнейшее брожение» в умах слабого пола. «Во всем городе едва ли найдется особа, которая не почитала бы себя способной судить о сложнейших спорах, церковных и государственных, — писал он в журнале “Фригольдер”. — Торговки устрицами убеждены в незаконности наших епископов, служанки же утверждают незыблемость их прав». Просветитель считал, что «партийное рвение» дам только «разжигает ненависть и партийные распри среди мужчин и в значительной степени лишает женщин того природного очарования, которым они наделены от природы». В одном из номеров «Спектейтора» Аддисон поместил сатиру, в которой две группы женщин, разместившиеся в театральных ложах друг против друга, обмениваются «крайне враждебными взглядами» и вот-вот готовы броситься в бой. При этом мушки у женщин в одной группе прикреплены на правой стороне лица, а в другой — на левой. В средних же ложах сидят леди, у которых мушки справа и слева, из чего сторонний наблюдатель делает вывод, что они хранят нейтралитет. Однако с каждым представлением число неопределившихся дам сокращается, что можно определить по тому, как их мушки перемещаются на «торийскую» или «вигскую» стороны — в зависимости от того, к какой партии они присоединяются. Злые языки, как замечает Аддисон, утверждают, что в этих «перемещениях» главную роль играют мужчины, расположения которых добиваются дамы, и что мушки прикрепляются справа или слева в зависимости от по-

литической склонности мужчин, к которым дамы благоволят. И лишь немногие из них размещают мушки, исходя из собственных принципов, заключал Аддисон. Из всего этого ясно, что просветитель был весьма низкого мнения о «партийной» активности слабого пола.

Но хотя просветители в большинстве своем не признавали равенства полов, именно они первыми заговорили о предоставлении женщинам права на образование. Причем они не только выступали в защиту женского образования, но и предлагали проекты его улучшения.

1. Советы Джона Локка «маленькой госпоже»

Программа воспитания и образования подрастающего поколения наиболее полно представлена в произведении Джона Локка «Мысли о воспитании и о воспитании разума». Написанная на основе собственных педагогических наблюдений в бытность Локка гувернером в семье графа Шефтсбери, книга, по мнению современников, имела неоценимое значение. Во многом она сохранила свою актуальность даже до сего дня и не только для англичан, поскольку любой родитель сможет найти в ней немало полезных и поучительных советов о том, как следует воспитывать и обучать детей.

Книга посвящена главным образом тем родителям, которые растили сыновей, и в ней нет каких-либо особых рекомендаций для представительниц «прекрасного» пола. Впрочем, внимательное чтение этого сочинения убеждает в том, что многие советы Локка вполне пригодны и для воспитания юных леди. Да и сам философ в письме от 7 февраля 1685 года отмечал, что его педагогические советы, за малым исключением, годятся для девочек. «Я считаю, — писал философ, — что различий в умственных способностях между полами не существует, и потому не вижу смысла что-то менять в своих инструкциях».

Первоначально теория Локка была представлена в серии писем к его другу Эдварду Кларку, в семье которого росли сын и дочь Элизабет. В сущности, это были советы по воспитанию и образованию детей. К тому времени, когда Локк

начал переписку с Кларком, Элизабет исполнился год, и философ иногда величал ее своей «маленькой госпожой» или «маленькой возлюбленной». Говоря об образовании «маленькой госпожи», Локк предлагал обучать девочку прежде всего чтению. Он советовал отцу обратить учение в игру, ни в коем случае не торопиться и продвигаться вперед только по мере достижения определенных результатов. На взгляд философа, необходимо развивать ум ребенка, давая простые, доступные и исчерпывающие ответы на вопросы, которые он задает. Обучаться чтению лучше всего по книгам с незатейливым сюжетом, а не по Священному Писанию. Локк сомневался в том, что ребенок получит удовольствие от чтения книги, «в которой ничего не понимает».

После того как девочка научится бегло читать и освоит родной язык, следует обучить ее латыни. Изучать латынь надлежит со всем старанием, «чтобы не испытывать никаких затруднений в правилах и грамматике языка». Попутно ребенка можно просвещать в различных областях знаний, знакомить с географией, астрономией, анатомией, историей.

Локк считал, что юной леди полезно заняться танцами. На его взгляд, танцы вообще необходимы для девочек, и обучать им следует с раннего возраста, под руководством хороших учителей. Танцы позволяют улучшить осанку, способствуют усвоению хороших манер.

Всем детям Локк настоятельно рекомендовал соблюдать правила личной гигиены, чаще бывать на свежем воздухе, заниматься физическими упражнениями, ходить пешком на дальние расстояния. Матери своей «маленькой госпожи» он советовал мыть девочке ноги холодной водой перед сном и держать их влажными в течение дня. «Если бы у меня была дочь, то я приказал бы наливать в ее башмаки воду прежде, чем она их наденет», — писал Локк. Подобное средство, на его взгляд, весьма эффективно для закаливания нежных созданий. Приступать к подобным процедурам философ советовал в мае, с наступлением теплых дней.

Локк не делал особых различий в воспитании мальчиков и девочек. Он считал, что еда, питье, жилище и одежда у всех детей должны быть одинаковыми. На его взгляд, любой мужчина желал бы иметь здоровую жену, поэтому девочек надо готовить не только к приему обычной пищи, но и к непогоде,

ветру и солнцу, чтобы они не росли «слабыми, хныкающими, болезненными созданиями, боящимися сквозняков». Небольшое исключение для девочек, которое допускал Локк, касалось их пребывания на свежем воздухе. Он считал, что в жаркую погоду девочкам лучше находиться в тени или дома, но только не на солнцепеке, чтобы не навредить будущей женской красоте. Он предостерегал отцов от рукоприкладства и грубой брани по отношению к дочерям и вообще считал, что воспитанием девочек должна заниматься по преимуществу мать.

Джон Локк приобрел известность не только как ученый, но и как один из реформаторов образования. Главное внимание он уделял образованию детей средних и высших классов, но нередко высказывал суждения по поводу обучения мальчиков и девочек из неимущих слоев. Затрагивая проблему реформирования системы вспомоществования бедным, Локк вносил предложения о создании в каждом приходе «рабочих школ». В этих заведениях могли обучаться дети обоих полов, от трех до четырнадцати лет. Каждый ученик, проживая в школе, обязан был кормить себя сам, для чего должен был выполнять для нужд прихода посильную работу. Таким образом, школа «почти ничего не будет стоить приходу», и даже расходы на содержание подобных школ очень быстро окупятся «с лихвой». На взгляд Локка, в школах можно было производить работы по заказу шерстяных мануфактур, и это касалось прежде всего девочек, поскольку мальчиков предпочитали брать в обучение ремесленники и фермеры. Целесообразность устройства подобных школ Локк объяснял также тем, что дети, живущие при них, по воскресным дням обязательно посещали бы церковь, что «весьма благоприятно сказалось бы на их поведении».

Следует признать, что проекты, предложенные Локком, далеко не всегда, когда речь шла о простолюдинках, отличались гуманным характером. К примеру, для «исправления» бродяг женского пола Локк считал вполне допустимым, чтобы четырнадцатилетних девушек, обвиненных в бродяжничестве, доставляли в места их прежнего проживания, а при повторном бегстве помещали в «исправительные» дома, где в течение трех лет использовали на самой тяжелой работе. Можно заметить, что эти рекомендации философа заметно отличались от тех, которые он давал «маленькой госпоже».

2. «Болтун» и «Зритель» беседуют с дамами

На рубеже XVII–XVIII веков в Англии стали выходить журналы, которые адресовались женской аудитории. Первый из них, «Афинский Меркурий», появился в 1690 году. Его издатель Джон Дантон признавал, что вопросы, которые ему задают женщины, «злободневны и многочисленны». Этот журнал, в котором, к слову сказать, сотрудничал и Д. Дефо, сделал немало для пропаганды женского образования. В то же время авторы журнала придерживались твердого убеждения, что в доме, церкви и государстве главенствующая роль должна принадлежать мужчинам.

В начале XVIII века начал выходить журнал «Дневник леди». Его издатель Джон Триппер отнюдь не являлся поклонником женской образованности, но был хорошим коммерсантом. Он пытался охватить как можно более широкую аудиторию, и поэтому его журнал, публикуя то, что интересно женщинам, не забывал и о мужчинах: для них Джон печатал математические задачи и шарады, которые приобрели большую популярность. В результате «Дневник леди» заметно увеличил свой тираж, приобрел новых поклонников и в 1711 году из ежегодника преобразовался в ежемесячное издание.

Немало читательниц было у еще двух женских журналов начала XVIII века — «Дамской библиотеки», которую выпускал Р. Стил, и «Болтуни» Бернарда Мандевиля. Однако самыми популярными в стране сделались журналы «Тэтлер» («Болтун») и «Спектейтор» («Зритель»), которые издавали Ричард Стил и Джозеф Аддисон. Влияние этих изданий на формирование общественной морали было столь велико, что подвигло профессора Калифорнийского университета М. Новака на сравнение с Библией.

Оба этих журнала активно выступали в поддержку женского образования. «Всеобщая наша ошибка в воспитании детей, — писал Р. Стил в «Спектейторе», — заключается в том, что относительно дочерей мы заботимся об их наружности и пренебрегаем их умом, относительно же сыновей мы с таким упорством стараемся украсить их ум, что совершенно пренебрегаем их телом». Стил настоятельно рекомендовал

мужчинам позаботиться о развитии умственных способностей дочерей и жен. «Плохо, если в семье жена лучше образованна, нежели муж, но это лучше, чем если оба супруга необразованны», — писал он. Стил считал, что образование для женщины даже важнее, чем для мужчины, поскольку ее деятельность ограничена лишь домашними делами и у нее больше свободного времени.

Джозеф Аддисон также считал, что представительницы прекрасного пола должны уделять внимание не только нарядам и развлечениям, но и чтению различных книг. Хотя Аддисон, как уже замечалось, был более скромного мнения об умственных способностях женщин, чем, скажем, Дефо или Толанд, но и он признавал, что встречается немало дам, «которые вращаются в высоких сферах знания и добродетели, которые соединяют все красоты ума с красотой платья и возбуждают своего рода благоговение и уважение, а также любовь в мужчинах, с ними общающихся».

К существующей в стране системе образования оба журналиста относились весьма критически. В 157-м номере «Спектейтора» Стил писал о недостатках школьного образования. «Должен сознаться, — писал журналист, — что очень часто с великой скорбью оплакивал несчастье английских детей, взирая на невежество и непрозорливость большинства наших учителей. Хваленая свобода, о которой мы толкуем, есть лишь жалкая награда за долгое рабство, за многие сердечные муки и ужасы, которым подвержено наше детство во время прохождения классической школы. Многие из этих глупых тиранов отдаются жестокости, не обращая никакого внимания на способности детей или на планы родителей относительно их». Особенно возмущался Стил тем, что в мужских школах продолжают применяться телесные наказания.

Говоря о воспитании девочек, он обрушивается на родителей, которые уделяют больше внимания наружности дочерей, нежели их умственному развитию: «Взяв девочку от няньки, передавали ее в руки учителя танцев. Милое, но еще дикое существо обучали, как держать голову, выпячивать грудь, двигаться всем телом, и все это под страхом, что у нее никогда не будет мужа, если она будет ступать, смотреть или двигаться неуклюже». Не оставил без внимания Стил и учителя танцев, изобразив с долей юмора его портрет на страницах «Тэт-

лера». Бикерстафф (вымышленный герой, от лица которого велось повествование. — *Т. Л.*) рассказывал, как у него в доме поселился «довольно молодой человек приятной наружности, которого он принял было за сумасшедшего. В своей комнате, глядя внимательно в какую-то книгу, новый жилец прыгал почти до потолка то на одной, то на другой ноге, делая ногами трель; низко приседал и поворачивался на цыпочках, летал вокруг комнаты. Оказалось, что это профессиональный учитель танцев».

Надо сказать, что в беседах с читательницами журналисты довольно часто использовали сатирические приемы, и особенно в том преуспел Аддисон. Так, он высмеял пустое времяпрепровождение дам из высшего света, описав в одном из номеров «Спектейтора», как проводит время молодая незамужняя леди по имени Кларина: «Она просыпается в восемь часов, пьет шоколад в постели, потом опять засыпает; около десяти встает, пьет чай и занимается туалетом, иногда по утрам читает “Зрителя” или трагедию Драйдена; потом ездит по лавкам и визитам; обедает между тремя и четырьмя; весь вечер до двенадцати часов ночи проводит за картами. И так изо дня в день с некоторыми вариантами и дополнениями: вышиванье, церковь, опера, заботы о собачке, любовные мечты».

Журналист насмеялся над женскими нарядами, пристрастием отдельных дам к порокам «сильного пола»: карточной игре, вину, табаку. Смешным и нелепым ему представлялось следование некоторых щеголих французской моде. «Обительницы острова нашего уже испытали сильнейшее влияние сей занимательной нации, — писал Аддисон в 45-м номере “Спектейтора”. — Помню времена, когда особо изысканные дамы, живущие в поместьях, держали не горничную, а лакея, ибо, без сомнения, считали мужчину много более проворным, чем представительниц своего пола. Я видел сам, как один из этих “горничных” порхал по комнате с зеркалом в руке и все утро напролет причесывал свою хозяйку. Не знаю, есть ли правда в сплетнях о том, что некая леди родила от такой “служанки”, но полагаю, что теперь эта порода перевелась в нашей стране». Подражая французским дамам, англичанки ввели моду принимать гостей в постели. «Даму сочли бы невоспитанной, если бы она отказалась видеть гостя, поскольку

еще не встала; швейцару отказали бы от места, если бы он не пустил к ней под столь нелепым предлогом», — писал Аддисон. Журналист поведал своим читателям, а прежде всего читательницам, о визите к одной из таких модниц. «Хотя хозяйка наша стремилась казаться неодетой и неприбранной, она прихорошилась, как только могла, к нашему визиту, — повествовал он в “Спектейторе”. — Волосы ее пребывали в очаровательном беспорядке, легкий пеньюар с превеликим тщанием небрежно накинут на плечи. Меня же так смущает женская скромность, что я поневоле отводил взгляд, когда хозяйка наша двигалась под одеялом, и впадал в полное смятение, когда она шевелила рукой или ногой... Чрезвычайно странно смотреть, как это прелестное создание беседует о политике, распустив волосы и прилежно изучая в зеркале лицо, безотказно пленяющее находящихся рядом мужчин. Как очаровательно чередует она обращения к гостям и к горничной! Как легко переходит от оперы или проповеди к гребенке слоновой кости или подушечке для булавок! Как наслаждался я, когда она прервала рассказ о своем путешествии, чтобы отдать распоряжение лакею, и пресекла чрезвычайно пылкий нравственный спор, дабы лизнуть мушку!»

Не обошел своим вниманием журналист мелочность интересов знатных дам. «Часто размышлял я о странности женского нрава, столь неустойчивого перед суетным, ложным блеском, и о неисчислимых бедах, проистекающих из сей легкомысленной склонности, — писал Аддисон в “Спектейторе”. — Помню молодую особу, за которой ухаживали два пылких поклонника, несколько месяцев кряду старавшихся превзойти друг друга изяществом деяний и приятностью беседы. Наконец, когда соперничество зашло в тупик и дама никак не могла сделать выбор, одному из кавалеров пришла счастливая мысль: он добавил к своему камзолу кружев и через неделю женился на избраннице».

Аддисону представлялись бессмысленными и пустыми разговоры, которые вели дамы света: «Заведите речь о чете молодоженов, и вы тут же узнаете, есть ли у них карета шестерней и серебряный сервиз; упомяните отсутствующую даму, и в девяти случаях из десяти вам сообщат что-нибудь о ее нарядах. Бал дает немалую пищу болтовне, день рождения обеспечивает целый год предметами для толков». Аддисон поражал-

ся тому, сколь большое место в умах женщин занимали их наряды, с каким интересом они обсуждали, «было ли отделано такое-то платье драгоценными камнями, такая-то шляпа приколоты булавкой с бриллиантом, такой-то жилет или такая-то юбка сшиты из парчи». Журналист недоумевал, почему женщины «подмечают лишь одеяния людей». Он был уверен, что нравы высшего света, в котором женщины непрерывно стремятся «поразить воображение друг друга», пагубно влияют на молодых девушек. «Девушка, воспитанная среди таких разговоров, беззащитна перед любым расшитым камзоллом, встретившимся ей на пути, — писал журналист в “Спектейторе”. — Ее может погубить пара перчаток с бахромою. Ленты и кружева, золотой и серебряный галун и прочая мишура влекут и пленяют женщин, некрепких разумом или не получивших должного воспитания, и способны сразить самую надменную, своенравную ветреницу».

Дело в том, что на рубеже веков в Англии сложился новый тип женщины. Это были жены и дочери преуспевающих дельцов из средних слоев. Их число увеличивалось как в Лондоне, так и по стране в целом. Как правило, такие женщины ничего не делали даже по дому, а отцы и мужья не принуждали их к какой-либо работе. Естественно, что спутниками пустого времяпрепровождения становились злословие и супружеские измены. Бесконечные визиты друг к другу, маскарады и ассамблеи, ставшие модными чаепития, во время которых обсуждались сплетни, позднее пробуждение ото сна и беготня по лавкам и магазинам, карточная игра — все это было присуще «новым» англичанкам. В прежние времена они занимались по большей части рукоделием, слушали, как читают другие, или читали в будуаре сами. Теперь же, по словам Р. Стиля, они «обсуждали до мелочей все, что им не нравится, или тех, чей дом они только что покинули». Разумеется, подобные занятия не требовали усилий ума или усердия.

Стиль и Аддисон беспощадно критиковали пороки, присущие «новым» англичанкам. Их журналы напоминали своеобразное зеркало, в котором английские дамы могла увидеть себя во всем «великолепии». Однако журналисты не ограничивались критикой. Они стремились через свои статьи руководить воспитанием и образованием юных леди. Журналисты публиковали списки книг, которые, на их взгляд, были не-

обходимы для женского чтения, давали советы относительно поведения в обществе, нарядов, занятий и т. д., делились своими размышлениями о любви, супружеской жизни, семейном счастье.

Рассуждая о браке, Стил писал, что все трудности жизни супруги должны делить сообща. Лучшее основание для брака, по его мнению, — это достойные качества супругов, и прежде всего их рассудительность и благоразумие. «Тот, кто ожидает счастья от чего угодно, но только не от добродетели, мудрости, доброжелательности, сходства характеров, глубоко заблуждаются», — утверждал журналист. Он полагал, что супруги никогда не должны давать выхода гневу в своих взаимоотношениях. Важную роль в создании благоприятного климата в семье он отводил женщине. Ее ласковое обращение только добавит ей шарма, считал Стил. В 144-м номере «Спектейтора» он дает описание идеальной женщины: «Она должна быть кроткого нрава, нежная и заботливая, во многом отличающаяся от мужа, но подчиняющаяся ему в такой мере, чтобы это подчинение сделало ее еще более любимой». И если жена не в состоянии справиться с дурным характером супруга, виной тому, утверждал Стил, недостаток ее женственности. Поэтому женщинам не следует жаловаться на свою семейную жизнь кому-либо: если что-то идет не так, то виноваты прежде всего они сами.

В журнале «Тэтлер» Стил останавливался на вопросе о брачном контракте. Хотя условия подобных контрактов нередко обеспечивали женщине экономическую независимость, он осуждал любые формы договоров между супругами. На его взгляд, заключение брачных контрактов превращает «красоту и добродетель в предмет купли-продажи», а это, в свою очередь, может привести к тому, что родители станут искать для своих чад партию, преследуя исключительно корыстные цели.

Аддисон также высказал соображения о супружеской жизни. Он полагал, что любовь и постоянство характерны для тех браков, которым предшествует долгое ухаживание, поскольку длительные ожидания укрепляют чувства влюбленных и рожают в их сердцах нежность к любимому человеку. При этом в браке должны сочетаться любовь и расчет. Брак по любви приносит наслаждение, а брак по расчету — приятную жизнь, но только брак, в котором есть и то, и другое, несет в себе

счастье. «Счастливый брак дает все удовольствия, приносимые дружбой, все радости, приносимые разумом и рассудком, словом, все прелести жизни», — констатировал журналист. Он признавал, что причиной несчастных браков чаще всего становится несходство характеров, которое проявляется после венчания. Ведь людей, обладающих многими добродетелями, необходимыми для счастливой семейной жизни, на свете значительно меньше, нежели тех, кто их лишен, — «на одного человека, обладающего всеми этими совершенствами, мы встречаем сто, которые их не имеют». Но, даже убедившись в недостатках или отсутствии желаемых черт характера у своего избранника или избранницы, не следует, по мнению Аддисона, расходиться. Лучше проявить «рассудительность и доброту», направив их на укрепление семейного очага. Рассудительность, говорил он читателям, «воспрепятствует вашим мыслям обращать слишком много внимания на неприятные черты, а доброта возбудит в вас нежное сочувствие и гуманность, и постепенно самые недостатки приобретут для вас свою прелесть».

Аддисон пытался показать, как выглядит идеальный брак, к которому должна стремиться каждая женщина. Его вымышленная героиня Аврелия «находит усадьбу в сельском уединении». Она проводит немало времени, гуляя в саду или в поле. Муж — ее ближайший друг. Он продолжает любить ее, как и в первые дни совместной жизни. Оба супруга наделены здравомыслием, добродетелью, взаимным уважением. «Жизнь их столь упорядоченна, молитва, трапеза, труд и развлечения чередуются столь разумно, что семья эта кажется маленьким государством». Супруги часто бывают в гостях, наезжают в Лондон, «где скорее устают, чем наслаждаются, так что с большим облегчением обращаются вновь к сельской жизни». Благодаря всему этому, заключает Аддисон, «они счастливы друг другом, дети любят их, слуги — почитают, и все, кто с ними знаком, завидуют им, а вернее, любят ими».

Чтобы усилить впечатление от положительного образа идеальной супруги, Аддисон в том же номере журнала описал полнейшую ее противоположность, получившую имя Фульвия. «Мужем она помыкает, как слугою, рассудительность же и рачительное домоводство считает мелкими, скучными и не-

достойными знатной дамы. Время, проведенное с семьей, она полагает потерянным впустую и видит себя удаленной от мира, если не пребывает в театре, в парке или в гостиной. Тело ее вечно в движении, мысли — в смятении, и ей не сидится нигде, поскольку, на ее взгляд, там, где ее сейчас нет, многолюднее и веселее. Пропустить премьеру в опере тяжелее для нее, чем потерять ребенка. Ей жалки все достойные представительницы ее пола, а женщину скромной, здоровой, уединенной жизни она именуется неотесанной и глупой. Как бы страдала она, если бы узнала, что, стараясь быть заметной, выставляет себя на позор и, пытаясь привлечь людей, вызывает лишь презрение». Не прибегая к прямым назиданиям, Аддисон предлагал читательницам самостоятельно подумать над тем, какой из героинь следует подражать.

Руководствуясь намерением просвещать юных дам в области морали, журналисты из номера в номер пытались дать им ориентиры. «Истинному счастью любезно уединение, — писал Аддисон в “Спектейторе”, — ему претят блеск и суета, а порождают его, во-первых, удовлетворенность собою, во-вторых — общество и беседа избранных друзей. Оно любит тень и одиночество, естественно тяготея к гротам и родникам, лугам и полянам... Ложное же счастье, напротив, предпочитает толпу, стремясь привлечь к себе внимание света. Собственного одобрения ему недостаточно, но необходимо восхищение прочих, и потому процветает оно при дворе, во дворцах и в театрах, на балах и ассамблеях и мгновенно исчезает, если его не заметят».

3. «Женские академии»

Даниеля Дефо

Убежденным сторонником предоставления женщинам права на образование был писатель, публицист и просветитель Даниель Дефо. В своей первой книге «Очерк о проектах» (1693 год) он среди прочих идей (создание государственного банка, строительство общественных дорог, организация обществ взаимопомощи и системы социального страхования и др.) предложил оригинальный проект создания академий как для юношей, так и для девушек.

Свой очерк о «женских академиях» Дефо начал с выражения недоумения по поводу недостаточного внимания общества к женскому образованию. «Мне часто приходит на ум, — писал он, — что одним из самых варварских обычаев в мире является то, что в нашей, считающейся цивилизованной и христианской стране мы отказываем женщинам в преимуществах образования». По Дефо, общество поступает по отношению к женщинам несправедливо. Девушек, конечно, обучают рукоделию, умению делать разные безделушки, чтению, но этого явно недостаточно. Ведь «душа человека подобна необработанному алмазу, который никогда не заиграет во всем своем блеске без огранки. Совершенно очевидно, что подобно тому, как обладающая разумом душа отличает нас от животных, так и образование составляет то отличие, которое делает одних менее похожими на животных, чем других». Дефо приводил высказывание одной дамы, которая испытывала большие страдания из-за того, что в юности не получила достойного образования. Эта дама была красива, обладала блестящим умом и незаурядными способностями, имела состояние, однако все это не приносило ей счастья, поскольку она чувствовала «недостаточность своего образования», когда ей доводилось вступать в светский разговор. «Я стыжусь говорить с собственными служанками, — признавалась леди, — поскольку не знаю, когда они поступают правильно, а когда нет. Видимо, для меня было бы полезнее посещать школу, нежели торопиться с замужеством».

Дефо полагал, что женщины от природы наделены большими, чем мужчины, способностями к учению, и может показаться, будто мужчины сознательно лишают их благ просвещения, дабы избежать провальной для себя конкуренции. Между тем, уверял просветитель, мужчины получают даже некоторые преимущества, если позволят женщинам постигать науки, поскольку образованная дама, обладающая к тому же хорошим воспитанием и приятными манерами, является существом «несравненным». Однако если женщину лишить образования, то очень скоро «природная острота ума сделает ее сумасбродной и болтливой». Недостаток образования лишь усугубит отрицательные черты характера женщины: «она делается буйной, крикливой, шумной, гадкой — сущим дьяволом». Хотя бы уже поэтому «ради самих себя» мужчинам следует беспокоиться образованием женщин.

Дефо не ограничивался общими рассуждениями о достоинствах образованных дам и том благе, которое принесет просвещение женскому полу. Он предложил план, согласно которому следовало открыть образовательные учреждения (академии) для девушек по одному в каждом графстве и десять — в Лондоне. При этом он критически отзывался об аналогичном проекте Мэри Эстелл, хотя и уверял читателей, что относится к ее идеям «с великим уважением». Дефо считал предложение Эстелл о создании «женских академий» по типу монастырей делом нереальным. По его мнению, «женская академия» не должна отличаться сколько-нибудь значительно от обычных государственных школ, дабы «пожелавшие в ней обучаться девушки могли бы воспользоваться всеми преимуществами образования, соответствующего их способностям». Дефо считал необходимым поддерживать строгую дисциплину в академии — даже более строгую, чем в обычной школе, — чтобы «высокородные» и богатые родители не опасались отдавать в них своих дочерей.

В своем проекте Дефо предусмотрел даже внешний вид «академии». Ее здание, воздвигнутое где-нибудь в уединенном месте, должно быть «оригинальным по форме», вдоль его стен следовало разбить сад. Проект предполагал немаловажную деталь: наличие крепостного рва и единственного входа в здание. Подобными мерами предосторожности Дефо надеялся обеспечить ученицам, с одной стороны, полноту свободы, чтобы не было «ни сторожей, ни глаз, ни шпионов, которые наблюдали бы за девушками», а с другой, — «удерживать мужчин на почтительном расстоянии».

Но поскольку в жизни добиться этого не всегда представлялось возможным, то Дефо, в качестве противоядия, рекомендовал почаще напоминать юным леди об их добродетелях.

Поступающие в «академию» ученицы должны были, по замыслу автора проекта, выполнить ряд условий. Прежде всего в письменной форме они подтверждали свое согласие подчиняться установленным в учреждении порядкам. Расходы на обучение за год вперед оплачивали их родители. Любая ученица могла покинуть стены «академии» досрочно, если намеревалась вступить в брак. Впрочем, случалось, что девушка, желавшая избавиться от назойливых притязаний «неприятной ей персоны», искала прибежище в стенах «академии». Де-

фо предусматривал подобный расклад событий и считал, что «академия» должна помогать девушкам в трудные минуты их жизни.

Касаясь учебной программы, Дефо оговаривал, что желал бы обучать девушек «предметам, соответствующим их уму и достоинству, и особенно музыке и танцам, ибо было бы жестокостью отказать в них прекрасному полу, поскольку это самые любимые из женских занятий». Важнейшим же в образовательном процессе Дефо считал развитие интеллекта учениц. Для этой цели он предлагал обучать девушек вести беседы на разные темы, чтобы развить в них «здравость суждений» и пристрастить к чтению серьезных книг. Не должно было обойтись, разумеется, без изучения иностранных языков, прежде всего французского и итальянского.

Французская исследовательница Г. Ледук, сравнивая проекты женских академий, предложенные М. Эстелл и Д. Дефо, отмечает, что они исходили из разных задач. Мэри Эстелл защищала права женщин на равенство с мужчинами и в женском образовании усматривала альтернативу браку. Дефо же смотрел на просвещение женщин с позиций своего пола: ему было приятно общаться с образованными леди, но совершенно не хотелось, чтобы в борьбе за свои права женщины противопоставляли себя мужчинам и отказывались от семьи.

4. Джонатан Свифт в роли наставника и учителя юных дам

Писатель-сатирик Джонатан Свифт не только выступал в защиту женского образования женщин, но единственный среди первых просветителей сам лично занялся воспитанием и образованием юных леди. Бесспорно, что педагогический опыт Свифта вызывает не меньший интерес, чем его взгляды на проблему женского образования.

В очерке «Об образовании леди» Свифт обратил внимание на то, что в английском обществе прочно утвердилось мнение: главная цель брака — это продолжение рода. Общество видит женщину прежде всего в качестве супруги, матери и домохозяйки, и при этом, пишет Свифт, она «ответственна за все, что происходит в семье». Большинство мужчин желают,

чтобы супруги подчинялись им беспрекословно. Даже принимать у себя визитеров либо наносить визиты самой женой может только с одобрения мужа. «Ее день целиком и полностью занят работой, — пишет Свифт. — Чем выше ее положение, тем шире круг ее обязанностей. Если семья — это прообраз королевства, то супруга подобна премьер-министру. Она должна выполнять распоряжения мужа, в свою очередь отдавая приказы нижестоящим, и отвечать за порядок перед мужем, как министр отвечает перед верховным правителем». Разумеется, столь плотный «рабочий график» не оставляет времени женщине не только на чтение, но даже на элементарный отдых. Тут уж не до серьезного образования...

Свифт утверждает, что мужья опасаются образованных жен, поскольку убеждены, что, научившись самостоятельно мыслить и рассуждать, женщина «приобретет нахальство», «начнет презирать собственного мужа и попадет на крючок первого щеголя, едва набравшегося знаний из книг». Домашние дела и воспитание детей будут заброшены; будуар такой дамы заполнят «слабоумные критики, ведущие беседы о последней увиденной пьесе или прочитанной поэме, а она будет внимательно запоминать все высказанные ими замечания, чтобы повторить их во время своего визита в компании, где всего этого еще не знают». В общем, ни к чему, по мнению мужчин, хорошему женское образование привести не может.

Подобное отношение общества к образованию женщин, на взгляд Свифта, приводит к самым плачевным результатам. В «Письме к очень юной леди по поводу ее замужества» он пишет: «Едва ли отыщется одна из тысячи дочерей джентльменов, способная читать или понимать свой родной язык или судить о самых простейших книгах, написанных на нем. Невыносимо слышать, как они коверкают пьесы и поэмы, каждое слово в которых вызывает у них заминку. Это неудивительно, ведь их не обучали ни в детстве, ни в зрелом возрасте». Свифт возмущается тем, что молодые девушки вместо того, чтобы учиться, растрачивают свою жизнь попусту в тщетных попытках понравиться мужчинам. Плохое образование и отсутствие должного воспитания у некоторых дам заставляли просветителя констатировать: «Женщины проявляют недюжинный ум, способности, удивительную память — и все для того, чтобы оставаться глупыми, ничего не делая для своего

совершенствования, чтобы сделаться умными и полезными. Когда я рассуждаю об этом, то не могу видеть в вас разумные существа, но только разновидность мартышек, не способных проделывать такие трюки, на которые горазды некоторые из вас».

Осуждая недостаточное внимание общества к женскому образованию, Свифт призывал мужчин более серьезно отнестись к этой проблеме. Ведь она затрагивает и их тоже, поскольку оба пола живут рядом. Свифт сравнивал количество образованных мужчин в Англии с числом получивших образование женщин и приходил к неутешительным выводам: половине аристократов и джентльменов суждено остаться холостыми либо жениться на дамах, которых они никогда не смогут уважать, поскольку «это будут глупые жеманницы, кокетки, картежницы, болтушки, несущие всякий вздор, великосветские лентяйки и пустышки, интриганки, провоцирующие скандалы и устраивающие истерики». Чтобы избежать подобных осложнений в жизни, Свифт настоятельно рекомендовал «сильному полу» заняться образованием женщин. И сам подал в этом пример.

У него, как уже говорилось, было две воспитанницы, по возрасту моложе его самого. Со Стеллой (Эстер Джонсон) Свифт познакомился в 1689 году в доме своего наставника и патрона, известного дипломата и просветителя Уильяма Темпля. Двадцатидвухлетний юноша очень скоро сделался учителем, наставником, а позднее и преданным другом Стеллы. Знакомство с Ванессой (Эстер Ваномри) произошло в 1707 году в Лондоне, куда она вместе со своей семьей переехала из Дублина. Для нее Свифт также стал учителем и другом.

Чему и как обучал Свифт юных леди? Обучение шло главным образом через книги и беседы. Чтобы лучше запоминать прочитанное, просветитель советовал делать выписки из книг. «Чтение — это единственное, что порождает здравый смысл», — отмечал Свифт в «Письме к очень юной леди». Он брал на себя задачу подобрать книги для своих учениц, полагая, что со временем они научатся это делать сами.

Надо признать, что обе воспитанницы Свифта неукоснительно соблюдали рекомендации любимого учителя и результаты обучения не заставили себя долго ждать. Стелла

освоила греческую, римскую, французскую и английскую историю, научилась прекрасно говорить по-французски, прочитала все лучшие книги о путешествиях. Она понимала философию Платона и Эпикура, обладала кое-какими сведениями из анатомии, а главное, имела вкус, как пишет Свифт, «во всем, что касается остроумия и здравого смысла, будь-то в поэзии или в прозе, и была превосходным критиком по части слога».

Не меньшими познаниями могла похвастаться и другая его ученица — Ванесса, о чем свидетельствует ее переписка со Свифтом. Ванесса была знакома с произведениями Ф. Ларошфуко, Б. Фонтенеля, М. Монтеня, прекрасно разбиралась в современной политике, достигла успехов в филологии, имела литературный талант и писала блестящие стихи. «Я восхищен вашими познаниями во французском языке, — писал ей Свифт. — Как после этого мне ни стыдиться, когда в сравнении с вами я владею лишь просторечным, да еще разве что гасконским. Орфография, слог, изящество, нежность и остроумие — решительно все безупречно». В одном из писем он признавался: «Я нарочно буду приходить к вам реже, дабы получить удовольствие от ваших писем».

Не менее важным для женского образования, чем чтение книг, Свифт считал постоянное общение с образованными людьми. «Я посоветовал бы Вам, чтобы дома Вас окружали по большей степени мужчины, а не женщины... — наставлял юную леди Свифт. — Хорошо также, если в компании окажутся представители обоих полов... Такое общение приятно и поучительно, собрание же одних дам — это школа наглости, нахальства и злословия, хуже которой ничего не придумаешь». Просветитель полагал, что общество образованных мужчин, рассуждающих о науках, искусстве, политике — материях, далеких от понимания многих юных девушек, тем не менее способно оказать им серьезную пользу. Свифт был уверен в том, что образованные люди не позволят себе вести беседы, непонятные юной даме, а, напротив, постараются найти такую тему для разговора, чтобы и она могла в нем принять участие. «Если они говорят о нравах и обычаях европейских государств, о путешествиях в дальние страны, о положении в собственной стране, о великих людях Греции и Рима, если они рассуждают об английских и французских писателях или

поэтах, о природе греха и добродетели, то для английской дамы будет стыдным не участвовать в подобных беседах», — писал он. Это много лучше, чем обсуждать с сидящей рядом дамой вопрос о том, «насколько тяжел новый веер».

Что касается религиозного воспитания, то Свифт, хотя был сам священником, избегал каких-либо прямых наставлений, но, подобно другим просветителям, придавал важное значение нравственному воспитанию девушек. Он неплохо знал высший свет и язвительно отзывался о дамах, которые заполняли королевский двор и светские салоны. Основным их занятием было посещение званых вечеров, пикников и театральных зрелищ. Свифт видел свою задачу в том, чтобы предостеречь юных воспитанниц от кокетства, жеманства, «преувеличенной стыдливости» и злословия, присущих великосветским бездельницам. В стихотворении, обращенном к Стелле, он писал: для девушки «инстанций выше чести нет». Важными чертами характера, по мнению Свифта, должны быть для юных леди терпение, стойкость, правдивость, благоразумие, справедливость, а также добронравие, «что лучше красоты».

Надо признать, что Свифт как воспитатель сделал немало для того, чтобы привить все эти качества своим воспитанницам. С явным удовлетворением он констатировал:

Честь в сердце Стеллы так сильна,
Что правда ей всегда видна,
Ей отвратителен обман,
И ненавистен ей тиран.
Дурной министр, дурной король
В ней вызывают гнев и боль.

В свою очередь, Стелла в стихотворении «Доктору Свифту в день его рождения» писала:

Меня вниманья удостой!..
Я презирала волокит,
Как презирать их надлежит.
Я знаю, в чем добро и зло —
Вот, что мою красу спасло.
Пускай тускнеет пламень глаз,
Есть пламень сердца про запас...

Нет, Стеллу годы не столкнут,
Законом сделай свой урок,
Чтобы мужчин смирить он мог
И просвещенный женский пол
Обрел бы снова свой престол.

Усилия наставника не пропали даром. В некрологе на смерть рано ушедшей из жизни Стеллы Свифт написал, что в ней «величайшая независимость суждения» сочеталась с «величайшим тактом». «Едва ли какое человеческое существо отличалось подобным изяществом в каждом жесте, слове, поступке, и никогда еще любезность, независимость, искренность и непринужденность не встречались в столь счастливом сочетании». В Стелле объединялись «мягкость нрава, как то и подобает даме» с мужеством, «достойным героя». Будучи человеком «обширных познаний и ума», она никогда не выставляла их напоказ. Она была прекрасной собеседницей, хотя и не очень «осведомлена в избитых темах женской болтовни», хула и клевета никогда не слетали с ее уст, хотя это не мешало ей открыто выразить свое презрение к фату. Горюющий по Стелле Свифт вспоминал ее деликатность и скромность, проявлявшуюся как в одежде (она «совершенно избегала тратить деньги на наряды»), так и в поведении. Другими «добродетелями» Стеллы были, по словам Свифта, честь, правдивость, щедрость и добронравие. Она была «самой бескорыстной из смертных». Благотворительность Стелла считала своим долгом, от которого ни под каким видом не желала избавиться.

Подробного портрета другой своей воспитанницы Свифт не представил, однако, судя по ряду его замечаний, можно утверждать, что и Ванесса отличалась не меньшими достоинствами. Пустые беседы, «коими пробавляются в обществе», вызывали у Ванессы «отвращение и презрение». Если она и выходила в свет, то только потому, что «так велел» ее наставник. О молодых людях и светских дамах Ванесса была невысокого мнения, поскольку они «ухмылялись и болтали наперебой» о вещах, совершенно непонятных для нее, а их манеры и жесты напоминали собой «ужимки павианов и мартышек». Светским приемам Ванесса предпочитала уединение, чтение французских романов и занятия литературным творчеством.

Примечательно, что проблема женского образования поднималась Свифтом не только в публицистике, но и в «Путешествии Гулливера». Его герой описывает общественные воспитательные заведения, в которые жители Лилипутии были обязаны отдавать детей обоего пола. Эти школы делятся на несколько типов, каждый из которых соответствовал полу и общественному положению детей. Обучаться должны все дети, за исключением тех, что происходят «из низов». Гулливер подчеркивает, что не заметил в Лилипутии никакой разницы в воспитании мальчиков и девочек. Для молодежи обоего пола обязательными там считаются «умеренность, трудолюбие, физические упражнения и опрятность», а мужские и женские школы отличаются лишь учебными программами. Так, физические упражнения для девочек менее сложны, и курс наук не так обширен, но добавляется курс ведения домашнего хозяйства, «ибо там принято думать, — замечает Гулливер, — что и в высших классах жена должна быть разумной и милой подругой мужа, так как ее молодость не вечна». В результате правильного воспитания «молодые дамы в Лилипутии так же стыдятся трусости и глупости, как и мужчины, и относятся с презрением ко всяким украшениям».

Свифт не оставлял без внимания и проблему любви и брака, отмечая в поэме «Каденус и Ванесса», что отношение в обществе к любви претерпевает изменения:

Теперь любовь не такова,
Какою прослыла сперва;
Благодаря стихам прелестным
Слыла любовь огнем небесным.
Который, встретив сходный дух,
Сливает воедино двух;
Единый в двух сердцах пылает,
Двух любящих испепеляет.
Чтут женщины другую власть:
Слепую низменную страсть.

Впрочем, и мужчины ведут себя не лучшим образом. В стихотворении «Стелле, собравшей и переписавшей стихотворения автора» Свифт пишет:

Привычкам верные своим,
Разнообразия хотим;
Подругу, друга и жену
Мы ценим лишь за новизну
И утешаемся подчас,
Мол, наилучшие при нас.
Жизнь, как заманчивый базар:
Отбросив хлам, найдешь товар.

Из-за такого отношения к браку в свете прочно утвердилось мнение, что:

Любовь слывет интрижкой мелкой,
Женитьба — денежной сделкой.

Возможно, именно подобные нерадостные размышления о браке побудили Свифта взяться за перо и написать «Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества». Обращаясь к адресату, он отмечает, что ее родители совершили ошибку, когда «пренебрегли воспитанием Вашего разума, без чего невозможно приобрести и сохранить дружбу и уважение умного мужчины». Ведь каждый муж хочет видеть в супруге верного друга на протяжении всей своей жизни. Исходя из этого, он дает юной леди советы, следуя которым та могла бы, как ему кажется, стать счастливой сама и сделать счастливым любимого человека.

В первую очередь Свифт рекомендовал молодой супруге «не спешить расставаться с образом скромной девственницы». Нередко вышедшие замуж дамы начинают «бросать дерзкие взгляды» и приобретают такую манеру разговора, как будто намереваются поведать всему свету, что не являются более девушками, а также что все их поведение до замужества было лишь «принуждением над природой». Однако, на взгляд Свифта, большинство мужчин с большей симпатией относятся к тем женщинам, которые, выйдя замуж, предпочитают сохранять свои «скромность и сдержанность», и посему он рекомендует юной леди придерживаться подобного поведения.

Свифт также советует юной супруге не демонстрировать нежных чувств к мужу, когда рядом посторонние. «Храните свои уважение и любовь к мужу в сердце, а нежные взгляды

и слова для более подходящих минут, коих сыщется немало в течение суток, — наставлял Свифт, — и наступит подходящее время для проявления той страсти, которую описывают во французских романах». Он предостерегает ее и от излишних беспокойств во время вынужденного отсутствия мужа. Обычно жены вздрагивают от каждого шороха за дверью, звонят без нужды в колокольчик, созывая слуг, ничего не едят за обедом и ужином и встречают своих мужей по возвращении с «шумным восторгом». А бывают и такие дамы, которые при отъезде мужей, «угрожая истерикой», требуют, чтобы те посылали им письма с каждой почтовой станции и объявляли заранее точную дату возвращения домой, невзирая на занятость, самочувствие, погодные условия и всякие случайности. Им тоже ни в коем случае нельзя уподобляться.

По глубокому убеждению Свифта в браке необходимо уважение, и поэтому он призывает юную леди «ценить и уважать своего мужа за достоинства, которыми он действительно обладает, не изобретая тех, коих он лишен». Чтобы самой добиться уважения мужа, Свифт советует молодой женщине направить усилия на приобретение тех достоинств, которые ее муж более всего ценит в людях, причем сделать это надо прежде, чем исчезнут «непостоянные достоинства» — «юность и красота». Только научившись самостоятельно обо всем судить и сделавшись «разумной спутницей» мужа, жена сможет завоевать его настоящее уважение, которое не исчезнет по прошествии лет.

Особое внимание Свифт уделял отношению юных леди к своему внешнему виду и нарядам. «Возможно, что Вы будете задеты, если я посоветую Вам умерить свою страсть к нарядам, которая является слабостью всех женщин... — писал он. — Пренебрегать модой нельзя, но следуйте за ней не спеша... Изысканные наряды еще не являются свидетельством Ваших достоинств. Они не сделают леди богаче, красивее, моложе, талантливее, добродетельнее или умнее».

Не последнее место в деле достижения понимания и благополучия в семье занимает, по мнению Свифта, правильное распоряжение деньгами. Он полагал, что юная супруга должна быть осведомлена о размерах годового дохода мужа, чтобы самой научиться «хорошенько считать» и содержать в надлежащем порядке дом и хозяйство. Свифт желал юной леди

не уподобляться тем дамам, которые считают хорошим тоном требовать от своих мужей нового экипажа, кружевной накидки или новой нижней юбки в то время, когда еще не уплачено мяснику и бакалейщику.

Не обходит своим вниманием просветитель и окружение юной леди. «Если Вам придется общаться с леди, которые ровня Вам или выше по положению и которые обладают отменной репутацией, то Вы можете чувствовать себя в безопасности. Свет считает это хорошей компанией». Однако Свифт опасается, что вряд ли можно будет найти «хотя бы одну приятельницу, от которой можно перенять что-либо, кроме щегольства, тщеславия, глупости, притворства и пороков», и потому не рекомендует следовать дамским советам. Выслушав их, юная леди должна все советы проигнорировать и «поступить вопреки им». Свифт высказывает надежду, что супруг юной леди «воспользуется своей властью», чтобы ограничить ее общение с подобными дамами, однако оговаривает, что этот совет не распространяется на истинных друзей молодой женщины. Впрочем, как бы леди ни заботилась о своем окружении и друзьях, ей надлежит хорошо запомнить, что главной целью ее жизни остается сохранение дружеского расположения и уважения собственного мужа.

Все рекомендации Свифта относительно женского воспитания и образования, как мы видим, распространяются лишь на представительниц высших и средних слоев. Что же касается простолюдинок, то, на взгляд Свифта, их образование не имело особенного значения для общества, учитывая то положение, в котором они пребывают. В одном из стихотворений, адресованных Стелле, Свифт изобразил портрет девушки «из низов», которая стала объектом любви некоего поэта. Просветитель сетовал на то, что этой «музе» приходится штопать чулки, стряпать, заботиться об угольке «для стынувшего камелька» — то есть делать вещи, весьма далекие от высокой поэзии. А вот что он пишет в «Дневнике для Стеллы»:

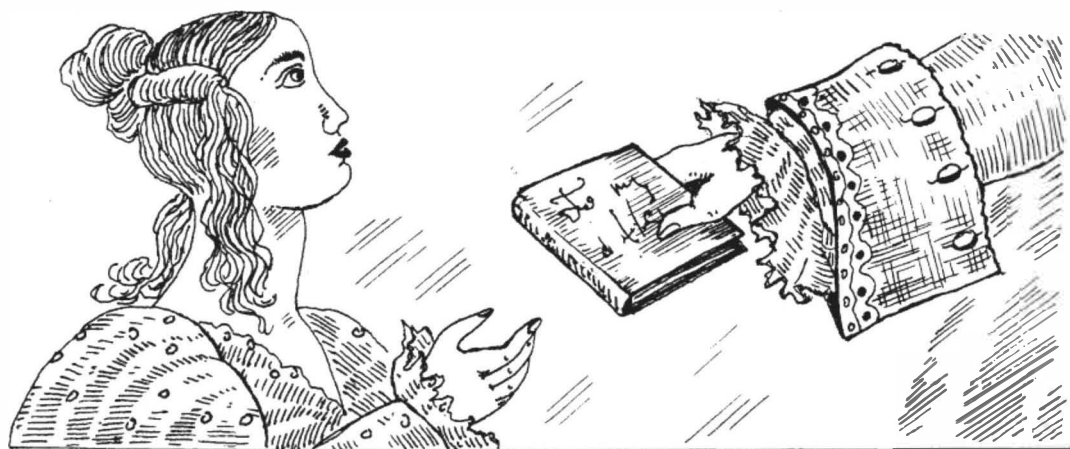
Разыщут Хлою поскорей,
А с нею пьянствует лакей.
Филлида штопает белье,
Забыв прибрать свое жильё.

Лен треплет Сильвия одна,
В кровоподтеках вся спина.
Ирида потеряла прыть,
Болезнь дурную трудно скрыть.

Это больше похоже на констатацию факта — интересы женщин-тружениц мало волновали Свифта, как и других просветителей. И в этом нет ничего удивительного, поскольку они были выходцами из аристократических или буржуазных семей. Отсюда проистекала и социальная ограниченность в освещении ими женской тематики, в том числе и проблем воспитания и образования девушек. Однако эта ограниченность не уменьшает важности вклада, который внесли просветители в дело образования подрастающего поколения. Своими произведениями они способствовали популярности образования в жизни женщин, создавали эталон для подражания в лице просвещенной леди.

Огромную роль идеологи просветительского движения сыграли в деле нравственного воспитания девушек. Они высоко ценили в женщине такие качества, как доброта, скромность, верность. Просветители предостерегали женщин от заключения брака из корыстных соображений и советовали выходить замуж по любви. И хотя они продолжали отстаивать подчиненное положение женщины в обществе, чем существенно отличались от ранних феминисток, их произведения помогали пробуждению самосознания англичанок.

Глава 6 Маркиз Галифакс и его «Новогодний подарок для леди»

Следует признать, что английские просветители отводили в своих трудах женской тематике далеко не первое место. Поэтому не стоит удивляться отсутствию специальных работ о женском воспитании и образовании, если не считать одного исключения — небольшой книги маркиза Галифакса «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери». Это произведение было очень популярно не только в Англии, но и за ее пределами. На протяжении XVIII века оно выдержало 25 изданий, было переведена на французский, голландский и другие языки. Столь живой интерес общественности к книге маркиза Галифакса вызван, на наш взгляд, прежде всего новизной ее тематики. Ведь эта книга, посвященная воспитанию юных аристократок, появилась намного раньше очерков Свифта, проекта о «женских академиях» Дефо, журнальных статей Стиля и Аддисона. Более того, именно произведение Галифакса оказало весьма заметное влияние на идущих за ним просветителей. Это особенно наглядно видно при его сопоставлении с очерком Свифта «Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества».

Книга Галифакса, к слову сказать, не потерявшая своей актуальности до сего дня, была далеко не единственным произведением маркиза. Ее автор представлял собой личность неординарную даже среди таких ярких фигур, как Локк, Дефо, Свифт, лорд Болингброк. Более того, можно утверждать, что Галифакс был одним из первых (если не самым первым) идеологом просветительского движения в Англии. Ну а если добавить к этому, что маркиз являлся не только оригинальным и интересным мыслителем, но и важной фигурой в государственной и политической жизни страны в правление Стюартов, то станет понятным, почему он заслуживает особого внимания исследователей. Между тем в нашей стране имя Галифакса до недавнего времени оставалось практически неизвестным даже специалистам.

Впрочем, даже для многих поколений англичан имя Галифакса оказалось, по выражению издателя его сочинений У. Рейлиха, «почти забытым», и это несмотря на то, что его сравнивают с одним из самых выдающихся просветителей европейского масштаба — лордом Болингброком. Рейлих даже приходит к выводу, что «социальные сентенции» и политические принципы маркиза отличались большей глубиной, нежели те, которыми был известен его прославленный соотечественник.

Высокую оценку Галифаксу дал известный английский историк Дж. Гуч, называвший маркиза «самым утонченным и оригинальным мыслителем эпохи Реставрации». Гуч ставит Галифакса рядом со знаменитым французским мыслителем Ф. Ларошфуко. Более того, на взгляд ученого, в стюартовской Англии вообще было только два выдающихся политических писателя — Томас Гоббс и... маркиз Галифакс.

Деятельность маркиза в качестве высшего государственно-го чиновника пришлась на время правления трех монархов, каждый из которых доверял ему самые ответственные посты в управлении. При Карле II Стюарте Галифакс был спикером парламента и королевским министром, при Якове II — президентом Тайного совета, при Вильгельме Оранском — лордом-хранителем малой печати. И, как признают историки, на всех должностях маркизу удавалось сохранить «значительность и авторитет». Галифакса уважали, с ним советовались, его в равной мере опасались, когда он был в оппозиции и когда находился на посту королевского министра. Все говорят

о его административных способностях. Английский историк викторианской эпохи Т. Маколей вообще замечал, что «между государственными людьми, окружавшими королевский двор, Галифакс “по гениальности” был первым».

Несмотря на то что зарубежные ученые признавали Галифакса оригинальным мыслителем, талантливым политиком и администратором, его творческое наследие слабо изучено. Пространная биография Галифакса, принадлежащая перу английской исследовательницы Г. Фокскрофт, да несколько статей — все, чем располагает мировая историческая наука об одном из первых идеологов европейского Просвещения.

1. Жизненный путь маркиза

Георг Севиль, первый маркиз Галифакс (1633—1695), родился на севере Британии, в Торнхилле (графство Йоркшир). Он происходил из знатного и богатого дворянского рода, который находился в родстве с самыми древними и известными семействами королевства. Родственниками Георга были лорды Шрусбери, Стаффорд, Шефтсбери, Сандерленд и многие другие видные государственные и политические деятели страны. Короче говоря, будущий маркиз был тесно связан со многими из тех, чьи имена «заполняли» английскую историю XVII века.

Отец Георга — Уильям Севиль был депутатом Короткого парламента, а затем мэром Шеффилда и Йорка. Роялист по убеждениям, он верой и правдой служил королю Карлу I. Но в самый разгар революционных событий тридцатилетний Уильям скоропостижно скончался, оставив огромные владения, которые не успел конфисковать Оливер Кромвель, в наследство сыну, который, достигнув совершеннолетия, стал одним из самых богатых людей в королевстве. Мать Георга — Энн Ковентри также происходила из знатного рода. Ее отец был лордом-хранителем малой печати. Отличавшаяся хрупким телосложением и слабым здоровьем она проявила мужество и решительность, когда на замок в Шеффилде, где проживала ее семья, напали отряды Кромвеля. Собрав всех своих слуг и домочадцев, Энн организовала оборону замка, сумев отразить атаки нападавших.

Воспитанием Георга и его начальным образованием Энн занималась сама. Она была убеждена в том, что сына следует держать в строгости, и умело контролировала учебный процесс. Высшее образование будущий маркиз получил в университетах Парижа и Женевы.

О молодых годах Севиля мало что известно. Как пишет мемуарист Дж. Эвелин, Георг был очень богатым, остроумным, а в юные годы «до некоторой степени положительным человеком». После реставрации монархии в 1660 году, когда на английский престол вступил сын казненного короля Карла I — Карл II Стюарт, Георг возвратился на родину и поселился в живописном местечке Рафффорд, что в Ноттингемшире. Он жил в замке, окруженном лесами, некогда принадлежавшими аббатству. К тому времени Георг уже обзавелся семьей, женившись в 1656 году на красавице Дороти, урожденной графине Сандерленд. Семейная жизнь складывалась удачно: у супругов родилось четверо детей — дочь Анна и трое сыновей. Однако в 1670 году жена Георга скоропостижно скончалась. Обремененный хлопотами по дому и заботами, связанными с воспитанием детей, он через два года женился вторично, взяв в жены младшую дочь графа Пьергонта из Торсби — Гертруду. От этого брака родилась дочь Елизавета, которой Галифакс и посвятил свое знаменитое произведение «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери».

Политическая карьера Севиля началась в 1664 году с его избрания в палату общин. На первых порах Георг особой активности в парламенте не проявлял, но постепенно освоился и, разобравшись что к чему, решил объединиться со своим родственником графом Ковентри и его другом графом Бэкингом. Благодаря их совместным усилиям премьер-министр страны граф Кларендон был вынужден подать в отставку. То, что Георг Севиль был очень богатым человеком, всегда служило прочным барьером для возникновения возможных слухов о его занятиях политической деятельностью из корыстных побуждений. Пожалуй, именно в силу его неподкупности палата общин назначила Севиля в 1668 году главой парламентской комиссии для разбирательства скандала, связанного с финансовыми злоупотреблениями на флоте. В 1668 году король пожаловал ему титул виконта, и новоиспеченный лорд переместился в верхнюю палату парламента.

Когда же высокопоставленный чиновник У. Темпль предложил королю свой проект о создании Тайного совета из числа самых богатых и влиятельных лордов страны, Карл изъявил желание, чтобы в его состав непременно вошел Галифакс. Требовательность, прямота и честность помогли ему быстро завоевать уважение коллег в палате лордов. «Его ум был плодovit, остер и обширен, — писал Т. Маколей. — Его изящное, ясное и одушевленное красноречие, при серебряных звуках его голоса, было наслаждением палаты лордов. Его разговор блистал мыслью, фантазией и остроумием». Галифакс встретил также самый радушный прием при дворе, где «прелесть его обхождения и беседы сделали его всеобщим любимцем». Он не нуждался в деньгах, но, как предполагал Маколей, «сан и власть сильно прельщали его». И хотя Галифакс утверждал, что расценивал титулы и высокие должности как «приманки» для глупцов и ненавидел «суету, пышность и торжественность», царившие при дворе, предпочитая всему этому уединение в замке родового поместья, его поведение, на взгляд историка, плохо согласовывалось с этими словами.

По долгу службы маркиз теперь вынужден был немало времени проводить в столице, и потому в 1673 году вместе с семьей он перебирается в только что отстроенный особняк на Кинг-стрит, в фешенебельном районе Лондона. Жизнь шла своим чередом. Авторитет Галифакса на поприще службы укреплялся день ото дня. Король доверял ему самые деликатные поручения: назначив тайным советником, направил с визитом во Францию, чтобы поздравить Людовика XIV с рождением сына, а заодно «провентилировать» вопрос об отношении французского монарха к заключению союза Англии с Голландией. После успешного завершения миссии король ввел Галифакса в состав комитета по внешней политике. В комитете Галифакс начинает тесно сотрудничать с известными государственными и политическими деятелями Англии — лордами Темплом, Эссексом, Шефтсбери. Все складывалось прекрасно, и, казалось, ничто не сулило плохих перемен. Однако происшедший в конце 70-х годов так называемый «исключительный кризис» многое изменил в судьбе маркиза.

В последние годы правления Карла II в стране произошло резкое обострение борьбы между партиями тори и вигов, вызванное нагнетанием антикатолических настроений в обще-

стве. Летом 1678 года священник Титус Оатс сообщил в Тайный совет, что располагает сведениями о якобы готовящемся заговоре католиков, которые вознамерились убить короля и возвести на трон его брата, известного своей приверженностью к католицизму герцога Йорка, будущего короля Якова II. Нелепые домыслы о заговоре вызвали в стране панику. Власти прочесывали дома католиков в поисках оружия. На улицах столицы день и ночь дежурили вооруженные отряды милиции. В условиях разыгравшейся в стране антикатолической истерии парламент занялся рассмотрением билля «О лишении герцога Йорка прав на престолонаследие». Этот законопроект, в свою очередь, послужил причиной острых дебатов в парламенте. Борьба сторонников и противников «исключительного билля», продолжавшаяся около двух лет, с 1679 по 1681 год, положила начало политическому кризису в стране, который в конечном счете завершился роспуском парламента.

Галифакс не остался в стороне от происходящих событий. Именно ему историки приписывают решающую роль в отклонении парламентом «исключительного билля». Хотя Галифакс осуждал католицизм, он тем не менее выступил против этого законопроекта, полагая, что его принятие приведет к гражданской войне в стране, тогда как все опасения за судьбу протестантизма в случае вступления на престол короля-католика можно устранить посредством введение особых ограничений его прерогативы. Поэтому, когда в октябре 1680 года билль «об исключении» в очередной раз обсуждался в палате лордов, Галифакс использовал все свое красноречие, чтобы повлиять на ход голосования. Как писал Маколей, маркиз защищал «дело герцога Йоркского» речами, которые даже по прошествии многих лет «помнились как образцовые произведения логики, остроумия и красноречия». Говорили, что именно благодаря ораторскому искусству Галифакса билль был отклонен большинством голосов. Так, на взгляд Маколея, «гениальность Галифакса поборола всю оппозицию». Однако подобный поступок Галифакса встретил неоднозначную реакцию. В то время как король в знак признательности пожаловал ему титул графа, многие посчитали Галифакса предателем.

Надо сказать, что отношение самого Галифакса к политическим партиям было непростым. Он высказывался про-

тив создания постоянных «враждующих лагерей» и не желал участвовать в их «неистовой борьбе». Он явно недооценивал роль партий в управлении государством, полагая, что без них вполне можно обойтись, и даже старался не упоминать их названий — так они были ему антипатичны, ему были противны «низкие уловки и неразумные крики их демагогов». Тем не менее Галифакс не сумел остаться в стороне от партийной борьбы, а вскоре и сам начал «обращаться в вигу», критически отзываясь об абсолютной монархии в Англии и защищая привилегии парламента. Он утверждал, что жизнь «не имеет никакой цены», если свобода и собственность граждан зависят от произвола «деспотического властелина». Это вызвало раздражение короля, которое к тому же подогревалось сетованиями его брата герцога Йорка, считавшего «неприличным» далее терпеть в должности лорда-хранителя малой печати человека с республиканскими взглядами, хотя, конечно же, маркиз Галифакс не был республиканцем.

Можно сказать, что среди политиков он занимал особое место. Маколей писал о Галифаксе: «Ум у него был острый, скептический, неистощимо плодовитый... вкус утонченный, чувство смешного необыкновенное, нрав тихий и миролюбивый, но разборчивый и отнюдь не расположенный ни к доброжелательству, ни к восторженному удивлению». Такой человек, на взгляд историка, не мог оставаться постоянным союзником какой-либо одной партии. Философский склад ума, сдержанный темперамент, изысканные манеры способствовали формированию Галифакса как умеренного политика. Он всегда был строг к союзникам и дружески относился к противникам. Постепенно маркиз сделался защитником «среднего курса и разумного компромисса». Однако стремление примирить враждующие стороны вызывало к нему недоверие со стороны обеих партий. «Когда он действовал заодно с оппозицией, — писал Маколей, — в нем подозревали придворного шпиона; когда же он присоединялся ко двору, все тори пугались его республиканских доктрин». Друг маркиза епископ Дж. Бернет говорил, что Галифакс не умел держиваться в политике твердой позиции и «менял позицию так часто, что в конце концов ни одна из сторон уже не доверяла ему». Недоброжелатели окрестили Галифакса «триммером». Однако маркиз не только не обижался на это прозвище,

но даже, напротив, им гордился. Для разъяснения собственной позиции Галифакс написал в 1684 году памфлет «Характер триммера», в котором выражал недоумение, почему столь «безобидным словом», как «триммер» («соглашатель»), называют «чудовище, которым впору пугать детей и женщин». Ведь «триммер» — это правильное размещение груза на судне с целью его уравнивания (одно из значений глагола *to trim*. — *Т. Л.*). Если пассажиры столпятся на одной стороне судна, то оно легко может опрокинуться, и, чтобы этого не допустить, используют противовес — «триммер». Применительно же к политической и общественной жизни «триммер» — это всего лишь «третье мнение», отличное от правительственной и оппозиционной точек зрения. Сочинение Галифакса, «содержательное и выразительное, наполненное мыслями и рассуждениями», Дж. Гуч расценил как «величайший политический памфлет XVII века».

После смерти Карла II в 1685 году на английский престол вступил его брат Яков II Стюарт. В правительстве начались перестановки, которые затронули и Галифакса. Новоиспеченный король вначале отобрал у маркиза малую печать, но затем назначил его председателем Тайного совета. «Я его хорошо знаю и не могу иметь к нему доверия, — объяснял Яков II свои действия. — Что же касается места, которое я ему дал, то оно только покажет, как мало он имеет влияния». Все это в конечном счете закончилось отставкой Галифакса, после чего, как писал Маколей, политики в Париже, Вене, Гааге принялись превозносить «ум и добродетели уволенного сановника таким образом, что в Уайтхолле очень обиделись». Отношения между королем и опальным министром еще больше ухудшились.

В свое время Галифакс, что называется, «спас корону» для Якова, выступив в парламенте против «исключительного билля», но его неприятие католицизма и абсолютизма, к которым благоволил король, привело маркиза в ряды оппозиции. Когда в 1687 году Яков издал Декларацию о веротерпимости, которая открывала широкие возможности для участия католиков в государственном правлении, Галифакс возмутился. В памфлете «Письмо к диссентеру» скрывший свое авторство маркиз утверждал, что вся религиозная политика короля построена «на парадоксах»: католиков он считает «друзьями

свободы», а всех протестантов причисляет к тем, кому не следует доверять. Галифакс призывал протестантов объединить усилия и оставаться «спокойными, стойкими и убежденными сторонниками своей религии и законов страны». Только тогда они смогут противостоять давлению со стороны короля и католицизм никогда не утвердится в Англии.

Памфлет вызвал большой резонанс. Двадцать тысяч экземпляров были распроданы мгновенно. Недоброжелатели и противники пустились в полемику с его автором, однако их аргументы публика сочла «неудовлетворительными и слабыми». Власти были крайне раздражены и не жалели, как писал Маколей, усилий для того, чтобы установить имя анонимного памфлетиста. Прямых улик против Галифакса не было, «обширность и острота ума», живость воображения, «изящный и энергический слог», «философское спокойствие» указывали на авторство маркиза.

Основные положения «Письма к диссентеру» нашли развитие в следующем памфлете Галифакса — «Анатомия эквивалента», опубликованном в 1688 году. Несколько «остроумно-логических и утонченно-саркастических страниц» памфлета, на взгляд Маколея, положили конец «пустым проектам» короля. В этом сочинении Галифакс рассуждал о «договорном» происхождении королевской власти, о недопустимости изменения или упразднения существующих в стране законов по воле короля, о том, что парламентарии не вправе идти на уступки монарху и изменять законы без желания народа, иначе это будет похоже на «торговую сделку». Галифакс подчеркивал, что только закон способен предотвратить насилие и гарантировать безопасность свобод и собственности подданных от посягательств монарха.

Хотя Галифакс и осуждал политику, проводимую Карлом II и Яковом II, тем не менее он не принимал участия в заговорах, направленных на их свержение. Когда заговорщики-виги О. Сидней, лорды Рассел и Шрусбери попытались в 1683 году привлечь маркиза в свои ряды, Галифакс дал им ясно понять, что не желает быть посвященным в намерения своих «отважных и пылких друзей». Но когда заговор раскрыли и над его участниками нависла смертельная опасность, то Галифакс одним из первых выступил в их защиту. Отказался маркиз и от участия в заговоре в интересах дочери Якова II —

Марии и ее супруга Вильгельма Оранского. Вероятно, слухи об этом дошли до короля, поскольку вскоре Яков избрал маркиза на роль посредника в диалоге со своими политическими оппонентами. Однако возможности для миротворчества уже были упущены. В стране нарастало всеобщее недовольство политикой короля. Дошло до того, что младшая дочь Якова — принцесса Анна и главнокомандующий армией У. Черчилль, будущий герцог Мальборо (предок знаменитого премьер-министра Великобритании У. Черчилля. — *Т.Л.*), бежали в Голландию под покровительство Вильгельма Оранского. После этого Яков собрал на совет влиятельных лордов, от имени которых с пространной речью выступил Галифакс. В выражениях, «исполненных сочувствия и уважения», маркиз говорил, что король должен приготовиться к «великим жертвам»: созвать парламент, приступить к переговорам с принцем Оранским, а также устранить главные из «злоупотреблений», на которые жаловался народ. Яков на первый взгляд внял его словам и направил депутацию к своему зятю — Вильгельму Оранскому. Входивший в ее состав Галифакс вручил голландскому принцу письмо короля.

По возвращении из Голландии Галифакс занял пост председателя временного правительства. Он искренне верил в то, что сумеет добиться соглашения между королем и принцем, однако неожиданно узнал, что Яков вовсе не думал соблюдать условий, о которых упоминал в своем письме, и что посольство в Голландию было чистейшей воды «надувательством», а сам маркиз служит всего лишь орудием в королевских интригах. Возмущенный Галифакс отказался, как писал Маколей, «от прежней мысли о примирении». Как только новость о высадке принца Оранского в гавани Торби достигла Лондона, епископы и несколько видных лордов приступили к переговорам с Яковом, пытаясь убедить его «не допустить кровопролития в стране». В это же время Вильгельм направил в Лондон послание, в котором просил Галифакса повлиять на короля с тем, чтобы тот «ради спокойствия города и личной безопасности» покинул страну, а сам отдал приказ своей армии идти на Лондон. Напуганный король бежал во Францию. Так в Англии совершилась Славная революция, столь возвеличенная британскими историками за свой бескровный,

мирный характер в противоположность «кровавому мятежу» 40-х годов XVII века.

Вступив в Лондон и расположившись в покоях королевского дворца, Вильгельм пригласил для аудиенции известных лордов, которым сообщил, что намерен просить их содействия в гражданском правлении и созыве «свободного парламента». Председателем палаты лордов, а затем и спикером парламента единодушно избрали Галифакса. Маркизу поручили почетную миссию вручить новоиспеченным монархам — принцессе Марии и ее супругу Вильгельму Оранскому корону. Позже король назначил его лордом-хранителем малой печати с солидным годовым доходом.

Поначалу взаимоотношения Галифакса с королем были весьма доверительными, и на маркиза все смотрели как на главного советника Вильгельма. Однако вскоре его блистательная карьера дала трещину. Галифакс все больше разочаровывался в политике, которую проводил король. Ему не нравилось, что Вильгельм щедро раздаривал земли и должности тем, кто сослужил ему «добрую» службу во время Славной революции. «Да, гуси спасли Рим, но я не помню, чтобы их за это произвели в консулы», — как-то по этому поводу обмолвился Галифакс. Летом 1689 года недоброжелатели и завистники маркиза предприняли попытку устранить его с занимаемой должности, обвинив в «неудовлетворительном положении дел в Ирландии», где сторонники свергнутого Якова подняли восстание. Вины Галифакса в неудачах англичан в Ирландии обнаружить не удалось, и палата лордов его оправдала, однако принципиальный маркиз все равно подал в отставку и отошел от дел, уединившись в родовом поместье Роффорд.

Тихие рощи, окружавшие старинный замок, располагали к литературной деятельности. Из-под пера Галифакса один за другим появляются настоящие шедевры публицистики: «Черновой набросок новой морской системы», «Советы избирателям парламента», «Мысли и рассуждения о политике», «Государственные принципы», «Мысли и рассуждения о морали», собрание афоризмов под названием «Мысли и рассуждения о разном». Судя по названиям работ, все они написаны на основе личного опыта, наблюдений и суждений о людях, с ко-

торыми довелось общаться маркизу, и о событиях, очевидцем которых он становился.

Ученые XX века высоко оценили литературные творения Галифакса. Гуч отмечал, что хотя маркиз и не создал какого-нибудь объемного труда, однако его сочинения содержали «больше мыслей и рассуждений, нежели иные произведения подобного рода во всей английской политической литературе». На взгляд Рида, все произведения Галифакса, написанные на основе его практической деятельности, — это «плод рассуждений политического мыслителя». Рейлих называл маркиза «совершенным писателем», но считал, что более всего Галифаксу удавались произведения, которые не касались политики. Самое «притягательное» сочинение Галифакса, на его взгляд, — «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери». В совокупности же произведения Галифакса поставили его в один ряд с выдающимися просветителями Англии.

Последние годы жизни Галифакс провел в Эктоне, неподалеку от Лондона. Когда возникала необходимость, он отправлялся в столицу, чтобы принять участие в голосовании по законопроектам, обсуждавшимся в парламенте. Особенно активную роль маркиз сыграл во время обсуждения в парламенте билля о возобновлении цензуры в печати. Закон о цензуре был принят еще Карлом II в 1661 году, но во время Славной революции его действие в значительной мере ослабло. Участвуя в прениях, Галифакс выступил с резкой критикой возобновления цензуры. Он заявил, что билль направлен против общественных интересов, поскольку подчиняет всю информацию «деспотической воле корыстного и невежественного цензора». Благодаря активной позиции Галифакса и других видных деятелей Просвещения, прежде всего Дж. Локка и Д. Дефо, свободу слова в Англии удалось отстоять.

В 1695 году сын Галифакса лорд Ирланд обручился с леди Мэри Финч, дочерью давнего друга маркиза — графа Ноттингема. Приближалась их свадьба, однако тяжелая болезнь, внезапно настигшая маркиза, помешала ему прибыть на брачную церемонию. Врачи вынесли суровый приговор: ему оставалось жить всего несколько часов. Галифаксу предложили поехать за сыном, однако он, приняв известие о приближении смерти «со спокойным мужеством», не пожелал расстраивать

свадьбу. Он распорядился, чтобы его похоронили «без всякой пышности», и тихо скончался. Похоронили Галифакса в Вестминстерском аббатстве. Его потомство по мужской линии вскоре пресеклось, и титул никто не унаследовал, однако «остроумие и красноречие» маркиза досталось в наследство внуку, сыну дочери Елизаветы — Филиппу Стенхоупу, четвертому графу Честерфилду.

Современники высоко оценили талант и достоинства маркиза. Поэт Дж. Драйден, восхищенный умом, мужеством и красноречием Галифакса, посвятил ему свою драматическую оперу «Король Артур». Епископ Бернет вспоминал о своем друге как о человеке незаурядном, остроумном, «расположенном к сатире», приятном в общении и большом жизнелюбе. Он обращал внимание на честность, неподкупность, справедливость Галифакса, говорил о его таланте администратора. Единственное, чего так и не смогли современники маркиза оценить должным образом, так это позицию «тримера», хотя именно следование правилу всегда выступать в защиту «среднего курса и разумного компромисса» выдвинуло Галифакса на первые роли в политической жизни Англии второй половины XVII века.

2. «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери»

Низкий уровень образования даже у многих аристократок и падение общественной нравственности не могли оставить равнодушным Галифакса-просветителя и Галифакса-отца. Считая дочь главным объектом своего внимания и заботы, Галифакс создал для нее собственную систему воспитания. Умудренный житейским опытом, маркиз хорошо понимал, что без соблюдения определенных правил поведения молодой девушке придется в жизни нелегко. Он допускал, что какие-то из этих правил могут вызвать протест со стороны дочери, но тем не менее считал, что их неукоснительно следует исполнять. Если же дочь не оставит своих возражений, то он считал себя вправе прибегнуть к отцовской власти. Признавая, что не все сказанное в «Наставлении» может быть доступным для понимания молодой девушки, Галифакс все же

высказывал надежду на то, что по мере взросления она научится «понимать смысл сказанного».

Главное место в «руководстве поведением» девушек должна занимать, по мнению Галифакса, религия. Для юной леди религия — «это главное, что необходимо». Галифакс напоминал дочери, что «религия менее всего состоит из громких возгласов, благочестивых поклонов в церкви и неистовых молитв», поэтому в церкви, на публике, следует оставаться «строгой и спокойной», молиться в тиши и не допускать экзальтированного поведения, которым грешат подчас иные дамы, вызывающие только смех и осуждение со стороны окружающих.

Полагая, что счастье женщины во многом зависит от того, как складывается ее семейная жизнь, Галифакс давал дочери ряд советов и по этому поводу. Признавая, что женщина в браке занимает подчиненное по отношению к мужу место, Галифакс утверждал, что она от этого только выигрывает, поскольку при любых затруднениях может воспользоваться своими природными слабостями: «Вы обладаете большей силой своих глаз, нежели мы, используя свои законы, и большей властью благодаря своим слезам, нежели мы — своим аргументам». Проявляя уступчивость, мягкость, нежность, женщина способна без труда подчинить «своего господина».

Галифакс отмечал, что «одним из серьезных неудобств» является то, что девушкам редко позволяют самостоятельно выбирать спутника жизни. Чаще всего это делают за нее родители или ближайшие родственники. Благовоспитанность девушки не позволяет ей отказаться от подобных рекомендаций, даже если внутренний голос порой противится этому выбору. Девушка вынуждена подчиниться своей судьбе, и в результате ее нелюбовь к мужу со временем перерастет в отвращение к нему, а семейная жизнь становится сущим адом. Галифакс соглашался с тем, что законы брака более строги по отношению к женщине, поскольку требуют ее подчинения мужчине. Да и само слово «подчинение» отнюдь не является «благозвучным», особенно оно ненавистно «экзальтированным дамам», которые противопоставляют его «фальшивому понятию всеобщего равенства». По-видимому, здесь маркиз вспомнил о высказываниях Мэри Эстелл. Он признавал, что мужчины нередко поступают по отношению к сво-

им женам как тираны, но «институт брака столь священен, что вряд ли можно протестовать против него. Поэтому, — наставлял он дочь, — ты... должна исполнять все, что диктуют закон и обычаи, и не воображать, что их можно изменить по собственному вкусу». Впрочем, полагал маркиз, из всякого правила бывают исключения, и если женщина испытывает ужасные страдания от семейной жизни с мужем-тираном или просто нелюбимым человеком, то она вправе развестись. Подобные высказывания просветителя требовали определенного гражданского мужества. Ведь Галифакс не только ставил под сомнение правила общепринятой морали, но, что могло вызвать серьезные опасения у церковников, подрывал религиозные устои, согласно которым брак совершается на небесах.

Наставляя дочь в том, как лучше ей устроить в будущем свою семейную жизнь, Галифакс давал ряд конкретных советов. Он предлагал не искать причины семейных неурядиц в неверных поступках мужа и не упрекать его в каких бы то ни было проступках. Ведь если он умен, то исправится сам, а если глуп, то никакие попреки ему не помогут. Не следует также распространяться в поисках сочувствия о своих семейных неурядицах в обществе. Это скорее приведет к обратному результату, и женщина сама делается посмешищем и объектом пересудов.

Особое внимание в книге Галифакс уделил пристрастию мужей к выпивке. Если муж злоупотребляет спиртным, то жене следует быть «мудрой и терпеливой», считал Галифакс. В этом случае «вино заставит его не замечать твоих ошибок, а также подмечать и приукрашать все твои достоинства. Другие люди, возможно, будут любить его меньше, а по этой причине он станет лучше относиться к тебе». И вообще, заключал маркиз, «меня так и подмывает сказать... что супруга должна благословлять Господа за то, что ее муж имеет недостатки», ведь «муж без недостатков — это опасный наблюдатель», который будет относиться к проступкам своей супруги со всей строгостью.

Галифакс считал необходимым для молодой супруги заручиться расположением друзей мужа, которые нередко смотрят на нее как на неприятеля, вторгшегося в чужие владения. «Ты должна помнить, — предостерегал он дочь, — что муж-

чина, которым руководят его друзья, очень часто “подогревается” ими». Поэтому друзьями супруга пренебрегать нельзя ни в ком случае. Наконец, не следует упускать из виду слуг (в особенности служанок), которые его обслуживали до женитьбы. Лучше всего заручиться их доверием и расположением, а также пригласить в дом новых «служанок из числа замужних женщин, которые были бы преданы тебе».

Большое внимание уделял Галифакс управлению домом и отношениям с детьми. Он считал, что «манкирование подобными обязанностями» может повлечь за собой непоправимые последствия. Ведь если муж придет к заключению, что в доме нет порядка и покоя, то на этой почве, скорее всего, возникнут серьезные осложнения. Между тем некоторые замужние женщины полагают, что вряд ли стоит расходовать энергию и «наживать морщинки» из-за таких «обыденных предметов», как дом и семья. Гордыня и тщеславие приводят их к заключению, что семейные заботы не предназначены для «настоящих леди». В связи с этим Галифакс напоминал, что даже «великие принцессы» не гнушались исполнять свой семейный долг, дабы «сохранить уважение» окружающих, хотя порой это наносило урон их государственной деятельности. «Должен сказать тебе, — обращался к дочери маркиз, — что уважение не может быть продолжительным, его мы должны заслужить своими поступками, в определенной мере полезными тем, от кого этого уважения добиваемся... Ведь нельзя добиться почтения даже от детей и слуг, если не думать об их благе».

Галифакс давал рекомендации, каких принципов должна придерживаться мать в отношениях со своими детьми. Следует постоянно следить за своим поведением, сдерживать гнев и раздражение, быть терпимой и доброжелательной к детям. В то же время надлежит заботиться о том, чтобы дети подчинялись матери. Научить их этому можно, если в раннем возрасте, окруженные заботой и лаской матери, они полюбят ее так, что в будущем будут исполнять все ее требования. Галифакс не советовал выделять среди детей любимчиков. Впрочем, это больше касалось дочерей, так как воспитание сыновей, по его мнению, следовало доверять отцам.

Надо отметить, что рекомендации Галифакса относительно взаимоотношений с детьми не были исчерпывающими.

ми. Они не охватывали всего воспитательно-образовательного процесса, через который проходили дети аристократов. И в том не было ничего удивительного, поскольку воспитанием в их домах занимались, как правило, гувернеры. Материнское влияние на детей, которые с младенчества находились на попечении кормилицы и няни, было весьма ограниченным. Кормилицами же, как правило, были неграмотные простолюдинки, которые, по словам философа Джона Толанда, «с молоком передавали младенцам свои заблуждения». Влияние кормилиц усугублялось воздействием «ленивых и невежественных» слуг. Более или менее серьезное образование и воспитание начиналось тогда, когда повзрослевшие дети переходили на попечение гувернеров и гувернанток. Образовательный процесс обычно контролировали отцы, и поэтому неудивительно, что в аристократических семьях функции матерей нередко ограничивались лишь деторождением.

«Семейная» тема в книге Галифакса завершалась наставлениями относительно ведения бюджета. Тратить деньги «с умом» — это целая наука, тем более что речь идет не только о кошельке мужа, но и о его доверии, которое, замечал маркиз, вернуть гораздо сложнее, нежели растраченные деньги. А поскольку у многих женщин основные денежные траты приходятся на наряды, то Галифакс не обошел вниманием и эту тему. Он рекомендовал дочери избегать в нарядах «слишком кричащего и вычурного», советовал со вкусом подбирать украшения, не злоупотреблять драгоценностями и носить то, что отвечает «положению в обществе и состоянию». На его взгляд, следует руководствоваться принципом «ничего нет прекраснее того, что уместно». Впрочем, лучше тратить деньги на украшение собственного дома, чем на наряды. Благоустроенный и ухоженный дом, считал маркиз, придаст больше веса хозяйке, нежели сверкающие на ней украшения. Галифакс предостерегал дочь от приобретения вещей, которые покупаются только потому, что таковые имеются у кого-то. В действительности необходимых в быту вещей «бывает очень немного». Поэтому Галифакс советовал дочери, прежде чем сделать покупку, хорошенько подумать над тем, так ли уж нужна ей та или иная вещь, которую она собирается приобрести. Маркиз подчеркивал, что право совершать большие траты в хозяйстве остается за супругом

и потому не дело жены брать на себя обязанности, которые принадлежат мужу. Как видно, в решении финансовых вопросов Галифакс отнюдь не поддерживал равенство женщин с мужчинами.

Помимо рекомендаций о браке, семье, детях, в книге Галифакса содержится интересный материал о том, как юную леди готовили к выходу в свет. Это событие, на взгляд маркиза, было «опасным шагом» для девушек, и он призывал их проявлять осмотрительность и руководствоваться определенными правилами поведения, дабы сохранить незапятнанной свою репутацию. Не следует никогда забывать о своем добром имени, «особенно если в дело вступает мужское тщеславие или женское коварство». Галифакс стремился уберечь дочь от влияния ветреных молодых людей, у которых на уме одни лишь развлечения. Он наставлял дочь: «Ты должна быть осторожной и не доверять подобным лицемерам, бросая тень на свою репутацию, что может глубоко оскорбить тебя, даже если твоя совесть и чиста». Маркиз советовал также избегать общества дам, которые из злобы или соперничества «не упустят случая, чтобы не навредить другим». Он также предостерегал дочь от опасных последствий кокетства: «Следи за выражением своих глаз и помни, что один неосторожный взгляд скажет больше, чем сотня незначущих слов, — подчеркивал он. — Язык взглядов более значителен и выразителен». Не стоит кокетничать и флиртовать с мужчинами, поскольку даже самый галантный из них, поначалу представлявшийся «трофеем», вскоре сам «становится завоевателем», одерживает победу и из «вздыхателя превращается в господина». Следует «поэтому быть всегда настороже», — предостерегал дочь Галифакс.

Что касается манер поведения в свете, маркиз давал совет быть любезной, но избегать чрезмерной болтливости. Ему представлялось нелепым поведение дамы, которая болтает без умолку и не дает собеседнику вымолвить и слова. Для дамы из высшего света считается неприличным слишком громкий смех или разговор. Кроме того, надо помнить, что для каждого возраста свойственен свой стиль поведения, и поэтому, когда придет время, «не следует уподобляться пятидесятилетним дамам, которые решили навсегда остаться молодыми, тогда как железные зубы свидетельствуют об ином». Живость,

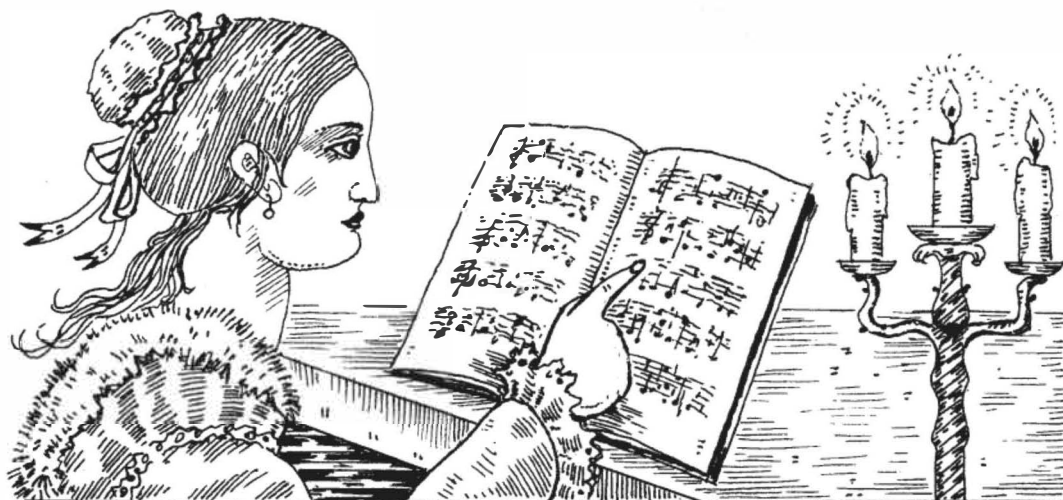
игривость, излишняя веселость матроны выглядят комично, и «престарелая бабочка» вызывает только смех.

«Закончу я свое повествование тем, — пишет Галифакс, — что дам тебе мудрый и надежный совет по поводу проведения досуга». Развлечения, на его взгляд, необходимы, но в то же время нельзя превращать свою жизнь в сплошную цепь забав. Он с явным неодобрением говорит о леди, которых «специально отбирают для участия в веселых пирушках, как секундантов для дуэли». Эти женщины без дела слоняются в Гайд-парке, ловя восторженные взгляды проходивших мимо мужчин; а зимой превращают свои гостиные в игорные салоны. Ничего хорошего из такого времяпрепровождения получиться не может. Конечно, «собирать компании позволительно», но при этом необходимо тщательно выбирать друзей. С выбором подруги лучше не торопиться — сближение с ней должно быть постепенным. Но если подругу в чем-то обвинили, не следует спешить присоединиться к тем, кто это делает, как не надо и слишком активно ее защищать. Ведь если обвинения окажутся небеспочвенны, дурная слава приятельницы может бросить тень и на ее защитницу.

Галифакс мечтал о том, чтобы дочь стала достойным «украшением своей семьи и примером для всех женщин» и могла гордиться мужем, а он, в свою очередь, оценил ее добродетели, которые унаследуют их дети. Маркиз желал, чтобы дочь сияла «истинным светом» и разум сопутствовал ей. Но «разум без добродетели пуст, а добродетель слаба, — заключал Галифакс, — так пусть же они объединятся в тебе и никогда не расстанутся, позволь им быть твоими ангелами-хранителями, и они не оставят тебя своим покровительством».

Книга Галифакса «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» сохраняла свою актуальность на протяжении целого столетия. Она оказала большое влияние на потомков маркиза — дочь Елизавету и ее сына. В 1692 году Елизавета вышла замуж за третьего графа Честерфилда, а вскоре родила сына — четвертого графа Честерфилда, которому суждено было стать автором произведения «Письма к сыну», получившего известность даже бóльшую, чем книга его знаменитого деда.

Глава 7 Английский «след» в культуре российского Просвещения

1. Восприятие британской культуры в России в правление Петра I и Екатерины II

XVIII век вошел в историю мировой цивилизации как «век Просвещения». Идеологическая платформа Просвещения включала в себя теории «естественного права», «общественного договора», «разделения и равновесия» властей, «сопротивления тирании», а также демократических свобод. Особую ценность в интеллектуальном движении этого времени представляли гуманистические идеи, и прежде всего концепция воспитания и образования подрастающего поколения. Просвещение в XVIII веке, по сути, приобрело статус международной культуры.

Англия с динамично развивающейся экономикой, прогрессивной политической структурой, богатой культурой представлялась иностранцам на рубеже XVII–XVIII веков образцом для подражания. Дипломаты и купцы, литераторы и путешественники, государственные чиновники и студенты

из разных стран, побывав в Англии, доносили информацию о жизни англичан до своих соотечественников. В свою очередь, жители Британских островов также все чаще посещали европейский и американский континенты. Все эти контакты способствовали установлению культурного диалога.

История взаимоотношений Британии и России насчитывает почти пять веков, но на прочную основу они встали только в XVIII веке, в правление Петра I и Екатерины II. Английское (ряд ученых добавляют: и шотландское) Просвещение сыграло в интеллектуальном развитии российской элиты XVIII века ничуть не меньшую роль, чем французское. Когда обозначились первые результаты петровских реформ, стало ясно, что наибольшие заимствования были произведены из британского опыта. После посещения Петром I в 1698 году Англии британский след в России проявился в создании морского флота, артиллерии, промышленных мануфактур, делопроизводстве, церковной и финансовой реформах.

Плодотворно британское влияние сказалось на развитии культуры, и в первую очередь образования, в России. Как писала современная исследовательница Л. А. Черная, Петр I «выработал механизмы освоения новой культуры в разных социальных слоях. Среди этих механизмов важнейшими были система образования, книжное дело, массовые зрелищные формы (празднование побед, публичный театр, ассамблеи, фейерверки и т. п.). Все они функционировали под постоянным контролем и давлением государственной власти, прибегавшей то к поощрениям, а чаще к наказаниям за нарушения царских указов в области культуры».

«Поскольку царь очень близко к сердцу принимал благополучие и возвышение своего народа, — свидетельствовал шотландский офицер Питер Брюс, — он не упускал ни единой возможности к просвещению подданных». В 1714 году царь, который большое значение придавал созданию начальной народной школы, издал указ об открытии цифирных школ. И к концу его царствования в России насчитывалось уже до полусотни таких учебных заведений, в которых обучали грамоте, письму, арифметике и геометрии. Однако превратить их во всенародные Петру I так и не удалось: в цифирных школах обучались по преимуществу «дьячие и подьяческие» дети. Необходимость в технических знаниях потребовала откры-

тия в столице ряда училищ — медицинского, артиллерийского, инженерного.

Образовательная система при Петре I в целом строилась, как отмечала Л. А. Черная, по образцу западноевропейской. Она носила светский характер и имела три ступени: низшую («цифирные школы», начальные общеобразовательные классы специальных училищ); среднюю (специальные учебные заведения профессионального характера) и высшую (Академия наук). По указу царя были открыты навигацкая и математическая школы, обучение в которых осуществлялось под руководством выходцев с Британских островов — профессоров Г. Фаркерсона, С. Гвина и Р. Грейса.

В правление Петра I были предприняты также первые шаги в организации женских образовательных учреждений по примеру тех, что существовали в Англии. Один из сподвижников Петра I Федор Салтыков в труде «Пропозиции» так же, как Д. Дефо в проекте о «женских академиях», предложил в каждой губернии открыть по две женских школы, разместив их в помещении бывших монастырей. Подобные учебные заведения необходимы, писал Салтыков, «чтобы и женский наш народ уравнился с европейскими государствами равно». Автор рекомендовал набирать в школы девиц от шести до пятнадцати лет и обучать их чтению, письму, «цифири», а также французскому и немецкому языкам, живописи, музыке, танцам. И все это «для домоводства, изящества, для забавы и веселого обхождения в компаниях». Позднее с проектами женских семинарий выступил В. Татищев.

Заметим, что дочери Петра I — Анна и Елизавета получили принятое для европейских принцесс образование: знали иностранные языки, были обучены светским манерам, танцам. Став императрицей, Елизавета Петровна вспоминала, с каким интересом отец следил за их образованием, как он заходил в комнаты дочерей, чтобы узнать, что они выучили за день. «Если он был доволен, — продолжала свое повествование принцесса, — то я удостоивалась его похвалы, сопровождавшейся поцелуем, а иногда и подарком». Елизавета вспоминала, как сильно сожалел Петр о недостатках собственного образования. «Отец мой часто повторял, что отдал бы палец, только бы образование его не было таким запущенным. Ни

одного дня не проходило, чтобы он не сокрушался по этому поводу».

В петровскую эпоху русские дворянки еще не имели возможности получать образование в учебных заведениях. Как правило, они учились дома под присмотром иностранных наставников. Голштинский дворянин Ф. В. Берхгольц, много лет проживший в России, обращал внимание на преимущества такого вида образования: «Надо отдать справедливость здешним родителям: они не щадят ничего для образования своих детей. Вот почему и смотришь с удивлением на большие перемены, совершившиеся в России в столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда, в некоторых отношениях, даже имеет перед ними преимущество».

Серьезное значение в деле распространения знаний Петр I придавал прессе и книгопечатанию. По примеру англичан в январе 1703 года он велел выпускать в Москве еженедельник, получивший название «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах», который стал первой печатной газетой в России. В «Ведомостях» нередко помещалась информация из европейских газет.

Большой интерес в российском обществе вызвала переведенная с немецкого языка книга «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению». Помимо «азбуки и цифири», она содержала ряд рекомендаций (в том числе и для девушек): как держать себя в обществе, как сидеть за столом и пользоваться вилок и ножом, на каком расстоянии снимать шляпу при встрече со знакомыми и какую «позитуру принимать» при поклоне. Эта книга, по определению историка В. О. Ключевского, «учебник светских приличий», была популярна и переиздавалась в России несколько раз. Историк И. В. Саверкина сравнила «недоросля петровских времен», изображенного в книге, с молодым англичанином, которому давал советы внук маркиза Галифакса — четвертый граф Честерфилд в «Письмах к сыну», и выявила немало схожего.

Поскольку английский язык в петровской России был распространен слабо, знакомство с английской литературой осуществлялось через «посредников» — переводы с французского и немецкого языков. В середине 1720-х годов появился первый перевод с французского отдельных номеров сатирико-нравоучительного журнала «Спектейтор». Этот журнал имел огромный успех как у себя на родине, так и во многих странах Европы. Объяснялась подобная популярность издания Р. Стиля и Дж. Аддисона разнообразием тематики (от текущей информации о событиях в стране и за рубежом до глубоких рассуждений на философские, этические, литературные сюжеты) и занимательной формой изложения. В своем журнале просветители подвергали острой критике коррупцию и взяточничество, злоупотребление служебным положением и некомпетентность должностных лиц, высмеивали такие пороки, как суеверие, религиозные предрассудки, зависть, злословие, ложь, притворство, ханжество, пьянство. Все, о чем они писали, было характерно не только для англичан, но и для русских людей — поэтому журнал очень скоро сделался популярным в России.

Что же касается английской политической литературы, оказавшей огромное влияние на просвещенные умы Франции и Северной Америки, то в России она не прижилась. Переводы трудов Т. Гоббса и Дж. Локка, а также изложенные Ф. Прокоповичем в «Правде воли монаршей» «ходячие и безвредные для русского читателя идеи западноевропейской публицистики о происхождении государств, об образах правления, о власти государей», по мнению В. О. Ключевского, не имели успеха. Произведение Локка «Два трактата о правлении», изданное в Англии в 1690 году, появилось в русском переводе с французского издания в 1720-е годы. Автором перевода был предположительно князь Д. М. Голицын либо его сын С. Д. Голицын. Один из единомышленников Петра I Татищев находил локковское сочинение «более вредительным, нежели полезным». Работа Локка не встретила одобрения и царя. Чтение подобных опусов, считал Петр, порождает «странные, с мудростью и пользой государства несогласные рассуждения». Да и вообще английской политической литературе государь предпочитал научные труды.

Значительным явлением в культурной жизни петровской России стал театр. Придворный театр в Москве был устроен еще при отце Петра — царе Алексее Михайловиче. Представления в нем давала «иноземная труппа», но русские люди проявляли к ним живой интерес. В 1702 году Петр I выписал странствующую немецкую труппу актеров во главе с Кунштом. В Москве существовал также любительский театр, которым руководила сестра Петра I — Наталья Алексеевна. Царевна даже написала две пьесы для представлений. Посетивший ее театр президент Тайного совета герцог Г. Бассевич отозвался о нем нелицеприятно: «Театр варварский, какой только можно себе вообразить, и посещаемый поэтому только простым народом и вообще людьми низкого звания». После смерти царевны Натальи в 1716 году театр прекратил свое существование. Позднее устроила домашний театр в Измайлове Екатерина Мекленбургская. Она также сама им руководила, женские роли в ее театре исполняли придворные дамы, а мужские — по большей части дворцовые слуги. Несмотря на удаленность от Москвы, на представления съезжалось немало народу.

Каких-либо явных свидетельств о влиянии английского театра на русский в эпоху Петра обнаружить не удалось, однако, по мнению ученого М. П. Алексеева, оно очевидно, и его истоки ведут к «англичанам иноземной слободы». Обращает на себя внимание тот факт, что Петр стремился приобщить к «комедиантству» русских актеров.

Западноевропейское, и, в частности британское, влияние сказалось и в устройстве ассамблей, так полюбившихся «слабому полу». Царь, свидетельствовал П. Г. Брюс, «распорядился устраивать ассамблеи: приказал проводить их дважды в неделю попеременно в домах вельмож. Одна комната предназначалась для бесед, вторая — для карт, третья — для танцев. Начало назначалось на 8 часов и окончание — в 11. Хозяину дома надлежало обеспечить буфет с винами, не предлагая их, пока не спрашивали, а также карты и музыкантов. На ассамблеи свободно допускались господа всех званий, русские и иностранцы, со своими женами и дочерьми. Это нововведение чрезвычайно понравилось дамам, поскольку освобождало от суровых ограничений их жизни: им не разрешалось по-

являться в обществе. Посредством же ассамблей они учились и одеваться, и вести беседу».

Сам Петр старался не пропускать этих собраний: «оживленный и разговорчивый, он переходил из комнаты в комнату или, присев за стол, дымил своей длинной голландской трубкой и попивал венгерское вино, обдумывая очередной ход в партии в шахматы или шашки».

Воздействие британской культуры в России продолжилось в правление Екатерины II. Подобно Петру I, императрица приветствовала обучение российской молодежи в Англии. Русские молодые люди изучали земледелие, шерстяные мануфактуры, торговлю, инженерное дело (в первую очередь строительство каналов), математику, медицину, архитектуру, живопись, ландшафтное садоводство и еще многое другое, что могло им пригодиться на родине. Порой и почтенные профессора, как, например, В. Прокопович и М. Ливанов, отправлялись на Британские острова, чтобы обучаться там различным наукам. Получили образование в Англии также профессор Московского университета С. Десницкий (одним из первых в России он начал отстаивать права женщин) и будущий наставник императора Александра I — граф Н. Мордвинов.

Надо отметить, что серьезным препятствием для знакомства с английской культурой было слабое распространение в России английского языка. Первая школа, в которой преподавание велось на английском языке, была открыта Джоном Элмором в Петербурге лишь в конце 1793 года. Английские учителя, прибывавшие на работу в Россию, обучали, как правило... французскому языку, который еще долгое время господствовал в образованных кругах. Императрица также не владела английским — ее библиотека состояла из книг на немецком, французском и русском языках. Тем не менее начавший выходить в 1769 году еженедельник «Всякая всячина», работу над которым возглавила сама Екатерина II, во многом ориентировался на «Спектейтор» Р. Стиля и Дж. Аддисона.

Знакомство с переводными изданиями английской литературы в России началось в середине XVIII века. Так, А. П. Сумароков перевел трагедию Шекспира «Гамлет» (пьесы английского драматурга начали ставиться на русской сцене позднее, с 1786 года). Императрица, ознакомившись с драматически-

ми хрониками Шекспира в немецком переводе, написала пьесу «Рюрик» — во многом в подражание великому англичанину. В 1760-е годы появились русские переводы произведений английских просветителей Д. Дефо, Г. Филдинга, А. Попа, в 1770-е годы — работ Л. Стерна, Дж. Мильтона, в 1780-е — трудов С. Ричардсона, Э. Юнга, Д. Томсона. Наконец, в конце века были изданы произведения Дж. Беньяна, С. Джонсона, О. Голдсмита и других известных английских литераторов.

Состоялось знакомство российского читателя и с произведениями Дж. Свифта, которые проникли в Россию еще при жизни писателя. Наряду с трудами Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка они имелись в библиотеке соратника Петра I — Якова Брюса. Труды Свифта читали писатель Кантемир и такие российские политики, как, например, А. Остерман, А. Волынский, А. Хрущев. Известно, что почитателем Свифта был М. В. Ломоносов. Однако широкую известность в России имя Свифта приобрело лишь с начала 1770-х годов, когда появились переводы «Путешествий Гулливера» и памфлета «Предложение об исправлении, улучшении и утверждении английского языка», который пришелся здесь как нельзя кстати, поскольку в это время широко дискутировался вопрос о совершенствовании русского языка.

Образованные граждане России в XVIII веке смогли познакомиться также с переводами трудов видных британских ученых — философа И. Бентама, экономиста А. Смита, математика и физика И. Ньютона, юриста У. Блекстона, медика У. Бьюкена и многих других. Важную роль в распространении английской литературы в России сыграли переводчики, обучавшиеся в свое время в Великобритании. В их числе — С. Плещеев, М. Плещеев, И. Черкасов, Л. Собакин, И. Татищев и другие. Наиболее заметный вклад в популяризацию просветительской литературы Великобритании внес писатель Н. Новиков, который испытал в своем творчестве влияние просветительских идей британских предшественников. Это хорошо прослеживается в его сатирических журналах «Трутенъ», «Пустомеля» «Живописец», «Кошелек» и др. Первейшую цель этих изданий Новиков видел в борьбе против различных пороков, присущих его согражданам, и прежде всего дворянству. Просветитель высмеивал ханжество церковников, произвол и взяточничество чиновников, презрение ме-

щан к родному языку, их преклонение перед зарубежной, прежде всего французской, жизнью. Он обличал невежество, корыстолюбие, жадность — пороки, которыми отличались многие его соотечественники.

Хотя Новиков во многом заимствовал опыт британских просветителей, его журналы, по замечанию И. Л. Анисовой, «как никакие другие периодические издания, содержат материалы оригинального, не переводного происхождения и таким образом претендуют на выражение национальных, собственно русских ответов на общие вопросы Просвещения». Критика Новикова отличалась более острой социальной направленностью. Он гневно клеймил крепостничество и выступал в защиту обездоленных крестьян, тогда как английские просветители всегда стояли на страже интересов власть имущих. Дидактическая система Новикова во многом заимствовала британский опыт (в первую очередь учение Локка, изложенное в его труде «Мысли о воспитании и воспитании разума»), но в то же время содержала ряд оригинальных положений. Так, образовательная программа Новикова была более демократичной в сравнении с локковской, поскольку российский просветитель ратовал за «внеклассовое» образование, которое должно быть доступным не только дворянам, но и представителям «третьего сословия», и настаивал на принципах общественного, а не индивидуального воспитания подрастающего поколения. Вместе с тем конечная цель образовательной программы у обоих просветителей была единой: воспитать образованного и добродетельного гражданина своей страны.

Определенное английское влияние прослеживается, на наш взгляд, и в проектах образовательных учреждений для девушек, подобных тем, которые в своем «Очерке о проектах» предлагал Д. Дефо. Первое женское образовательное учреждение подобного типа — Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) было открыто в 1764 году по инициативе Екатерины II. Еще годом раньше императрица потребовала от своих дипломатических представителей в Вене, Копенгагене, Гааге, Берлине, Гамбурге, Стокгольме без промедления достать «подробные описания всем или лучшим таким учреждениям в тех государствах, где они находились на службе».

По мнению исследовательницы Е. Ф. Петиновой, «ничего особенно ценного из-за границы почерпнуть не удалось», и потому устав Императорского воспитательного общества составляли по собственному разумению. Но скорее всего, без западных заимствований не обошлось. Историк П. М. Майков считает устав Смольного института «сколком» с устава французского заведения, основанного в 1686 году госпожой Ментенон в Сен-Сире, куда принимали «девиц благородного происхождения» в возрасте от семи до двенадцати лет. Они обучались за казенный счет и находились в учебном заведении до двадцатилетнего возраста. Родители могли навещать своих дочерей в определенные дни. Воспитанницы делились по возрастным группам, которые различались цветом платьев (коричневый, зеленый, желтый, голубой). Как отмечает Майков, в этом заведении «занятия были направлены к тому, чтобы развить в девицах вкус ко всему благородному, прекрасному, изящному, их знакомили с отечественными писателями, учили писать изысканным слогом, приучали беседовать между собой о возвышенных предметах. При этом обращалось большое внимание на обхождение, изысканность в костюме, на светский лоск, манеры и т. д.». Воспитанницы декламировали сцены из комедий Расина, ставили пьесы, на которых нередко присутствовал король Людовик XIV. Учебное заведение в Сен-Сире брали за образец во многих европейских государствах. Возможно, что его посещал Дефо, когда побывал во Франции незадолго до написания своего трактата о «женских академиях». Посещали его и Петр I в 1717 году, и один из сподвижников Екатерины II в деле образования — И. И. Бецкой, и сама императрица в бытность еще немецкой княжней.

В том, что Смольный институт основан по западноевропейским лекалам, легко убедиться при сравнении подобных учреждений в Англии и России — форм и методов преподавания в них, а также содержания образовательных программ.

В 1781 году Смольный институт посетила супруга знаменитого ученого и медика барона Димсдейла — Элизабет. О своих впечатлениях она оставила подробные записи в дневнике. В Смольном институте в пяти классах обучалось от 300 до 700 девушек в возрасте до пятнадцати лет. Воспитанницы первого класса были одеты в белые шелковые передники и серые длинные платья, второго класса — в коричневые

платья, самые младшие — в платья шоколадного цвета. Баронесса Димсдейл обратила внимание на то, что «одежда представительниц буржуа более грубая по сравнению с одеждой юных леди»; следовательно, вместе обучались воспитанницы высших и средних социальных слоев.

В классы девушки распределялись в соответствии «с рангом и возрастом». Их обучали истории, географии, русскому, французскому, немецкому и итальянскому языкам, а также музыке, танцам и рисованию — «в соответствии с их способностями». Большое внимание во всех классах уделялось, на взгляд англичанки, «привитию вкуса к изящным искусствам, и, если находились такие ученицы, для них приглашались лучшие учителя». Не было забыто и религиозное воспитание.

Императрица высказывала пожелание, чтобы девушки из средних слоев, получив образование, становились гувернантками, заменив в этом качестве француженок. Поэтому их обучали урокам домоводства: выпекать хлеб, сбивать масло, чинить белье и т. п. Баронессе довелось отведать выпеченный воспитанницами хлеб, ей показали маслодельню и институтский сад.

Деятельность Смольного с 1766 года на протяжении тридцати лет возглавляла София де Ляфонт. «Хотя она и в годах, — писала баронесса, — но вполне справляется со своей работой». В дневнике она рассказала, как одна из воспитанниц преподнесла записную книжку, собственноручно изготовленную, австрийскому императору Иосифу II, который посетил Смольный в июле 1780 года. «Эта леди подарила и мне такую же записную книжку», — с удовольствием заметила Элизабет.

В Смольном институте имелся театр, располагавшийся в круглом, скромно отделанном зале. В письме к Вольтеру императрица рассказывала о представлениях, которые устраивали воспитанницы Смольного, и делилась соображениями по поводу того, каким должно быть воспитание юных дам. «Мы очень далеки от мысли образовать из них монашек, — писала Екатерина. — Мы воспитываем их, напротив, так, чтобы они могли украсить семейства, в которые вступят; мы не хотим их сделать ни жеманными, ни кокетками, но любезными и способными воспитывать собственных детей и иметь попечение о своем доме».

Как видно, по своим целям и задачам, по форме обучения женская образовательная система в России во многом напоминала британскую или французскую. Единственное отличие наблюдалось в способах финансирования женских пансионов. Если в Англии все расходы по содержанию учениц брали на себя родители, то в России счета практически всех школянок оплачивались из государственного бюджета.

2. Учение Джона Локка о воспитании в восприятии княгини Е. Р. Дашковой

Трактат Джона Локка «Мысли о воспитании и о воспитании разума» в переводе был издан в России в 1759 году под заглавием «О воспитании детей господина Локка». Второе его издание вышло в 1787 году. О популярности этого труда у российской элиты свидетельствуют частые ссылки на него не только в работах Бецкого, но и самой Екатерины. Как отмечал американский ученый Э. Симмонс, Екатерина не симпатизировала французской системе образования, доминировавшей в России с середины XVIII века, зато в своих инструкциях по поводу воспитания внуков заимствовала целые страницы из сочинения Локка. Будущий император Александр I был воспитан «по английскому плану», что означало «свежий воздух, либеральные идеи и наставления в области морали и поведения».

Первый президент Российской академии наук, ближайшая сподвижница императрицы — княгиня Екатерина Романовна Дашкова слыла женщиной высокообразованной. Ее личная библиотека в Москве насчитывала четыре с половиной тысячи томов, среди которых были книги по лингвистике, географии, истории, геологии, педагогике, зоологии, философии на шести языках. Дашкова детально изучила организацию учебного процесса в европейских высших учебных заведениях, ознакомилась во Франции с деятельностью Академии наук, была лично знакома с французскими просветителями — Вольтером, Дидро, Д'Аламбером. Однако наибольший интерес она проявляла к британской культуре. Она посетила Великобританию в 1769—1771 годах и о своих впечатлениях впоследствии рассказала в «Путевых заметках». «Англия мне

более других государств понравилась, — писала Дашкова. — Правление их, воспитание, обращение, публичная и частная их жизнь, механика, строения и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях».

В 1776—1780 годах Дашкова навещала своего сына-студента в Эдинбурге, где ей довелось общаться с видными представителями шотландского Просвещения — У. Робертсоном и А. Смитом. По возвращении на родину она издала переводы ряда английских изданий, в том числе несколько номеров журнала «Спектейтор». Как предполагает современная исследовательница Е. П. Зыкова, к моменту написания своей статьи «О смысле слова “воспитание”» (1783 год) Е. Р. Дашкова, вероятно, уже имела в оригинале «Мысли о воспитании» Локка, с которым, впрочем, во французском издании она познакомилась много раньше.

В какой мере учение Дж. Локка о воспитании оказалось созвучно дидактической концепции самой Е. Р. Дашковой? Что было общего и чем различались рассуждения по данному предмету двух просветителей? Прежде всего попытаемся выявить схожие черты в их образовательных программах. Из переписки с ректором Эдинбургского университета, в котором обучался сын Екатерины Романовны, Уильямом Робертсоном выясняется, что Дашкова, как и Локк, отдавала воспитанию предпочтение перед образованием. В письме от 9 октября 1776 года она утверждала, что «более озабочена нравственным состоянием и душевным складом своего сына, чем могла бы когда-либо быть озабочена уровнем его познаний». Подобно Локку, Дашкова делила воспитание на физическое, нравственное и школьное, или классическое, подробно останавливаясь в своей статье на характеристике каждого из них. Говоря о физическом воспитании, она, как и Локк, упоминала «простую пищу», «простое и покойное платье», движение, пребывание на свежем воздухе и труд. Одним словом, это те компоненты, которые сделают детей «телом крепкими и здоровыми». К нравственному воспитанию, на ее взгляд, следовало приобщать детей, когда они «к терпению, к благосклонности и к благоразумному повиновению» приучены. В основе же нравственного воспитания должны быть «любовь к правде и к Отечеству, почтение к законам церковным и граждан-

ским, почтение и доверенность к родителям, омерзение к эгоизму», а также человеколюбие, храбрость, справедливость.

Обращаясь к третьему виду воспитания — школьному, или классическому, Дашкова перечисляла предметы, которые необходимо изучать юношам, и, в отличие от Локка, высказывала мнение, в какой последовательности это лучше всего делать. Отчасти ее список совпадал с тем, что предлагал Локк: латынь, греческий, немецкий, английский и французский языки, а также логика, риторика, история, география, высшая математика, нравственная философия, юриспруденция, химия, физика. Дашкова добавляла еще «совершенное познание природного языка». Надо отметить, что при всей схожести трактовки классического образования английский просветитель ратовал за домашнее обучение, а Дашкова отдавала предпочтение школьному. Правда, она не исключала и пользы от «сведущего в науках» гувернера «строгих честных правил».

Подобно Локку, Дашкова полагала, что «воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается» и что оно «ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают». Как и английский просветитель, она была убеждена в необходимости завершения образования в путешествиях. В одном из писем к сыну она высказывала соображения, с какой целью следует посещать зарубежные страны, что необходимо в них посмотреть, как вести себя среди иностранцев. «Не забудь, — напоминала она, — что ты едешь не для одного удовольствия, у тебя нет пустого времени... Все, что ты вычитал о правах, характерах и образе правления других народов, теперь можешь поверить собственным опытом и таким образом из юношеского возраста вступить на поприще мужа». Дашкова советовала сыну общаться с людьми образованными, при этом «не столько самому толковать, сколько слушать и расспрашивать других». На ее взгляд, «у путешественника должны быть постоянно открыты и глаза и уши», чтобы узнать как можно больше о стране пребывания.

Вряд ли можно говорить, что Дашкова полностью восприняла локковское учение. В ее дидактической программе хватает отличий от педагогических постулатов Локка. Е. П. Зыкова обращает внимание на два важных момента. Во-первых, в мышлении Дашковой появилось новое, историческое из-

мерение, которое, во-вторых, соединилось с попыткой осознать, что же реально дали русской культуре контакты с Европой. В статье «О смысле слова...» она обращается к методам воспитания, которые существовали в России на протяжении нескольких поколений. Прадеды наши, писала Екатерина Романовна, считали воспитанием обучение своих детей Псалтырю, счету, а также верности царю и «закону повиновению». Это, на ее взгляд, «едва воспитанием назваться может, ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно». Кроме того, на заграничные путешествия «с намерением просвещаться, перенимать хорошее» в прежние времена был наложен запрет. Деды наши, продолжала Дашкова, воспитание понимали уже несколько иначе. Детей учили законам, «потом артикул* со сказкою Бовы королевича читался». Некоторые обучали арифметике. Хотя и это тоже нельзя было считать воспитанием, были в ту пору и свои положительные черты: «Воспитанники тогдашние не стыдились еще быть русскими». Все переменялось к худшему, когда в России начали перенимать европейские обычаи. «Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян, — с горечью констатировала Екатерина Романовна. — Тогда танцмейстеры, французские учителя или мадамы, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в Отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большей части бывали... Воспитание, которое мы детям своим даем, еще более разнится с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали, — признавала она. — Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове “воспитание”, прибавя к разврату, который учителя и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, кроме веселия, без рассудка, без нужного примечания, и погружая себя в Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом, с истощенным смыслом и кошельком до-

* Имеется в виду «Артикул воинский» — военный устав, утвержденный Петром I. — *Прим. ред.*

мой беспоправочны возвращаются». Получив такое воспитание, молодые люди «не в поле, не в совете или служении Отечеству... себя отличить и посвятить хотят». Танцы, клавикорды, разговоры о театре — вот «благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться желают», — приходила Дашкова к неутешительному выводу. Она не сомневалась в том, что все это самым пагубным образом сказывается на нравственном состоянии молодежи, которая свои «ветреность и ничтожество» не стесняется демонстрировать в обществе. Для многих молодых людей главный аргумент в спорах — это апелляция к опыту, полученному во время пребывания в Париже.

Что касается женского воспитания и образования, то напомним, что Локк специально женскую тему не затрагивал, поскольку полагал, что его педагогические идеи одинаково применимы к мальчикам и девочкам. В произведениях Е. Р. Дашковой мы также не найдем конкретной программы женского воспитания, но в ней немало критики существующей в России системы женского образования, во многом заимствованной у Западной Европы. Она пишет, что от наводнивших Россию «парижских лакеев» и «мадам», которые занимаются воспитанием детей из зажиточных семей, девушка может научиться только «чепчики шить, кружева мыть и по-французски болтать». И с этим еще можно было бы смириться, если бы не гнусные «чувствования», которые «подлая и часто развратная французская девка ей впечатлевает». Между тем девушка могла бы стать лучшей женой, матерью и госпожой, «если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была и если бы она имела любовь к Отечеству вместо пренебрежения, кое мамзелюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветреность и небрежение в себе показывала: тогда бы можно было заключить, что родители ее правильнее о слове “воспитание” понятие имели». Дашкова возмущалась тем, что девушки «стараются мотовством своим прославиться». Неправильное воспитание и образование юных дам, чьи занятия сводятся к чтению романов, «бренчанию» на клавикордах и арфе, приводит, по ее мнению, к тому, что «мало браков совершаются или что совершившиеся скоро разрываются», поскольку «основательно

мыслящий молодой человек» опасается связать себя брачными узами с такой девушкой.

В письме К. Вильмот от 15 ноября 1805 года «с размышлениями о вопросах воспитания» Дашкова вспоминала, что озадачилась этой проблемой, когда в шестнадцать лет стала матерью и принялась читать все, «что о воспитании было писано». Ее дочь «не могла пролепетать еще ни единого слова», а она, по собственным словам, уже помышляла дать ей совершенное воспитание. Свои же взгляды на данный предмет Е. Р. Дашкова высказала значительно позже, в упомянутой статье, в письмах сыну и другим корреспондентам. Размышляя, она пришла к выводу о необходимости формулирования некоторых правил, пригодных для детей обоих полов, которые станут «твердым основанием фундамента». Эти правила сводятся к тому, чтобы «знать всегда и во всем меру, время и место». Это «есть лучший ключ загадки, что есть совершенное воспитание, а притом и вернейший способ преуспевать во всем».

Приложение

Маркиз Галифакс

Новогодний подарок для леди,
или Наставление дочери

Дорогая дочь!

Я полагаю, что даже самые трезвые суждения всегда содержат в себе элемент эмоциональности и разум не может оставаться в покое, если на него влияют жаркие страсти. Ныне ты являешься главным предметом моей заботы. Мои мечты о твоём счастье рождаются под влиянием искренних желаний, а не голоса разума. И порой меня охватывает страх, и я вздрагиваю, как от удара, от одной мысли о тех опасностях, которые могут подстергать юную леди на её жизненном пути. И чем прекраснее девушка, тем коварнее может оказаться причиненное ей зло: точно так же заморозки не щадят нежных побегов растений. Окружающий мир враждебен и способен причинить невинной девушке страдания, если только она не станет руководствоваться благоразумием. Посему, мое дорогое дитя, необходимость заботы можно считать оправданной, равно как

Перевод И. Л. Анисовой.

Первое издание книги «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери», подготовленное маркизом Галифаксом к печати в 1688 году, не сохранилось до наших дней. Настоящий перевод выполнен с текста, включенного в собрание сочинений Галифакса (The Complete Works of George Savile, First Marquess of Halifax. Oxford, 1912).

оправдана потребность в добродетели в этом мире. Как цветам нужен садовник, способный укрыть их от сильного ветра, так и ум формирующейся личности нуждается в руководстве и опеке. Поэтому ты должна принять это наставление от отца, который желает тебе только добра.

Возможно, что большая часть моих рассуждений сейчас покажется тебе непонятной, однако по мере взросления, день ото дня ты легко научишься понимать смысл сказанного. Я же хотел начать беседу до того, как твой разум окончательно сформируется и ты научишься самостоятельно мыслить. Когда наставления хорошо усвоены, они обращаются в привычку, но мы не уверены до конца, насколько прочно закрепились они в нашем сознании, пока привычка не станет нашей второй натурой.

Я не уверен, что смогу представить портрет идеальной женщины, но пред тобой — идеальный отец, и, если ты последуешь моему примеру, я приложу все усилия, чтобы воспитать в тебе хорошего человека. Доверься мне, и тогда разочарование не постигнет нас обоих.

Религия

Прежде всего поговорим о религии. Религия должна стать главным объектом твоих помыслов. Напрасно руководить твоим поведением в свете, если забыт Тот, Кто сотворил нас. Строго говоря, религия — это главное, что необходимо тебе, пойми это умом и почувствуй сердцем, чтобы никогда уже не расставаться с ней. Однако необходимо различать в религии ее подлинную суть и притворство.

Религия — это не вера в детские сказки о ведьмах, домовых, кудесниках и чудесах, которую впитывает дитя вместе с материнским молоком. Мы так жадно внимаем этим детским фантазиям, что позже, научившись мыслить, вынуждены приложить немало усилий для того, чтобы освободить свой разум от подобного хлама. Эти истории так увлекательны, что, даже не веря в них, мы все-таки на них ссылаемся. А это затрудняет поиски истины. Нас лишают мира фантазий, которыми мы увлекались, и заставляют стыдиться подобных занятий. Так создается мир гротеска, в котором Всемогущего Господа обвиняют за то, что он отдал людей

на поругание дьяволу, играющему с человеком злые шутки. Подобные представления совершенно далеки от религии и полностью лишены смысла. Они могут называться набожностью, но их прародителем является невежество. Таких заблуждений следует всячески избегать, чтобы тебя не заподозрили в детских шалостях, в то время как от тебя ожидают уже совсем другого.

Следующий момент, на котором нам следует остановить свое внимание, касается того положения, что религия менее всего состоит из громких возгласов, благочестивых поклонов в церкви и неистовых молитв. Некоторые дамы так оживляются в церкви, будто какой-то червь проникает в их сознание и делает их столь возбужденными. Другие же взирают с благоговением выпученными глазами либо бросают кокетливые взгляды вокруг. Все это одинаково делает смешными и тех, и других. Нарочитое поведение обычно вызывает недоверие, подобно тому как слишком сильный запах духов всегда свидетельствует не в пользу их обладательницы. Будь же благо-разумна и познай Господа в своем сердце. На людях оставайся строгой и спокойной, не впадай ни в беспечность, ни в при-творство.

Неистовое стремление преследовать инакомыслящих отнюдь не свидетельствует о благочестии. Самолюбие заставляет воспринимать это как долг и подвергать гонению других. Движимые тщеславием, мы преследуем без милосердия, уверовав в то, что наше наказание достойно похвалы и что мы действуем во славу Бога. На самом же деле мы просто выстав-ляем себя напоказ. Наше благочестие часто обретает форму, которая диктуется нашим темпераментом. Холерик впадает в невообразимую строгость к инакомыслящим, всякий раз хватаясь за Священное Писание в поисках аргументов в под-держку своих убеждений, а поскольку Господь иногда гне-вается, то он считает, что гнев — это божественная добродетель. Он и не подозревает, что должен просить прощения за свое рвение, которое поднимает на щит. Другие, чья приро-да более податлива, не ставят пред собой никаких преград или ограничений. Они гордятся силой своей веры, как пра-витель — расширением своих владений, не понимая, что ве-ра, как желудок, может переполняться и, подобно последне-му, не способна переварить сверх положенного. Наш разум

может быть подавлен, особенно если нам запрещают «жевать» то, что приказано «проглотить». Меланхолики и угрюмые люди выражают свою набожность, изображая печальную мину на лице. Они напускают на себя неприступный вид и ополчаются на невинные развлечения с такой яростью, будто бы это тяжкие преступления. Однако это не что иное, как личина. Тяжело, когда религию так извращают. Но справедливости ради надо отметить, что подобное угрюмое благочестие принесло все же меньше вреда миру, нежели случаи скандального его осквернения.

Если продолжить, то можно привести немало примеров ложного благочестия. Однако настало время выяснить, что же такое истинное благочестие. Простое его определение — не более чем указательные столбы на дороге, и, подобно правителю, они должны выглядеть представительно. Неумелые мастера изображают благочестие мрачными красками и грубыми мазками, так что его красоту трудно рассмотреть. Они вкладывают в благочестие все непозволительные черты, которые только можно вообразить, и делают его яростным врагом естества, тогда как в реальности они не только друзья, но близнецы, появившиеся на свет одновременно. Теперь же делается все, чтобы их разлучить. Нет ничего прекраснее и добрее, чем истинная религия. Не меняя нашего естества, она освобождает нас от страстей и ошибок. Вместо подчинения строгим правилам она освобождает нас от рабства от самих себя — самого строгого господина, аппетит которого не знает границ.

Религия никогда не противоречит естеству, но нераздельно связана с ним. К религии никогда не пристанет ничего порочащего ее, хотя священнослужители подчас придают ей своим дилетантством некий сомнительный оттенок. Мудрый Эпикур ради наслаждения мог быть религиозен. Добродетельный разум — основа обоих, и, подобно бабочке, которая летит на свет, разум объединяет религию и наслаждение.

Религия являет собой экзальтированный разум, который очищен от всего материального. Она охватывает высшие сферы разума, где туманы и облака не застилают ее. Она является основанием и венцом всех добродетелей. Она есть нравственность, которая поднята на невообразимую высоту, на небеса, где обитает само совершенство. Она просветляет со-

знание и возвышает нас над землей. Ей не нужны надежды и страх, которые якобы созданы для нее. Она не снизойдет до того, чтобы заимствовать что-нибудь вне своей сферы, и только в ней одной мы можем найти все необходимое. Если ты полюбишь религию, то она затмит поверженный грехом мир со всеми его благами, которые он только предлагает. Религия всегда выйдет победительницей там, где разум становится судьей при определении ценностей.

Религия заслуживает того, чтобы сделать выбор в ее пользу и не видеть в ней только прибежище. Встречаются дамы, которые, лишившись былой красоты, напускают на себя личину чрезмерного благочестия. Они видят в церкви прибежище от насмешек над собой, которые тем не менее продолжают преследовать их и в храме. Такое запоздалое покаяние является всего лишь прикрытием для мучительных воспоминаний о потерянной привлекательности. Подобные грустные размышления вызывают слезы, и создается впечатление, будто они вызваны скорбными думами о смерти.

У многих вера переменчива. Прилив горячего энтузиазма сменяется охлаждением, за которым следует исступление. Нужно избегать такой сумбурности чувств. Выбери постоянную линию поведения и не сбивайся с верной дороги, которая, подобно тихой реке, будет вести тебя на пути к совершенству. Вера твоя должна быть истинной, но не вынужденной, и тебе надо научиться получать от нее, как и от других обязанностей, удовольствие, иначе не будет никакого толку. Это правило станет лучшим судьей твоему сердцу. Пока исполнение долга доставляет удовольствие, оно искренне, но когда оно становится наказанием, это значит, что сама твоя природа сопротивляется. И до тех пор, пока это будет продолжаться, ты не сможешь почувствовать себя в безопасности.

Если ты часто пребываешь в горести и беспокойстве, твоя вера не является истинной. Она слишком успокаивает тебя. Чтобы исправить положение, устрани то, что тебя тревожит. Такое средство подобно бальзаму для заживления ран. Оно успокоит и разгонит смятение чувств. Благочестивый ум лишен страстей подобно тому, как некоторые климатические пояса свободны от ядовитых животных. Он охранит тебя от раздражения, которому подвержены многие, и укрепит в мудром смирении, которое не имеет ничего общего с тупым без-

различием. Он поможет тебе жить в мире как в просторной одежде, которая не сковывает твоих движений.

Не совершай типичной для многих ошибки — не призывай Божье наказание. Мы бессильны понять как милость Господа, так и Его наказание. Он хранит тайну нашей жизни, давать объяснения которой без Его на то позволения не что иное, как дерзость и кощунство.

Что касается твоей личной веры, то она является лучшим, что только имеется в религии, а также бóльшим побудительным мотивом обращения к церкви для женщин, нежели для мужчин. Последним больше пристало более внимательное чтение книг ради познания истины. Для тебя же достаточно чтения избранных книг, чтобы не сбиться с пути. Если ты утвердишься в своей вере, то успешно избавишься от колебаний и нерешительности.

Позволь же предложить тебе простую формулу праведной жизни: будь разумной и живи в добродетели. Если тебе удастся найти в этом меру, ты еще не познаешь Господа, но все надлежащие истины откроются тебе.

Супруг

Следующее после религии место в твоих помыслах должен занимать супруг. Хотя это слово включает в себя довольно объемное понятие, правила, относящиеся к нему, остаются неизменными, тогда как поведение и характеры мужчин сильно различаются. И все же я хочу поделиться с тобой некоторыми общими наблюдениями, которые вместе с твоими собственными помогут избрать лучшую линию поведения в той части жизни, от которой более всего зависит женское счастье.

Одним из серьезных неудобств для девушек является то, что им редко позволяют делать собственный выбор в браке. Считается, что забота и опыт их друзей — более надежный советчик, нежели девичьи капризы. Кроме того, скромность девушек не позволяет им отвергнуть родительский совет даже в том случае, если собственный внутренний голос противится их выбору. В этом случае не остается ничего другого, кроме как смириться со своей долей и попытаться изменить некоторые черты характера супруга, которые со временем, если не придать им значения, могут вызвать отвращение.

Ты должна принять за аксиому неравенство полов и то, что для лучшего устройства мира мужчинам отведена роль законодателей, поскольку они обладают большим умом, нежели женщины. Основным качеством женщин должна стать уступчивость, необходимая для исполнения возложенных на них обязанностей. С первого взгляда это не очень впечатляет, но на поверку выясняется, что природа не так уж и несправедлива к женскому полу и предоставляет вам даже некоторые преимущества. Так, вы имеете бесспорное право на жалобы. В вашей власти не только получить свободу, но и смягчить нрав своего господина, вынудив его сложить все свои полномочия (как данные от природы, так и юридические) к вашим ногам. Все мы обладаем разными характерами и потому можем дополнять друг друга. Женский пол нуждается в мужском уме, чтобы руководствоваться им в своем поведении, а мужская сила необходима для защиты. Мы же стремимся к вашей доброте для смягчения наших нравов и поддержки. Первый период нашей жизни мы проводим в детской, где царите только вы и даруете нам наши первые впечатления. Впоследствии вы оказываете на нас сильное влияние, которое при умелом использовании оказывается весомее наших привилегий и власти. Вы обладаете большей силой своих глаз, нежели мы, используя свои законы, и большей властью благодаря своим слезам, нежели мы — своим аргументам.

Верно, что законы брака более строги к женскому полу. «Подчинение» — это не совсем благозвучное слово, с ним трудно смириться, оно совершенно не вяжется с тем приятным обхождением, которое предшествует помолвке. Кроме того, оно особенно ненавистно тем экзальтированным дамам, которые противопоставляют его фальшивому понятию всеобщего равенства.

Можно сослаться на адвокатов, которые выступают в защиту женского пола. А в случае необходимости апелляционная жалоба послужит поводом для созыва суда с большими полномочиями, в который жены смогут обратиться и защитить свои права. В таких случаях они могут получить удовлетворение и добиться смягчения тех нелестных эпитетов, которые отпускаются по их адресу. Но дело о разводе выглядит так непристойно, что лишь немногие соглашаются получить свободу ценой утраты собственной скромности. Законы не пред-

усматривают различий в умственных способностях, что явно нуждается в исправлении, однако немногие пойдут на это. Подобные вещи, как и многое другое, вызывают сожаление. Резюме может быть кратким: институт брака столь священен, что вряд ли можно протестовать против него. Утверждение о том, что вы являетесь слабым полом, бесспорно, имеет положительные стороны, а также оправдывает ваше подчинение мужскому полу. И это правило было бы совершенным, если бы подразумевало некоторые исключения. Однако закон с трудом признает права тех, кто имеет достаточные основания на эти привилегии и полагает, что лучше смотреть сквозь пальцы на несправедливость в отдельных случаях, нежели нарушать порядок, на котором покоится все устройство общества.

Ты, однако, должна исполнять все, что диктуют закон и обычаи, и не вообразать, что их можно изменить по собственному вкусу. Но не расстраивайся и не таи обиду. Ты должна понять, что разумным и расчетливым поведением сможешь облегчить и исправить положение дел. Чтобы дать тебе правильные наставления, я упомяну о самых распространенных причинах размолвок между супругами, что позволит тебе обезопасить себя, а когда выйдешь замуж, то уже будешь знать, как исправить недостатки мужа и не допустить своих собственных.

Прежде всего нужно иметь в виду, что ты живешь во времена, когда с упадком нравственности смирились настолько, что для этого уже не требуется оправданий. Мир неоднороден, и принадлежность к женскому полу обуславливает поведение и диктует свои правила. Мужчины в этом вопросе подвергаются гораздо меньшему давлению. Причина и оправдание такой несправедливости — это стремление семей избежать неурядиц, которые ложатся пятном на их репутацию. И пока вопрос стоит так, женщинам не избежать большей ответственности. Если же это тебе не по вкусу, можешь утешиться тем, что в твоих руках честь семьи. И эта власть, сосредоточенная у тебя, поможет смягчить суровость дурного мужа и приумножит доброту порядочного супруга. Помни, что самая большая ошибка — это акцентировать внимание на ошибках своего супруга. Не выискивай в нем их, ведь если он умен, то исправится сам, а если глуп, то только придет в раз-

дражение, но отнюдь не исправится. Увещевания в таких случаях подобны объявлению войны, а для серьезного супруга могут послужить опасной пищей для размышлений. Кроме того, это непристойно, и леди лучше проявить большую сердечность в таких случаях. Не помешают также осторожность и скромность, тогда как чрезмерные жалобы сделают жену более смешной, нежели сама обида, которая вызвала эти нарекания. Но еще глупее и неуместнее ставить об этом в известность весь свет, надеясь на его поддержку и сочувствие. В результате над ней же самой и начнут подшучивать в обществе. Леди станет посмешищем, пока общество не найдет другого объекта для шуток и насмешек. Неуместность подобного поведения столь очевидна, что не стоит более о том говорить. Уверяю, что в подобных случаях твое благоразумие и молчание окажутся лучшим средством. Подчеркнутое безразличие, редко бывающее добродетелью, в данном случае более уместно. И когда супруг увидит, как ты беспокоишься о нем, это послужит самым сильным аргументом, который убедит его не поступать несправедливо по отношению к тебе. Кроме того, это сделает его более уступчивым в других вопросах. И если ты будешь игнорировать или исправлять его проступки, то сможешь добиться хороших результатов во всем и, поступая благоразумно, полностью изменишь характер своего супруга. Ничто так не почетно для жены, как одержанная таким способом победа. Мужчина, прирученный подобным образом, навсегда подпадает под влияние своей супруги. Терпение жены окажется вознаграждением для нее.

Следующий момент, на котором я хотел бы остановить твое внимание, это пристрастие супруга к вину более допустимого. Само собой разумеется, что существует немало иных, более серьезных пороков, но ни один из них, если только с ним не бороться, не приводит к такой деградации личности, как этот. Вместе с тем эта привычка, которая должна вызывать порицание и является весьма распространенной, не очень-то беспокоит тех, кто страдает от ее последствий. Поэтому никого не удивит, если станет известно, что твой супруг — пьяница. Существует масса примеров, когда супруга, оказавшись в подобной ситуации, отнюдь не чувствует себя страдальцей. Самолюбие подсказывает нам раздраженные реплики по каждому поводу. Беда и несчастье — эти слова мы произносим

всякий раз, когда нам что-либо не нравится, забывая о том, что жизнь вообще состоит из черно-белых полос и прожить без горестей просто невозможно. Жизнь устроена таким образом, что избежать длинной вереницы бед, удручающих нас, просто невозможно, равно как и наслаждаться приятными моментами. У каждой вещи две стороны медали, и ради собственного спокойствия надлежит направлять свои помыслы к тому, что менее всего подвержено исключению из указанного правила. Если видеть лишь дурную сторону в пьянстве, то открывается такое ужасное будущее, что становится невыносимо жить. Поэтому давай посмотрим на данную ситуацию с другой стороны.

Меня так и подмывает сказать (если меня, конечно, правильно поймут), что супруга должна благословлять Господа за то, что ее муж имеет недостатки. Это покажется парадоксом, но муж без недостатков — опасный наблюдатель. Он все увидит своим пронизательным оком и все подвергнет своему суду. И хотя я не сомневаюсь, что твоя добродетель выдержит любые испытания, однако немногие женщины выйдут достойным образом из подобной ревизии. Ничто так не смиряет высокомерие нашей натуры, как человеческие слабости. Поэтому, как говорится, мы не должны бичевать окружающих, потому что сами порой заслуживаем упреков. Наши суждения смягчаются, когда нам указывают на недостатки. Ошибки и проступки мужей приведут их на колени пред супругами и вынудят смириться с менее справедливыми условиями, нежели те, которые диктует безупречный муж. Человечество настолько погрязло в пороках и слабостях, которые в наш испорченный век более сближают нас друг с другом, нежели все заповеди философов и святых. Таким образом, там, где недостатки нашей природы могут компенсировать причиняемые неудобства, тебе лучше использовать их с пользой, чем ворчать на них. И если тебе достанется муж-пьяница, ты, если будешь мудрой и терпеливой, обратишь его порок себе на пользу. Вино заставит его не замечать твоих ошибок, а также подмечать и приукрашать все твои достоинства. Другие люди, возможно, будут любить его меньше, а по этой причине он станет лучше относиться к тебе. Когда, хорошенько выпив, он возвратится домой, где будет встречен без шума, в крайнем случае укоризненным взглядом, его вино только усилит в нем

добрые чувства, которые жена способна усилить, как бы это ни казалось неуместным. С другой стороны, такая ситуация может закончиться скандалом, если жена будет обращаться с мужем как хорошо знакомая нам сварливая хозяйка, глупее и невоспитаннее которой нет в целом свете. Заметь себе: когда мужчине постоянно отказывает разум, женщина приобретает право главенствовать в доме и повышает свой авторитет в семье, который не могла бы обрести при супруге-трезвеннике. И хотя все сказанное является слабым утешением, это может подбодрить. Нельзя превращать пьянство в добродетель. Оно не доставляет радости и самому супругу. Но ты не совершишь ничего предосудительного, если с помощью мудрых советов сделаешь свою участь более сносной, чем она могла бы быть.

Следующий вопрос, на котором я хотел бы остановиться, это рассмотрение ситуации, когда муж является холериком или человеком со скверным характером. Следует заметить, что его вспыльчивость порой может сослужить жене добрую службу. Такой муж без всякой причины бывает зол сегодня и добр завтра. Проследив за ходом его мыслей, ты можешь без труда использовать его настроения для своей пользы. Вместо того чтобы пугаться гнева супруга, ты можешь направить его в нужное тебе русло. Так сильный яд превращается в лучшее лекарство, но для этого требуется искусная и умелая рука лекаря, иначе все может завершиться смертельным исходом. В обращении с таким человеком требуется проявить большую заботу. Холерик ведет свое начало от гордости, которая делает мужчину влюбленным в себя и не терпящим никаких возражений. Он полагает, что им пренебрегают, когда спорят с ним. В таком случае ты должна обратить внимание на нарастающий шквал его опрометчивых слов и не разжигать огня, который может опалить тебя. Предусмотрительно уступай супругу во всем до тех пор, пока он не остынет, и только потом добивайся своего. Твоя доброта, ко времени проявленная, остудит его гнев, добрая улыбка смягчит его нрав, тогда как раздражительные ответы только выведут его из себя. Чем попадать в такую ситуацию, где другие средства слабы, можно пустить в ход небольшую лесть, в которой нет ничего зазорного. Если болезнь мужа — тяжелый нрав, угрюмость и замкнутость, то есть хороший способ его излечить, а не копить

обиды. Во-первых, ты должна знать, что здравомыслие имеет в себе оттенок угрюмости. Торжествующая же повсюду глупость подталкивает здравомыслящих людей к раздражению. То, что называется обычно дурным нравом, — не всегда недостаток, он становится таковым, если неуместно проявляется и постоянно напоминает о себе. Поэтому ты не должна поспешно называть дурным то, что, возможно, и не заслуживает подобной оценки. И хотя твой муж может оказаться непримиримым к вещам, которые он не любит, может так получиться, что ты будешь стыдиться больше своих ошибок, нежели его дурного нрава. Если муж порой не обращает должного внимания на свою супругу, она начинает это расценивать, как личное оскорбление. Однако жена заблуждается, считая это недостатком. К подобному поведению супруга следует относиться спокойнее. Если муж изменил свое поведение со времени их первой встречи, жена готова объяснить подобную в нем перемену плохим характером супруга. Иные жены требуют бесконечных объяснений в любви, забывая о прожитых годах и о том, что мужчины не могут вечно пребывать в эйфории первых встреч. Супруг может быть небрежным в мелочах, однако без проявления холодности и беспечности. Жена иногда слишком много внимания придает пустякам, однако ей не следует предаваться печали. Если же супруг действительно подвержен дурному настроению и так часто впадает в гнев, что этому трудно найти оправдание, придется научиться распознавать первые и последние раскаты грома, который редко бывает продолжительным, если предоставлен сам себе. Если твой ум возбужден и все вызывает в тебе раздражение, ничего не останется иного, как дать выход чувствам, пока не овладеешь собой.

Если же тебе достанется завистливый муж, твоей судьбе не позавидуешь, хотя и с этим пороком можно смириться. Однако мало найдется таких неизлечимых страстей, как жадность. Ты должна прежде всего убедиться в том, что правильно определила наличие этого порока. Тебе следует проанализировать условия жизни своего супруга и выяснить причины его поступков прежде, чем выносить приговор. Жалобы на мужей теперь так часты, что вызывают законные подозрения в их обоснованности. Трудно представить, что все они заслуживают таких оценок, и совершенно ясно, что обвиня-

ют их зачастую напрасно. Человек, экономящий на всем, — непростительный скупец. Тот же, кто транжирит во всем, — просто сумасшедший. Золотая середина заключается в том, чтобы экономить на том, что менее необходимо, и приобретать то, в чем есть нужда. Однако это не всегда может удовлетворить тебя. Бывают жены, пренебрегающие правилами экономии и готовые подвергать осмеянию доброту мужа, если средства тратятся по его усмотрению, а не по воле женских капризов. Избегай опасной ошибки, присущей женскому полу и оскорбительной для серьезного мужчины: собственного эгоизма в ущерб интересам семьи.

Если же допустить худшее, например, что твой муж является действительно отъявленным негодяем, то в этом случае ты должна поступить так, чтобы не причинить себе излишней боли. Во-первых, ты должна выбирать подходящее время для разговора. Когда ты что-либо предлагаешь в пику властному характеру, то осторожности и мудрости должно быть больше обычного. Иногда ты предусмотрительно должна потакать мужу в том, где проявляется его нрав, и тогда у тебя будет больше шансов убедить его в том, к чему он безразличен. Твоя задача в таких ситуациях — заметить критические моменты и не упустить ни единой возможности. Можно сказать, что супруга не овладела этим мастерством, когда она не способна обезопасить себя от недостойных выходов мужа, если только он не оказался настоящим чудовищем, которое, я надеюсь, не встретится на твоём пути.

Последнее замечание, которое я хотел бы сделать, касается ситуации, когда твой супруг окажется не в состоянии воспользоваться теми привилегиями, которые ему принадлежат. В таком случае этим можешь воспользоваться ты сама, хотя это и вызовет немало нареканий. Однако Всемогущий Бог редко посылает немилость, не предусматривая средства избавления от нее или по крайней мере того облегчения, которое наступает после нее. Чтобы облегчить свою долю, обратись к собственным наблюдениям и убедишься, что супруга очень часто представляет собой более заметную фигуру, нежели ее муж. И кажется непонятным, почему леди, выбирающая в компаньонки обыкновенно уродин, недовольна мужем-глупцом. Преимущества всегда видны в сравнении: чем умнее ты сама, тем больший стыд будешь испытывать за тако-

го мужа. Его непростительная слабость может раздражать тебя, но, с другой стороны, она даст тебе власть, которой нужно правильно распорядиться. При полнейшем бездействии мужа все бразды правления переходят в руки жены. Поэтому будь уверена: если ты имеешь такого идиота, никто, кроме тебя, не сможет извлечь из этого пользы. Подобный глупец опасен, если попадет под чужое влияние, и потому ты должна быть очень осторожной, и если твой супруг пожелает стать ослом, то пусть он будет твоим ослом. Ты должна присматриваться ко всему, прислушиваться к мнению окружающих о своем муже: твои собственные мысли не должны заслонять от тебя суждений людей, высказывающихся о нем. Твое пренебрежение им в компании, определенным образом характеризующее тебя, само по себе недостойно и подобно узурпации, которая может подтолкнуть покорного человека к бунту и завоеванию собственной независимости, о которой он был готов забыть ради своего спокойствия. Короче говоря, наиболее верный и испробованный способ заключается в том, чтобы действовать подобно мудрому министру: вначале давать указания правителю, а затем получать их же от него самого.

Однако ты должна молиться о благоразумном супруге, который бы понимал, что значит быть хозяином, и именно по этой причине не позволяющим тебе почувствовать свою власть. Его власть смягчается добротой, чем приносит облегчение, не стесняя твоей свободы. Он ответит такой нежностью на твое уважение, что ты никогда не захочешь власти и у тебя не будет случая сожалеть об этом. Такому мужу приятно подчиняться, и подобное подчинение сравнимо с подчинением правителю, величие которого неоспоримо, и оно предпочтительнее беспокойной и безграничной свободы.

Прежде чем закончить данную главу, я должен сказать несколько слов о том, как ты должна вести себя с друзьями супруга. Это потребует от тебя должного внимания. Ты должна научиться ладить с ними и проявлять больше заботы и внимания к ним, особенно на первых порах, чтобы не совершить ошибки. Семья, в которую ты вошла, будет полагать, что подобно страннику в чужой стране ты примешь ее законы и не будешь вносить никаких новшеств в ее жизнь. Друзья в таких случаях готовы восстать с оружием в руках против незаконного вторжения, так что ты должна с крайней осторожно-

стью избегать любого проявления подобных поползновений. Чтобы впоследствии с большей легкостью отдавать распоряжения, будь готова принять их сначала от друзей мужа. Завоюй их доверие, и они будут удовлетворены, так как ничто не вызывает большей благодарности, чем смиренная гордыня. Они начнут наперебой расхваливать тебя, а когда помогут укрепить мужа в благоприятном мнении о тебе, можешь ослабить свою зависимость от них, впрочем не пренебрегая любимыми разумными средствами для поддержания добрых отношений. Ты должна помнить, что мужчина, которым руководят его друзья, очень часто «подогревается» ими. Даже если твой супруг это и отрицает, он все равно прислушивается к советам друзей. Это вопрос чести для любого мужчины, и пренебречь им нельзя. Ничто так не опасно, как возражение, основанное на гордыне. Это наиболее закоренелая страсть, которой мы подвержены, и там, где разгорается война, трудно добиться мира. Ты должна в этом случае проявить исключительную осторожность.

Чтобы сберечь мир в доме, строго следи за соблюдением правил поведения слугами, чтобы их дурные проступки не огорчали тебя и не приводили к серьезным осложнениям. Помни, что в игре в королевский бридж соседей всегда подозревают в служении чужим интересам. В большинстве стран число служанок, которых приглашают в дом, невелико, и их выбирают таким образом, чтобы они не вызвали ревности хозяйки. Лучше всего нанять служанок из числа замужних женщин, которые были бы преданы тебе, а также набирать слуг из родительской семьи, нежели привыкать к новым людям.

Ты не должна пренебрегать подобными рекомендациями из-за того, что они могут тебе показаться незначительными. По этому поводу можно сказать, что как капли воды превращаются в великое половодье весной, так и серьезные обстоятельства твоей жизни будут в большей степени зависеть от кажущихся на первый взгляд мелочей, которые в будущем могут оказаться очень важными.

Я завершаю данный раздел следующим советом: живи так, как позволяет тебе твоя природа, и постарайся забыть то, как потворствовали твоим капризам в отцовском доме. После той нестрогой дисциплины, которую ты ощущала на себе, любой

не понравившийся тебе поступок покажется жестоким. Наша доброта к тебе, моя дорогая, иного сорта, она родительская и не сравнима с тем, что ты встретишь в новой семье. Все ее члены могут также быть добры к тебе, и тебе, возможно, не придется ни о чем сожалеть. Ты не должна пугаться изменившихся условий, и когда ты привыкнешь к ним, то сможешь полюбить новый дом больше родительского. А доброта твоего мужа принесет с собой больше преимуществ в сравнении с нашей, так что мы, любя тебя, только порадуемся своему поражению в подобном соперничестве.

Дом, семья, дети

Ты должна прежде всего, моя дорогая, определить степень внимания к каждой из сфер своей жизни. Бывают случаи, когда пренебрежение обязанностями не прощается. К таковым обязанностям относится управление домом, семьей, детьми. Все это находится в ведении женского пола, и потому именно от тебя ожидают должной заботы о них. Если же ты будешь лениться или скверно и неумело вести хозяйство, то вместо помощницы очень скоро сделаешься лишней в новой семье.

Должен сказать тебе, что уважение не может быть продолжительным, его мы должны заслужить своими поступками, в определенной мере полезными тем, от кого этого уважения добиваемся. Когда же лишаются уважения, то и почтение и благоговение исчезают вместе с ним и переключиваются к тем, кто их способен сохранить. Ведь нельзя добиться уважения даже со стороны детей и слуг, если не думать об их благе. И нередко более важной фигурой в семье становится престарелая домоправительница, а не леди со всеми ее прекрасными манерами, некогда дававшими ей повод ими гордиться. При управлении домом все эти совершенства могут оказаться бесполезными. Некоторые полагают, что не следует расходовать свою энергию и забивать голову такими обыденными вещами, как семья и дом. Другие не желают беспокоиться о подобных материях из-за опасения, что это приведет к появлению морщинок. Гордыня и тщеславие заставляют некоторых думать, что они не должны опускаться до недостойных для леди занятий. Эти дамы забывают, что даже ве-

ликие принцессы не гнушались исполнять свой женский долг, дабы заслужить уважение окружающих, хотя это могло сказаться на их государственной деятельности. Так что кажется неразумным для леди ожидать уважения, если она не пыталась ничего сделать для того, чтобы завоевать его. Одна красота ничего не значит, тем более что она не вечна и потому не стоит на нее особо полагаться. К тому времени, когда восторги первых чувств утихнут и очарование рассеется, хотя еще может сохраниться доброжелательность, мужчина раскроет глаза, которые прежде были ослеплены, и начнет уже не только восхищаться, но и возражать.

Мужу вряд ли понравится, когда он увидит, что буйный ветер раскачивает семейную лодку и гонит ее безо всякой цели, а супруга тем временем только наносит визиты, проводит время в праздности, проявляет заботу о ничтожных пустяках, завтракает за полчаса до обеда, прерывает разговор своими рассуждениями и тут же требует подать ей карету, чтобы потревожить знакомых, которые уже пресытились ею сверх меры, а возвратившись домой, перебирает в присутствии горничной никчемные победы прожитого дня. Подобные дамы редко бывают серьезными, разве что в разговоре с портными. Дети и семья мало их занимают. У них нет цели, интересы их ничтожны. Так вот, я повторяю, что муж, который не найдет ни порядка, ни спокойствия в семье, будет очень недоволен. Леди ошибочно полагает, что это можно компенсировать со вкусом выбранной накидкой. В конце концов она поймет свою ошибку и, страдая, примет наказание. Однако потери в этом случае могут оказаться невозможными, и тогда уже не останется ничего, кроме бесполезной обиды на собственное недомыслие. Ты должна понять, что представляет собой женщина, обремененная собственными ошибками. В обязанностях, возложенных на тебя, нет ничего такого, чем можно было бы пренебречь, за исключением разве что желаний управлять. Ты можешь любить детей, не находясь в детской и не демонстрируя ежечасно свою заботу о них в обществе бесконечными рассказами. Это выходит за рамки приличий настолько, что лишь самые великодушные слушатели способны простить твое красноречие. Женская доброта к детям — это свидетельство ее добродетельности, но способы выражения этой любви должны подчиняться правилам

хорошего тона. И хотя знатная дама не меньше любит своих детей, чем простолюдинка, она отличается своими манерами и должна избегать подобного обращения, которое приличествует женщине из низов. Ты должна вызвать у детей любовь к себе прежде, чем они научатся тебе подчиняться. Подобное соединение этих двух качеств более всего необходимо ребенку. И я должен сказать тебе, что не надо ждать от детей ответной доброты, если ты относишься к ним прохладно.

Первоначальная несостоятельность целиком ввергает детей на попечение родителей, что становится привычкой, порождая у них неразумные ожидания. И всякий раз, когда им отказывают в чем-либо, дети чувствуют себя обиженными. И пока их желания сильны, а ум дремлет, их гнев не вызывается ничем, кроме как желанием получить понравившуюся вещь. То, что им не угождают ради их же собственного блага, дети должны сами постепенно осознать. Поэтому ты должна понять, что первые помыслы твоих детей не будут иметь ни малейшего оттенка неповиновения. Тебе следует подавлять их как можно реже, и если невозможно этого избежать, то делать это в более мягкой форме. Ты должна избавить детей от плохого настроения и предложить что-нибудь приятное прежде, чем они о том попросят. Это укрепит твой авторитет, смягчит твою власть и убедит детей в том, что послушание в их же интересах. Ты должна строго следить за собой в обществе детей, как если бы находилась в неприятельском стане. Дети склонны делать неверные выводы, ободряться от одного намека и неправильно истолковывать твои слова и поступки. Сообразно с этим они пренебрегают своими обязанностями или обретают вседозволенность. Позволь им больше почувствовать твою доброту, нежели власть над ними. И кроме того, не позволяй своему любимцу выходок, которые дадут остальным детям право на такое же поведение. Если у тебя растут дети обоих полов, предоставь мальчиков на попечение отца, сама же отдай должное воспитанию дочерей. Ты должна обращаться с ними так, чтобы у них никогда не возникло желания избегать тебя, если только они не совершили какой-нибудь проступок, за который позволь им трепетать и страшиться за его последствия. Однако наказание не должно быть слишком продолжительным, чтобы не вызвать большую обиду, что может только ожесточить, а не исправить их детские души. До-

брота и строгость должны чередоваться попеременно, а твое прощение должно быть безграничным, ибо любовь, а не страх становится основанием для подчинения детей родительской воле.

Следующий вопрос, нуждающийся в рассмотрении, — это твои слуги. Ты, должно быть, считаешь, что если они получают жалованье, то посему обязаны тебе беспрекословно подчиняться и не стоят того, чтобы о них заботились и ими руководили. Это утверждение сродни тому, как если бы мастер пренебрег колесами для экипажа только потому, что они сделаны из дерева. Слуги и являются «колесами» твоей семьи, и, если ты задашь им неверное направление, «экипаж» остановится и порядок в доме нарушится. Хотя между вами существует неравенство, о чем никогда не следует забывать, ты должна относиться к слугам как к бедным родственникам, которым платишь добротой и хорошим обращением, если они того заслуживают и чьи услуги принимаешь, когда в них возникает необходимость. Глупое высокомерие и командирский тон в разговоре с ними неприличны. Кроме того, это может вызвать у слуг неприязнь к тебе, они сделаются ленивыми и пренебрежительными к своим обязанностям. И ты скоро убедишься в правоте этих слов на собственном опыте и поймешь, что чем меньшую власть ты будешь демонстрировать по отношению к ним, тем лучше они будут исполнять твои поручения. Не слишком сердись, если не все распоряжения будут выполняться тотчас же. Чем тише ты будешь отдавать указания, тем лучше они будут исполняться. Ровный тон в оценках их хороших и дурных поступков позволит сохранить их в надлежащих рамках и обойтись без шума, а также послужит лучшим свидетельством твоего умения задавать спокойный и благожелательный климат. Никогда не пренебрегай повседневными делами, занимаясь другими вещами, быть может, более предпочтительными, но не своевременными. Так ты приобретешь уважение слуг, а затем и их добровольное тебе подчинение.

Я не могу обойти одну из важных проблем в семье — финансы. Неумелое обращение с семейным бюджетом скорее навлечет нарекания, нежели вызовет одобрение. Если хорошенько разобраться, ничто в свете так не высмеивается, как деньги, хотя их владельцы так не думают. Искусство мудро

распоряжаться деньгами не достигается без умственного напряжения. Это особенно трудно для супруги, которая за свои промахи ответственна перед мужем. Вопрос не только в его деньгах. На карту поставлено также доверие супруга, если то, что входит в обязанности жены, ведется с излишней бережливостью или чрезмерной расточительностью. Ты, однако, должна придерживаться середины между двумя этими крайностями. Но поскольку нелегко удержать равновесие, совету скорее склоняться к щедрости, тем более что это соответствует твоему положению и не вызовет нареканий. Излишние траты в небольших размерах можно быстрее восполнить, чем восстановить утерянное доверие, и мудрый супруг простит скорее расточительность, чем скупость, если это, конечно, не будет слишком часто повторяться. Его мнение в этом вопросе должно быть для тебя главным руководством, а его гнев, однажды проявившийся, в значительной степени оправдает твои поступки, если он того пожелает.

В своих нарядах избегай слишком кричащего и вычурного. Помни, что разумное слово и ласковый взгляд скорее помогут завоевать расположение, нежели все твои великолепные украшения. Я сказал это для того, чтобы ты в согласии жила со светом и набиралась мудрости, а не подражала глупым примерам. Некоторая оригинальность допустима, если только она соответствует твоему положению в обществе и состоянию. Что же касается денежных трат, то мне кажется, что со вкусом подобранный интерьер дома сделает тебя более значительной, нежели блеск нарядов, которые могут себе позволить и женщины с меньшим достатком. Это не означает, однако, что тебя не должно интересовать ничего, кроме дома. Для достижения изобилия в доме поручи младшему из слуг, которыми располагаешь, докладывать тебе об отсутствии того, что необходимо. Кроме того, запомни навсегда, что ничего нет прекраснее того, что уместно. Иначе каждая вещь будет казаться тебе необходимой, и ты будешь мечтать о ней не потому, что она действительно нужна тебе, а в силу того, что ею обладают другие. Подобная женская логика перекраивает разум на свой манер, обращая внимание не на вещь, а на ее обладателя. Слово «необходимость», используемое некстати, нарушает покой семьи, которая лишается управления. Помни, что дети и глупцы желают всего, поскольку не обладают

достаточным разумом, чтобы отделить нужное от ненужного. Нет лучшего подтверждения их заблуждениям, чем очень длинный перечень «необходимых» вещей, тогда как на самом деле таковых бывает очень немного. Поэтому прежде, чем пожелать какую-нибудь вещь, хорошенько подумай, а так ли уж она тебе необходима. Кроме того, твой супруг может отказать тебе в приобретении бесполезных вещей, если твои просьбы будут частыми, и у него появится моральное право отказывать в покупке даже того, что тебе действительно будет необходимо.

Встречаются неразумные дамы, которые не задумываются глубоко над тем, насколько они сами соответствуют окружающему их великолепию, которым так гордятся. Другие же леди, обладая прекрасными вещами, вряд ли позволят кому-нибудь их созерцать и даже становятся дерзкими, если кто-то пожелает проникнуть в их покои. Многие тем больше ценят вещи, чем сложнее их заполучить. Это выглядит так, словно их собственная значимость зависит от этих вещей.

Твое поведение, конечно, должно диктоваться определенными правилами поведения, и потому не дело супруги стремиться к неограниченной свободе в тратах. Поэтому туалеты должны быть уместными, иначе они не заслуживают похвалы. Сами по себе они не представляют никакой ценности.

Я завершу рассмотрение статьи о расходах кратким резюме. Не связывай себя чрезмерными ограничениями, ибо это помешает тебе быть собой, но помни, что добродетель — это самое лучшее украшение, а добронравие — прекрасное руководство.

Манеры поведения

Настало время рассмотреть твой выход в свет. Это опасный шаг, и добродетель не защитит тебя, если она не сопровождается благоразумием. Для самосохранения лучше обладать и тем, и другим. Помни, что враг не дремлет и он всегда начеку. Если ты зазеваешься, тебе придется худо. Твое поведение должно быть сдержанным. Этому правилу следует подчиняться неукоснительно, не отказываясь, однако, от той невинной свободы в общении, которая употребляется к месту. Наш сумасбродный век делает осторожность необходимой. По той

же самой причине чрезмерная распущенность непорядочных мужчин во многом ограничивает законную свободу тех, кто не злоупотребляет ею. Непозволительные же вольности некоторых леди бросают тень на всех остальных. Это, конечно, не может изменить природу вещей и сделать преступным то, что по сути своей является малозначительным. Но ситуация иногда становится опасной, и этого достаточно, чтобы оправдать ограничения. Осторожное поведение добродетельно, потому что оно и только оно может уберечь. Должная сдержанность — это своего рода оборонительные укрепления, которые нельзя покидать, если хочешь уберечь себя. Они предохраняют не только от захвата, но и от штурма. И если женщина видит опасность, она должна оставить все вольности. Если она позволит себе приблизиться к границе недозволенного, то может ступить и дальше, где на нее нападет тот, кто подстерегает.

Общество, пребывающее в двойном искушении между тщеславием и страстями, имеет привычку расценивать каждый поступок дамы как многообещающий. Но немногие решатся сделать дерзкое предложение леди, не удостоверившись предварительно в ее намерениях. Поэтому намного безопаснее предотвратить подобную дерзость, нежели потом пытаться исправить создавшееся положение. Поощрение усиливает настойчивость и дает основание надеяться на безнаказанность. Даже вежливость ошибочно можно принять за поощрение. Для тебя недостаточно просто избегать подобных опасных обязательств, поскольку если ты подашь надежду или повод к разговорам, то твое доброе имя может быть запятнано, и такой позор тяжело смыть, особенно если в дело вступает мужское тщеславие или женское коварство.

Большинство мужчин относятся к платоническим поклонникам, хотя и не желают признаться в этом. Большинству из них льстит, если их называют удачливыми любовниками, даже если таковыми они и не являются. Поэтому ты должна быть осторожной и не доверяться подобным лицемерам, ибо они могут бросить тень на свою репутацию, даже если твоя совесть и останется чиста.

Представительницы женского пола не упустят случая, чтобы навредить другим. Лучшие из них не преминут поднять свою репутацию в чужих глазах, ставя, если представится случай, других в пикантное положение. Дай только им возмож-

ность, и они будут рассылать проклятия на добродетельную женщину, тщетно пытаясь превзойти ее хотя бы в чем-нибудь. Им кажется, что бремя позора станет легче, если его переложить на других. Поэтому вместо того, чтобы избавиться от него, они попытаются выявить малейшие оплошности в поведении добродетельной леди, желая отомстить ей за свой образ жизни, воспринимаемый многими как упрек. С такими дамами будь очень осторожной, не вызывай у них гнева, но и не сближайся с ними.

К мужчинам относись так, чтобы, оставаясь в безопасности, в то же время не задеть их. Не впадай ни в чрезмерную застенчивость, ни в грубость, которая вообще не достойна женщины. Веди образ жизни, который не даст повода к пошлым шуткам и непристойным выходкам. Взгляд, который отказывает без грубости или побуждает без приглашения и дает основание мужскому тщеславию рассчитывать на благосклонность, очень красноречив. Поэтому следи за выражением своих глаз и помни, что один неосторожный взгляд скажет больше, чем сотня незначущих слов. Язык взглядов более значителен и выразителен.

Вежливость, всегда сопутствующая тебе, не должна приводить к уступчивости, которая способна повлечь за собой непоправимые ошибки. Это французское двусмысленное слово «любезность» может привести твой пол к позору. Она превращает леди в то, что называется «милая дама», или, проще говоря, бесполезное создание, которое не делает ни добра, ни зла, а поступает неосознанно, оставляя право выбора тем людям, в кругу которых вращается. Такая дама всегда под рукой, она — отзывчивый компаньон, который непременно посочувствует разбитой любви. Она не осуждает ничего, кроме строгости, и у нее всегда найдется средство для задетой репутации, в котором заключены все ее познания в области медицины. Она редко отличается особой галантностью и живет посредничеством, ожидая от друзей подачек.

Существует и иной склад характера, в котором нет ничего предосудительного, но который не менее смешон, — это «добродушная дама», которая полагает, что при ней всегда должны быть широкая улыбка и звонкий смех, потому что веселый нрав — это привлекательное качество. Она думает, что молчать в компании неприличнее, нежели нести чепуху. И ког-

да такая излишне словоохотливая дама потеряет над собой контроль и начнет бесконечную болтовню, которую поддержит какой-нибудь балагур, крики обезьян покажутся для вас сладкой музыкой. Если же она почувствует одобрение, то так воодушевится, что подобно сказителю баллад, надрывающему легкие, начнет без умолку изливать свои чувства на окружающих. Она полагает, что веселье не должно прекращаться, и потому всегда старается продлить его. Если мужчина задаст фамильярный вопрос, она не понимает, что надлежит рассердиться. Во всех ситуациях она продолжает оставаться «добродушной дамой». Подобное стремление всегда казаться веселой является серьезным недостатком. Если для красивой женщины подобное поведение излишне, то для обычной дамы оно просто смешно. Однако это не означает, что ты должна избегать смеха, но помни, что глупо всегда рядиться в веселье и что смешливость и наигранность мало привлекательны, как и громкий смех, неестественные раскаты которого похожи на мужской хохот. Подобное шумное веселье не сопоставимо с мудростью и хорошими манерами, так же как со скромностью и добродетелью. Кроме того, оно не свидетельствует о достоинстве, исключая женщину из числа избранных. Некоторые леди разговаривают громко и производят много шума, чтобы обратить на себя внимание, что выглядит так, как если бы они звуками барабана созывали волонтеров.

Существует еще один тип людей, которых следует сторониться. Это те, кто из тщеславия стремятся к подавлению окружающих, хотя и отрицают наличие данного порока у себя. Некоторые полагают, что об их добродетели мало что известно, пока ее не выставить на всеобщее обозрение. Эти опасные эксперименты обычно кончаются неудачей, потому что строятся на зыбком основании — чрезмерной самоуверенности.

Играть с любовью так же опасно, как играть с огнем. По этой причине женщина должна держать ее в узде, чтобы обезопаситься от козней, которые нередко замышляются против женского пола. Еще недавно скромный кавалер, которого считали своим трофеем, легко становится завоевателем. Вступая на путь побед, он из вздыхателя превращается в господина и приобретает неограниченную власть. И тогда первоначальная решимость женщины остановиться на добрых

отношениях и уважении ослабевает не в силах устоять перед неотразимостью кавалера. Леди с готовностью принимает его лесть за чистую монету и верит всему, что он говорит, добиваясь ее любви. Так бедная женщина оказывается в ловушке, подобно птице, клюнувшей на приманку. Ты должна помнить, что мужчины повторяют приятные комплименты из эгоистических соображений и что пустого волокиту в равной степени радуют как собственное красноречие, так и благоклонный ответ возлюбленной. Во всем ты должна усматривать умысел. И как крепкие духи редко используются, разве только чтобы смягчить иные, нежелательные запахи, так чрезмерное красноречие заставляет задуматься, не стоит ли за ним нечто иное, что нуждается в сокрытии. Ты должна поэтому быть всегда настороже и понимать, что из двух вещей доверие более опасно, чем гнев. Гнев способен на время затмить разум, пока здравые суждения не вернут его вновь. Последствия гнева исчезают вместе с производимым им шумом. Доверие же — это медленный, но верный яд, который проникает глубоко. Укоренившись в нас, доверие, подобно апоплексическому удару, убивает мозг и отключает сознание навсегда. По этой причине самый безопасный путь — это вести себя так, как поступают с коварным врагом. Следует быть постоянно готовой к отражению атак неприятеля.

Я хочу завершить этот раздел одним советом: пусть каждые семь лет прибавляют тебе степенности и не пытайся уподобляться пятидесятилетним дамам, которые решили навсегда остаться молодыми, тогда как железные зубы свидетельствуют об ином. Неестественность порождает уродство, которое невозможно замаскировать. Живость юности в зрелые годы выглядит подобно новой заплатке на старом платье. Беспутная мать семейства или старый балагур могут быть включены в разряд прирученных чудовищ. Эти люди, которых можно назвать никчемными, целиком посвящают себя забавам и проводят целые дни на Варфоломеевской ярмарке*, наблюдая за молодыми, чтобы как-то оправдать свое поведение. Престарелая бабочка — это самое комичное из всех созданий. Поэтому с ранних лет избегай следовать таким презренным

* Варфоломеевская ярмарка проводилась 24 августа, в день св. Варфоломея — одного из двенадцати апостолов. — *Прим. перев.*

образцам и не подражай дамам, которые становятся в глазах света посмешищем.

У сдержанности так много преимуществ, но я назову лишь одно: она является защитой добродетельной женщине и прикрытием для порочной. От нее так много пользы, что те, которые не используют ее ради благих намерений, прикрываются ею как хитростью.

Дружба

Я должен настоятельно рекомендовать тебе строже относиться к выбору друзей. Возможно, стоит удостовериться, что твои друзья не пренебрегают правилами, которыми руководствуется здравомыслящая часть человечества.

Оборонительные союзы, столь редко сохраняющиеся в политике, еще реже соблюдаются в дружбе. Нарушенная близость, которой вдруг пришел конец, вызывает немало шума; секреты сыплются как из рога изобилия, и распространяются по городу, подобно птице, выпущенной из клетки, и становятся достоянием общества. Кроме того, явное предпочтение, которое может быть оказано тобой кому-то одному из друзей, покажется остальным оскорбительным, и они отдалятся от тебя. Если ты будешь изливать свои чувства любимому другу, те, кто присутствует при этой сцене, обидятся и не смогут этого забыть.

Не выражай своих дружеских чувств поначалу слишком явно, поскольку они, как и все в этом мире, скоро иссякнут. Не позволяй им чрезмерно усиливаться, поскольку, подобно цветам, которые быстро расцветают и так же быстро увядают, слишком бурное изъяснение чувств является определенным показателем того, что они не будут продолжительными.

Ты несешь ответственность перед миром, если избереешь себе друзей, которые проявят со временем дурные склонности. В этом случае ты попадешь под действие недостатков их характеров и, возможно, отчасти позаимствуешь их для себя. Твой выбор подразумевает одобрение, и, если твоей подругой станет леди, против которой настроено общество, будет нелегко поверить, что ты, осуждая ее образ жизни, относишься к ней с добротой. Или же на тебя будут смотреть как на ее союзницу, если не на участницу ее прегрешений. Если ты

прощаешь проступки других, могут подумать, что ты не очень строга и по отношению к себе. Поэтому ты должна быть готова разделить участь подруги, репутация которой запятнана.

Если же случится, что твоя подруга окажется виновной в проступке, а ты оказала ей дружеское расположение, разберись спокойно в создавшейся ситуации, и если все говорит против нее, то решительно, но не грубо прерви это ошибочное знакомство. Если ты замешкаешься, то на тебя, безвинную, может пасть тень, а твое имя свяжут со скандальной историей. Ситуация очень деликатная, и ты не должна медлить, присоединяясь к обвинению против своей подруги, когда станет очевидной ее вина, либо защищая ее, если выяснится, что произошла досадная ошибка. Однако не выражай слишком откровенно свои чувства, поскольку дружба не должна быть слепой. Между двумя крайностями существует золотая середина, которой необходимо следовать, иначе тебе будут отводить такие роли, которыми вряд ли можно гордиться. Любители позлословить будут за глаза подсмеиваться над тобой, которую легко обмануть, и это, возможно, станет самым безобидным развлечением.

Пусть здравый смысл станет главным направлением твоего выбора, чтобы твоя репутация не оказалась запятнана дерзостью и нахальством мнимых «друзей». Это сродни тому, как если бы наш дом сгорел по вине пьяного и беспечного соседа, но только много хуже, потому что в этом случае нет никакой гарантии на получение соответствующей компенсации.

В заключение хочу сказать, что если некоторая формальность в отношениях допустима, то она должна воспрепятствовать натиску подобных женщин, которые набиваются к тебе в подруги. Если же их сделать таковыми, то они расставят ловушку для тебя.

Осуждение

Я перехожу к рассмотрению вопроса о том, как ты должна распорядиться своим осуждением, которое требует осторожности и умения. Надо научиться распознавать ситуации, когда оно необходимо. Мы не можем обойтись без собственного мнения, будь то прощение или осуждение, в зависимости от обстоятельств. Трудность заключается в том, как опреде-

лить, когда и где уместно проявить осуждение. Антипатия к тому, что преступно, и презрение к тому, что смешно, естественны, но полет наших мыслей слишком опасен, чтобы не определить его разумные пределы. Неограниченная свобода может привести к войне против всего света. Бой будет неравным, пусть даже ты и абсолютно права. Если ты начнешь бороться с таким опасным противником, он растерзает тебя на части и оправдает свои действия тем, что все это делается в целях самозащиты. Ты поэтому должна быть осторожней с насмешками по отношению к кому бы ни было, за исключением компании, в которой уверена. Бороться со всем миром — это все равно что защищаться снежками от пуль. Злоба и жестокость тотчас возведут на женщину напраслину. По этой причине умеряй свое недовольство глупцами, которых немало и потому они сильны и опасны. Дураки в гневе обрушатся на тебя градом глупых насмешек, в которых не будет ни капли остроумия. Другие же сделают это с большим изяществом. Ты не будешь чувствовать себя в безопасности, даже если твоя репутация безупречна, потому что осмеянию подвергнется то, что менее всего защищено от злых языков. Они сумеют найти уязвимые места, на которые обрушатся с критикой. Если у тебя есть слабости, их сделают достоянием гласности и опорочат все твои поступки с тем, чтобы унижить тебя, искажая все то, что говорит в твою пользу. Злоба не нуждается в приглашении, и ни в какие иные моменты мы не испытываем столько боли, как тогда, когда о нас плохо говорят.

Кроме того, твой ум будет растрочен впустую, если его направлять на то, чтобы подмечать чужие недостатки, а не искоренять свои собственные. Рассеянность напоминает собой дом, который не посещается людьми и в котором незамедлительно воцаряется запустение и беспорядок. Такое произойдет и с нами, если мы не будем обращать свой взор внутрь себя, выискивая то, что неладно в нас. И если мы будем искать утешение в пороках других, то нас постигнут нежелательные последствия.

Избегай первой выносить строгий приговор, пусть сначала он станет мнением большинства, потом можешь смело присоединиться к нему. Никогда не выноси приговор, как магистрат или лицо, облеченное особой властью, которое дарует

по своему усмотрению хорошие или плохие оценки. Не задерживайся слишком долго на слабостях, коснись их в разговоре и следуй дальше. Обращай больше внимания на то, что достойно похвалы, подобно пчелам, которые садятся лишь на те цветы, с которых можно снять нектар. Добродетель, униженная шипами, слишком грубовата для нашего века. Она должна быть украшена цветами, иначе не будет в почете. Даже если ситуация подсказывает тебе нанести удар, сделай это деликатно, как настоящая леди, и ты убедишься, что, поступая таким образом, сможешь скорее обезопасить себя, нежели проявляя резкость и грубость.

Высшим проявлением благоразумия будет твое подчинение своему собственному суду: поспеши обнаружить чужие ошибки, но не торопись их демонстрировать. Ведь доброе имя складывается из множества отдельных голосов, которые хорошо о тебе отзываются. И хотя нет ничего более тщетного, чем неумное желание похвал, они постоянно используются в свете и создают выигрышный имидж женщине. Они подобны духам, запах которых обволакивает ее. Благодаря им грязь не пристанет к тебе, а насмешка не достигнет цели. Без согласия света скандал не разразится, он только слегка затронет тех, кто прав, и обрушится с большей силой на тех, кто его вызвал.

Тщеславие и притворство

Я должен со всей серьезностью предостеречь тебя от тщеславия: это тот порок, который присущ большинству женщин и притворство по большей части сопровождает. Я не назову их близнецами, потому что тщеславие — это мать, а притворство — ее любимая дочь, тщеславие — это грех, а притворство — наказание; первое можно назвать корнями эгоизма, а второе — его плодами. Но своего апогея тщеславие достигает только в притворстве.

Не задерживаясь более на определении, я перейду к средствам, с помощью которых возможно избежать этих пороков. Прежде всего ты должна понять, что свет претендует на право распределять уважение и одобрение, поэтому того, кто покусится на его привилегии, ожидает гнев и месть общества. И если мы сможем оценить глубину ошибки строгостью на-

казания, то найдется немного пороков серьезнее тщеславия и трудно найти наказание тяжелее осмеяния.

Тщеславие заражает женщину, захватывает ее целиком и отражается на окружающих. И поскольку ее собственные мысли оказываются занятыми только самолюбованием, она по недомыслию ограничивает свое общение узким кругом, члены которого принадлежат к сливкам общества. Любая беседа заканчивается ею или, исчерпавшись, переходит на ее наряды — сцена, лучше которой только испытание нелепого изобретения. Любому доставит удовольствие наблюдать, как она напрашивается на похвалу и дует, если плохо воспитанное общество не клюнет на ее приманку; следить за тем, как она бросает взгляды, чтобы добиться расположения, и выходит из себя, если остается без добычи, — чем не хорошая пища для комедии? Она так поглощена завоеванием уважения, что, ежеминутно думая о нем, совершает промахи и терпит неудачи, становится раздражительной, не понимая, что насильно милой не будешь. Ведь уважение нужно получать, а не брать приступом, к тому же в таком случае его цена значительно дороже. Если же общество вместо восхищения ее достоинствами осмеливается над ними смеяться, то она выносит приговор всему свету, о чем и объявляет на всех собраниях. С другой стороны, если она встретит ободрение в любезной форме, то будет благодарить в самых изысканных выражениях, что может вызвать только смех. Она принимает дежурный комплимент за чистую монету даже вопреки очевидности. И эта милая дама, прозябая в невежестве, забывает, что мужчины не позволят ей судачить о себе и обрушивать на свои головы потоки бессмысленных речей, если они не намерены потребовать от нее компенсации за ее дерзость. Добрые слова какой-либо другой дамы невыносимы для нее и раздражают ее так, что она не находит себе места, вскакивает и уходит, охваченная гневом и нетерпением. Если совершенно случайно наша дама скажет что-то осмысленное, она ожидает в свой адрес комплиментов, а не дождавшись таковых, считает, что все у нее в долгу. Она полагает, что правила созданы для рядовых граждан, но не для нее; и такое убеждение иногда побуждает ее расширять свои прерогативы, раздавая распоряжения. И если по случайному стечению обстоятельств она, вопреки своему тщеславию,

окажется честной, это будет для нее так мучительно, что насколько это в ее силах, она попытается уменьшить это достоинство. Ее похвальба добродетелями выглядит так, как будто они причиняют ей невыразимые страдания. Ее прихоти большей частью ограничиваются выбором платьев, а все ее внимание занято тем, как бы не платить за них. Она привержена стилю, в котором ей отказали вкус и благоразумие. Она так рабски послушна моде, что готова смешать добродетель с пороками, если узнает от учителя танцев, что так делают при дворе.

У дамы, преуспевающей в искусстве притворства с целью облагородить свой характер, оно достигает невиданных высот совершенства. Такая дама сама будет решать, хорошо или дурно она поступает. Она полагает, что создана из совершенного материала, который не может оказаться обыкновенным земным прахом. Посему она не должна ни говорить, ни двигаться как другие дамы, так как это выглядит вульгарно. По этой же причине она изъясняется в особой манере, поскольку обычный язык слишком вульгарен для нее. От того, что увидит она утром в зеркале, зависит ее настроение и все ее поступки, которые чем тщательнее обдумываются, тем оказываются ошибочнее. Она входит в зал так, что создается впечатление, будто части ее тела недостаточно соединены между собой, и это заставляет присутствующих опасаться, как бы она не рассыпалась на части. Она не любит себя такой, какой сотворил ее Всемогущий Господь, но ее попытки улучшить собственный образ далеки от того, чтобы создать идеал женщины, скорее они способствуют ее превращению в существо худшее, чем обезьяна. Она враждует с природой, объявляет ей вечную войну, и, если вдруг она решится стать неразумно мягкой, эта притворная простота будет неестественна. Если она вдруг захочет предстать скромницей, окружающим может показаться, что она невыносимо горда. Лицо, на котором играет неприличная улыбка, выражает тупое удовольствие, когда она слабо противится неискреннему комплименту, однако ее благодарность бросается всем в глаза. Если более привлекательная дама позволит себе вольность в одежде, наша героиня последует ее примеру, не задумываясь, что делает себя при этом еще более уродливой. В подобном бездумном подражании она забывает об

особых привилегиях красавиц или же причисляет себя к таковым без всякого на то основания. Ее речь — это бессмысленный поток пустых слов и множества комплиментов, которые она расточает по адресу различных людей, хотя они их не ценят и им не доверяют. Ее глаза под стать языку и постоянно пребывают в движении. Она полагает, что красота и грех идут рука об руку. Она не очень строго относится к греху и разрывается между двумя противоположными чувствами: гордостью за свою красоту и своей добродетелью. Она не торопится воспрепятствовать распространению слухов о том, что кто-то умирает из-за нее. Она скорее позволит свету заподозрить себя в порочности, нежели даст повод усомниться в своих успехах.

Ослепительная красота может на время затмить разум мужчины, который не сумеет различить всю уродливость притворства. Но когда ослепление пройдет и глаза влюбленного, освободившись от пелены, смогут увидеть действительность, разум вернется к человеку и он исправит ошибку, в которую вовлекла его эта леди. Однажды преодолев заблуждение, он не будет уже поклоняться ей как божеству, которое оказалось идолом, созданным для его обмана. Подобных дам можно сравнить с бабочками, которые блистают нарядными крыльями в течение двух или трех жарких месяцев, но первые же холода убивают их. Последние годы этих порхающих созданий мрачны: даже со стороны самых близких друзей они встречают лишь слабое расположение, тогда как весь остальной мир полон к ним презрения.

Пусть нарисованная мною картина отвратит тебя от следования этому примеру, уродливость которого, понятая правильно, послужит тебе напоминанием. По этой же причине сам вид пьяницы станет лучшим аргументом против порока, нежели самая лучшая проповедь, произнесенная по этому поводу.

Гордость

После разговора о тщеславии я не хочу подвергать такому же суду гордость. Слово это двусмысленное, оно может означать и добродетель и порок. Но мы, естественно, склонны выбирать всегда худшее, так что становится опасным хвалить лучшее.

Дама не должна гордиться ни своими прекрасными нарядами, ни тем, что, обладая меньшим умом, чем окружающие, может превзойти всех красотой своих кружев. Некоторые дамы придают своей внешности столь большое значение, что если заглянуть в их сердца, то можно обнаружить, что даже мысли о смерти менее заботят их, равно как и размышления о том, как будет выставлено для прощания их тело и с почестями ли опущено в могилу. Можно вести себя и так, чтобы не впадать в подобные крайности, и, однако, быть достаточно назойливой, придавая повышенное внимание тому, чего можно и не замечать. Леди не должна добиваться любыми средствами большего уважения к себе — ей следует довольствоваться разумным и, относясь с пониманием к окружающим, рассчитывать на их взаимное уважение. Она не должна стремиться к вызывающей привлекательности или быть слишком любезной. Дамы не должны слишком полагаться на свое происхождение и презирать тех, кто ниже их по рангу. Некоторые делают из своей родословной фетиш, слепо ему поклоняясь. Они подвержены распространенному мнению, что отсутствие высокого титула нельзя заменить ничем иным. Они полагают, что это преимущество поднимет их на высшую ступень, которая возвысит их над добродетелью и моралью как над устаревшими и незначительными понятиями. Такая ошибка не просто бездумна, но и опасна — это огромное заблуждение. Просто посмеяться над такой глупостью недостаточно; необходимо продемонстрировать ее ничтожность, поскольку она того заслуживает. Однако не стоит поддаваться гневу из-за подобных выскочек. Необходимо держать себя в руках. Максимум, что позволительно, если они будут вести себя недостойно, — это пошутить над ними немного язвительно, но не более того.

Таких и подобных им проявлений гордости необходимо избегать. Что я хочу посоветовать тебе, так это стремиться одержать верх над своим характером. Такое стремление не порок, а начало добродетели и бесспорно заслуживает всяческого одобрения; плохим симптомом окажется, если дама пожелает обойтись без него. Но хотя смирение, без сомнения, великая добродетель, оно не должно мешать высказывать презрение к дурному. При этом, отрицая порок и глупость, ты не должна обращать презрение к этим качествам

в нетерпимость к людям. Здесь требуется соответствующая осторожность, иначе можно попасть впросак.

В любом случае помни, что для дамы безопаснее казаться гордой, нежели доступной.

Развлечения

Закончу я свое повествование тем, что дам тебе мудрый и надежный совет по поводу досуга. Быть слишком падкой на развлечения в юные годы — в этом нет ничего хорошего, но стремиться к ним в преклонные лета — вовсе пустое занятие. Подобное стремление, перестав быть естественным, становится неприличным. Отдых создан для тех, кто утомлен работой и нуждается в восстановлении сил. Бездельникам он не нужен, хотя именно они с огромным рвением ищут развлечений. Давать отдых мыслям, когда мы слишком отягощены заботами, не только естественно, но и необходимо, однако превращать жизнь в вечный праздник не только смешно, но и лишено самого удовольствия. Разум, как и тело, устает, пребывая в одном и том же состоянии, он серьезно слабеет, пребывая в вечном отдыхе. Удовольствий в мире великое множество, но развлечения, часто повторяясь, быстро приедаются. Если же они выбраны с умом и им отведено положенное время, то за них никогда не будет стыдно, но, будучи в избытке, пусть на первый взгляд невинные, они часто превращаются в преступные, не говоря о том, что всегда бывают неуместными.

Некоторых леди специально отбирают для участия в веселых пирушках, как секундантов для дуэли. Они погружаются в праздность, в которой пребывают целый год без всякого серьезного занятия. Они знают имена всех актеров и на коротке с бродячими музыкантами Варфоломеевской ярмарки. Весна, которая выпускает на волю птиц, делает глупцов постоянными обитателями Гайд-парка. Зимой найти пристанище для забав труднее, поэтому их лица, мелькающие на улицах каждый день, настолько надоедают людям, что они перестают их замечать. Взгляд человека выбирает прекрасное, как желудок — сладкое, и, когда леди слишком часто появляется на людях, она становится приторной, докучая всем, вместо того чтобы привлекать. Подобные веселые да-

мы так жаждут развлечений, что превращаются в посмешище, забывая, что чем реже они будут появляться, тем меньше дадут поводов для насмешек, постыднее чего для женщины ничего нет.

Иногда развлекаться и собирать компании позволительно, но не следует это делать часто. Подобное поведение влечет за собой всякие нежелательные последствия. Ты можешь привыкнуть к безделью и бездумной трате времени или попасть в плохую компанию, пренебречь светскими манерами и домашними делами и обзавестись такими знакомствами, которые не сделают тебе чести.

Еще больше нареканий вызывает увлечение азартными играми. Оно даст повод свету интересоваться, откуда ты берешь средства, чтобы покрывать расходы. Если ты платишь точно по счетам, всех будет интересовать источник полученных средств. Если ты займешь их, особенно у мужчины, то должна будешь оказывать ему любезности, и никто не заподозрит его в бесчестии, когда он воспользуется случаем. В любом случае леди, которая делает крупные ставки или хотя бы наблюдает за игрой, следует сторониться всего того, что может поставить ее в двусмысленное положение.

Я не против танцев, но помни, что цель твоего обучения — двигаться как можно более грациозно. Только в этом его смысл. Если же цель состоит в том, чтобы превзойти кого-то, она не стоит похвалы. Даме лучше не танцевать, чем танцевать слишком часто, хотя и делая это неподражаемо. Лучше всего заняться танцами в знакомой компании, среди близких друзей, относясь к этому как к развлечению, а не как к серьезному делу, или посвятить месяц занятиям с учителем танцев.

Можно еще многое добавить в этой главе. Но я должен ограничить свои размышления, посвященные моей дорогой дочери, которые грозят превратиться в увесистый том, совсем не подходящий для новогоднего подарка. Я хочу завершить их своими наилучшими пожеланиями всего, что хорошо для тебя. Будь украшением своей семьи и примером для всех женщин. Будь благословенна мужем, которого можно ценить, и детьми, которые унаследуют твои добродетели. Освещай мир истинным светом, не завидуй, чтобы быть достойной уважения. Пусть разум и добродетель сопутствуют

формированию твоей личности. Разум без добродетели пуст, а добродетель слаба — так пусть же они объединятся в тебе и никогда не расстанутся, позволь им быть твоими ангелами-хранителями, и они не оставят тебя своим покровительством. Воспитывай так свой характер, чтобы он послужил примером будущему поколению.

Заклинаю тебя, моя дорогая, исполнить эти заветы отца, чьи помыслы только о тебе и о твоём счастье, которое является большей частью и моего собственного.

Даниель Дефо

Женские академии

Мне часто приходит на ум, что одним из самых варварских обычаев в мире является то, что в нашей, считающейся цивилизованной и христианской стране мы отказываем женщинам в преимуществах образования. Изо дня в день мы осуждаем женщин за их глупость и несостоятельность, но я убежден, что при уровне образования, равном мужскому, их вина в этих грехах была бы куда менее нашей.

Сама возможность разговора с женщинами о чем-либо серьезном кажется невероятной, поскольку все их знания ограничены лишь областью их природных способностей, да и возможно ли ожидать большего, если вся их юность проходит в обучении шитью и вышивке или изготовлению безделушек. Правда, их учат читать и даже писать свое имя или чему-либо в этом же роде, но это уже вершина женской образованности. И потому всякого, уничижительно относящегося к мере женского понимания, я бы спросил: «На что же годен мужчина (я имею в виду джентльмена), не обученный ничему больше?»

Перевод В. А. Парицкого. Стихотворный перевод — И. Писемского.

Статья «Женские академии» является частью раздела «Об академиях» книги Д. Дефо «Очерк о проектах». Перевод статьи «Женские академии» на русский язык впервые был выполнен в 1994 году с издания «An Essay upon Projects by Daniel Defoe» (London, 1887) для сборника «Европейская педагогика от Античности до Нового времени (Исследования и материалы)». (М., 1994).

Нет нужды приводить примеры или углубляться в изучение характера джентльмена, владеющего приличным состоянием, из хорошей семьи и с удовлетворительными способностями, чтобы представить затем, что же из него получится при недостатке образования.

Душа человека подобна необработанному алмазу, который никогда не заиграет во всем своем блеске без огранки. Совершенно очевидно, что подобно тому, как обладающая разумом душа отличает нас от животных, так и образование составляет то отличие, которое делает одних менее похожими на животных, чем других. Все это слишком очевидно, чтобы нуждалось в разъяснениях. Но почему же в таком случае женщинам отказывают в обучении? Если бы знания и разум были всего лишь бесполезными дополнениями к женскому полу, то всемогущий Господь не одарил бы его соответствующими способностями, ибо Им не создано ничего бесполезного; кроме того, я бы спросил их о том, что они усматривают в невежестве такого, что делает его необходимым украшением для женщины. Иначе говоря, насколько умная женщина хуже глупой или что сделано женщиной такого, что отказывает ей в привилегии на образование? Не чума ли для нас ее гордыня и дерзость? Почему бы не дать ей возможность учиться и обогатить свой интеллект? Можем ли мы обвинять женщин в глупости, в то время как единственно повинным в этом является лишь ошибочный и бесчеловечный обычай, который мешает им становиться более умными.

Можно предположить, что умственные способности и острота чувств женщин превосходят таковые, наблюдаемые у мужчин, и по тем примерам, которыми не обделен нынешний век, можно видеть, на что они способны при наличии соответствующего воспитания. Такие примеры обличают нас в несправедливости и уличают в том, что мы отказываем женщинам в образовании из опасений, что они смогут преуспеть в соперничестве с мужчинами.

Для устранения подобных помех и для предоставления женщинам по меньшей мере необходимой возможности получения образования во всякого рода полезных областях знаний я и предлагаю нижеследующий проект академии для этой цели.

Мне известно, насколько чреват вопрос о появлении женщин на публике: с одной стороны, их нельзя держать взапер-

ти, а с другой — нельзя выставлять напоказ, ибо первое не соответствует их наклонностям, а второе — их репутации, и я сомневаюсь поэтому, что метод, предложенный одной изобретательной леди* в ее небольшой книге «Совет женщинам», оказался бы приемлемым. Вовсе не выражая неуважения по отношению к прекрасному полу, вынужден сказать, что до некоторой степени присущая женщинам, особенно девушкам, фривольность подобного ограничения просто не выдержит, и я уверен также, что существование женского монастыря возможно лишь при высочайшей степени фанатизма. Стремление к небесам у женщин столь сильно, что ради этого они идут на истязание своего прекрасного тела; однако ничто другое на это их не подвигнет, и, более того, даже в этом случае природа одержит верх. Поэтому, когда я говорю об академии для женщин, я имею в виду и пример, и обучение, и способы управления, отличные как от тех, что предлагаются той изобретательной леди, к предложению которой я отношусь с великим уважением и отдаю должное ее разумности, так и от всякого рода систем религиозных запретов, и прежде всего от обета безбрачия.

По моему разумению, подобная академия не должна сколько-нибудь существенно отличаться от государственной школы, чтобы пожелавшие в ней обучаться девушки могли бы воспользоваться всеми преимуществами образования, соответствующего их способностям. Однако чтобы высокородные и богатые люди не опасались отдавать своих дочерей в такую академию, уровень дисциплины в ней должен быть строже, чем в обычной школе, насколько это необходимо для поддержания престижа дома. В связи с вышеизложенным я позволю себе дать описание системы в форме сочинения.

Здание академии я бы сделал оригинальным по форме и расположил бы его в уединенном месте. Стены здания должны быть строго прямыми и без каких-либо выступающих частей и колоннад так, чтобы поверхности просматривались от одного угла здания до другого. Вдоль стен расположатся треугольный по форме сад и крепостной ров с одним-единственным входом.

* Речь идет об английской писательнице-феминистке Мэри Эстелл.

В дополнение к тому, что все аспекты проблемы продуманы настолько хорошо, насколько это возможно для нововведений, у меня не будет ни сторожей, ни глаз, ни шпионов, которые наблюдали бы за девушками, ибо я полагаю, что судить их следует по принципам чести и строгой добродетели.

Если меня спросят почему, то я должен буду испросить прощения у моего пола за следующее объяснение. Я настолько милосерден по отношению к женщинам и настолько хорошо знаю мужчин, что, по моему разумению, единственный способ предотвратить любовные интриги — это строго удерживать мужчин на почтительном расстоянии, хотя та склонность, которую мы прекраснодушно называем любовью, проявляется иногда и у представительниц слабого пола слишком наглядно. За ней нередко следует слабость, но я искренне полагаю, что качество, которое мы неправильно именуем скромностью, имеет столь великую власть над сексом, что ему всегда предшествует домогательство.

Обычай правит женщиной сильнее, чем добродетель,
И часто он, я сам тому свидетель,
Ее хранит от многих приключений —
Как умных, так и глупых — всех без исключений.
Отсюда — гордость женская и скромность,
Отсюда вся таинственность и томность.
Какой бы ни была любовь девичья,
Все ж от греха спасет ее обычай,
И силу даст, и верный путь укажет,
И женщина желанья не покажет,
И первый шаг мужчине предоставит,
И сна лишит, и мучиться заставит.
Но лишь любовь инстинкты одолеет,
Как неприступность мигом ослабеет;
Тогда не в силах будет добродетель
Убить любовь — я сам тому свидетель.

Иначе говоря, пусть у женщины никогда и не было высоких принципов, но она заставит вас просить прежде, чем согласится, по крайней мере, если у нее есть хоть какое-то представление о чести.

На этом основании я убежден, что следует принять такие меры, которые позволят обеспечить женщинам всю возмож-

ную полноту свободы по их собственному разумению, но при этом не будут иметь места ни любовные интриги, ни непристойности, ни скандальные аферы. Чтобы всего этого достичь, необходимо соблюдать обычаи и законы в колледжах, по одному из которых я бы рекомендовал устроить в каждом из графств Англии и около десятка — в Лондоне.

Оговорив форму здания, продолжим:

1. Все поступающие в академию девушки должны письменно подтвердить свое согласие подчиняться существующим в ней порядкам.

2. Поскольку приниматься будут лишь девушки, изъявившие на то свое желание и объявившие, что предпринимаемый ими шаг поступления в академию является их собственным выбором, то ни одна из них не будет удерживаться в ней долее, чем ею будет сделан добровольный выбор в пользу обратного решения.

3. Поскольку расходы на пребывание в доме подлежат оплате самими девушками, то для поступающих будет лишь одно затруднение: вносить плату за целый год вперед, хотя их мнение относительно пребывания в академии может за этот срок и измениться.

4. Парламенту следует издать указ о расценивании в качестве преступления попыток мужчин проникнуть в здание академии с помощью обмана или силы, а также их домогательства, хотя бы и с намерением жениться на любой из девушек, пока она находится в стенах академии. Этот закон ни в коей мере не будет суровым, ибо любой из девушек, пожелавшей принять ухаживания мужчины, дозволительно в любой момент оставить этот дом навсегда; и наоборот, любая девушка может, если такое случится, избавиться от неприятных ухаживаний какой-либо персоны, поступив в академию.

Лица, принятые в академию, должны обучаться всевозможным предметам, соответствующим их уму и достоинству, и особенно музыке и танцам, ибо было бы жестокостью отказать в них прекрасному полу, поскольку это самые любимые из женских занятий. Помимо этого женщин следует обучать языкам, в частности французскому и итальянскому, и я бы не побоялся вреда, обучив девушек более чем одному языку.

В качестве конкретного предмета им следует преподавать все манеры изящной речи и все необходимое для ведения бе-

седы, в чем существующее образование настолько слабо, что мне нет нужды ударяться здесь в подробности. Их следует приохотить к чтению книг, особенно по истории, с тем чтобы они понимали мир и могли бы знать и рассуждать о предметах, услышанных ими в беседах.

Проявившим в силу интеллекта склонность к этому я бы не отказал в обучении самым разнообразным наукам, но важнейшим делом в целом является развитие интеллекта у представительниц прекрасного пола с тем, чтобы они умели вести беседу на всевозможные темы; с развитием их способностей участие женщин в беседах может стать не только полезным, но и приятным.

По моим наблюдениям среди женщин нет иного различия, чем только различия в степени полученного образования. В какой-то мере они могут уступать влиянию своей природы, но главной их отличительной чертой являются их манеры.

Весь женский пол отличается быстрой и острой реакцией. Я полагаю, что позволительно говорить это о женщинах вообще, поскольку редко приходится наблюдать, чтобы они были в детстве неуклюжими и тяжелыми, как это часто бывает с мальчиками. Если девушка хорошо обучена управлять природной силой своего ума, то она, как правило, становится очень разумным и понятливым человеком: безо всякой пристрастности можно утверждать, что разумная женщина с хорошими манерами самое прекрасное и самое изящное из всего того, что создал Господь Бог. Она — слава своего Творца и ярчайшее проявление Его особого внимания к человеку, самому любимому из Его творений, наделенному всеми наилучшими из тех даров, которые могли быть отпущены человеку Богом, и наилучшим из тех, что человек мог принять. Ввиду всего этого актом величайшей в мире глупости и неблагодарности было бы лишение прекрасного пола того блеска, который бы преимущества образования придали природной красоте его ума.

Женщина с хорошими манерами и образованием, обладающая к тому же преимуществами знаний и поведения, существо несравненное. Ее общество — знак высшего наслаждения и радости; личность ее ангельская, а ее беседа божественна; вся она — сама мягкость и приятность, покой, любовь, острота ума и радость. Она способна удовлетво-

рить самое утонченное и высочайшее из желаний, и мужчина, на чью долю выпало счастье общаться с такой женщиной, не должен ничего больше желать, а только радоваться и быть благодарным судьбе.

С другой стороны, предположим, что эта же самая женщина лишена образования.

Если у нее хороший характер, то недостаток образования делает ее мягкой и кроткой.

При отсутствии образования острота ума делает ее сумасбродной и болтливой.

При неумении рассуждать и при отсутствии опыта знание делает ее характер причудливым и капризным.

Если же характер у нее плохой, то недостаток образования делает его еще хуже и она станет спесивой, дерзкой и шумной.

Отсутствие манер при страстности натуры делает ее буйной и сварливой, что может привести к помешательству.

Если женщина умна, но не обладает рассудительностью (что тоже является частью воспитания), то она становится странной и смешной. А в результате всего вместе она делается буйной, крикливой, шумной, гадкой — суцим дьяволом.

На мой взгляд, мужчинам ради самих себя (что бы мы ни говорили о женщинах, но всем нам рано или поздно приходится иметь с ними дело) следует беспокоиться их воспитанием, чтобы они были пригодными и полезными, если мужчины хотят от них получить то, что называется удовольствием и наслаждением. Помилуйте! Сколько сил мы кладем, чтобы вырастить доброго коня и дать ему хорошую выездку! Как мы ценим его после всего этого! И все это лишь для того, чтобы он стал полезным для нас. Но почему же не женщина? Ведь все ее украшения и красота в отсутствие приличествующего поведения — это всего лишь обман природы, подобный тому, как обманщик-купец укладывает лучшие из своих товаров сверху, чтобы покупатель думал, что и весь остальной товар обладает столь же высоким качеством.

Теперь распространено мнение, что слава и гордость женщин — красота их тела — распределены неравномерно и что природа (или скорее Провидение) скрыла здесь некоторую долю тайны, будто бы красота дана женщине в насмешку над мужчиной и что в ее образе выступает сам дьявол, ибо гово-

рится, что тонкая красота редко дается вместе с умом, а еще реже с добрым нравом и никогда — со скромностью. Пытаюсь оправдать правомерность подобного распределения, некоторые говорят нам, что таково представление Провидения о справедливом распределении конкретных талантов среди всех его творений.

На мой взгляд, оба эти мнения ложные, причем последнее, демонстрирующее уважение к Провидению, является наихудшим, поскольку Провидение предстает в нем гневным и пустым, не имеющим в достатке всего, чем наградить все созданные им существа, скряжничаящим в своих дарах и распределяющим их по одному из опасения истощиться. Если бы я решился высказать свое мнение против такого, почти всеобщего представления, то я бы сказал, что большинство мужчин ошибаются в этом случае относительно намерений Провидения. Поскольку это утверждение очень смело, я хочу объяснить.

Создавая всех нас, как и самое бытие, Всемогущая первопричина всех вещей могла бы через свое невидимое влияние распределить равные качества и достоинства среди всех созданных ею существ точно так же, как дает свой свет солнце, без малейшего ущерба или потерь для себя, что она фактически и сделала, предоставив каждому достаточно в соответствии с тем образом, которым каждый наделен Провидением в этом мире.

Полагаю, что буду прав, если скажу, что Бог наделил все человечество равными талантами и способностями в том смысле, что он наделил каждого одинаково способной душой и что вся разница между людьми проистекает либо из случайного различия в устройстве их тел, либо из глупого различия в образовании.

Что касается случайных различий в устройстве тела, то я бы попытался не обсуждать здесь философского вопроса о расположении души в теле, но если справедливо, как и утверждают философы, что разум и память расширяются или сужаются в зависимости от случайных размеров того органа, через который они передаются, то из этого следует, что хотя Бог дал мне душу столь же способную, как и у любого иного, из-за естественных дефектов в тех частях тела, через которые должна действовать душа, я с вложенной в меня душой, такой же,

как и у другого, могу быть глупым, а он — мудрым. Например, если ребенок обладает естественным дефектом органов слуха, не позволяющим ему различать какие-либо звуки, то он никогда не сможет ни говорить, ни читать, хотя бы у него была душа, способная ко всему на свете. Мозг является центром деятельности души, в котором заключены все ее отличительные способности: давно замечено, что люди с узко сплюсненной головой, в которой нет необходимого места для соответствующей природе работы мозга, никогда не отличаются большим рассудком. Известно, что пословица «Велика фигура, да дура» не осуждает природу, но высмеивает лень. Так, например, кто-либо может сказать в удивлении: «Смотри-ка, у тебя при такой большой голове столь мало ума!» — то есть очень странно, но в этом, должно быть, виноват ты сам. Из этого я придаю большое значение породе мужчин и женщин. Не то чтобы у умных людей всегда рождались умные дети, но, по-моему, у крепких и здоровых рождаются самые умные дети, а у нездоровых и слабых определенный отпечаток остается и на рассудке, и на теле детей. Нас весьма просто убедить в правильности этого положения в отношении пород лошадей, кур, собак и других существ, и я полагаю, что то же самое наблюдается и в случае с человеком.

Однако ближе к делу. Наиболее значительно мужчины и женщины разнятся между собой в сфере образованности, что видно особенно наглядно при сравнении одного мужчины с другим или одной женщины с другой. И именно это позволяет мне сделать столь смелое утверждение об ошибочности наблюдаемой в мире практики в отношении женщин, ибо я не могу думать, что Всемогущий Господь Бог создал их такими изящными и прекрасными, наделил их таким очарованием и сделал привлекательными для мужчин, и с такими же душевными способностями, как у последних, и все это лишь для того, чтобы они стали домоправительницами, поварихами и служанками в наших домах.

Я ни в коей мере не выступаю во славу женского управления, но, выражаясь кратко, стою за то, чтобы мужчины считали женщин своими компаньонами и давали бы им соответствующее образование. Женщина с развитым интеллектом и хорошим воспитанием не в большей мере позволит себе покушаться на прерогативу мужчин, чем мужчина, который

пользуется слабостью женщины. Но если бы образование сделало женские души утонченными и облагороженными, то само это слово утратило бы всякий смысл, ибо тогда упомянутая в качестве суждения «слабость женского пола» означала бы некоторую бессмыслицу, поскольку невежества и глупости среди женщин будет не больше, чем среди мужчин. Мне приходят на память слова, услышанные от одной прекрасной женщины, которая обладала блестящим умом и способностями и отличалась красотой фигуры и лица. Она обладала также большим состоянием, но оставалась постоянно взаперти из страха быть похищенной и потому не позволяла себе должной свободы, чтобы научиться самым необходимым знаниям о женских делах. Поэтому, когда ей пришлось вступить в светский разговор, природный ум заставил ее почувствовать недостаточность своего образования столь остро, что она заметила в сердцах: «Я стыжусь говорить с собственными служанками, поскольку не знаю, когда они поступают правильно, а когда нет. Видимо, для меня было бы полезнее посещать школу, нежели торопиться с замужеством».

Мне нет нужды говорить еще что-либо ни о той потере, которую представляет собой недостаток образования для прекрасного пола, ни о преимуществах обратного. Это такая вещь, с которой можно легко согласиться, но трудно исправить, и потому настоящая глава — это всего лишь краткое эссе на эту тему, оставляющее практическое решение, если таковое когда-либо состоится, на те времена, когда мужчины смогут поумнеть настолько, что исправят существующее положение вещей.

Джонатан Свифт

Письмо к очень юной леди
по поводу ее замужества

Мадам! Время визитов и приема гостей по случаю вашей свадьбы проходит, а с ним и суматоха и беспокойства, жизнь возвращается в свое привычное русло. Именно сейчас Вы нуждаетесь в совете, как избежать множества ошибок, легкомысленных поступков и глупостей, которые свойственны всем женщинам. Ваши отец и мать всегда относились ко мне по-дружески, а тот человек, который был выбран ими Вам в мужья, много лет пользовался моим особым расположением. Я долго размышлял о возможности вашего совместного союза, поскольку надеялся, что Ваши добродетели и следование советам мудрых друзей сделают со временем Вас достойной этого человека. Ваши родители были абсолютно правы, оградив Вас от света, тем самым избежав многих неверных поступков, которые совершают другие, но они допустили ошибку, довольно распространенную в таком деле: пренебрегли воспитанием Вашего разума, без чего невозможно приобре-

Перевод Т. Л. Лабутиной, И. Л. Анисовой.

«Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества» впервые было опубликовано в 1727 году. Ученые предполагают, что оно было адресовано леди Бетти Мур, младшей дочери графа Генри Дрогхедса, по случаю ее брака с мистером Георгом Рошфортом. Настоящий перевод выполнен с текста, включенного в двухтомное собрание сочинений Дж. Свифта (The Works of Jonathan Swift. In two vols. Vol. II. London, 1843).

сти и сохранить дружбу и уважение умного мужчины, который скоро устанет от пылкой любви и обожания и будет испытывать потребность в разумной спутнице и верном друге на протяжении всей своей жизни. Ваша цель — подготовить себя к этому предназначению. Я же останусь Вашим наставником до тех пор, пока Вы будете нуждаться в моих советах и предостережениях. И знайте, оттого, как Вы отнесетесь к моим советам, будут зависеть не только Ваша репутация в свете, но и Ваше счастье, как и счастье дорогого Вам человека.

Прежде всего я посоветовал бы Вам не спешить расставаться с образом скромной девственницы. Молодые женщины, только что вышедшие замуж, взяли за моду бросать дерзкие взгляды и держаться такой манеры разговора, как если бы они вознамерились объявить всему свету, что утратили свою девственность и что их прежнее поведение было всего лишь принуждением над природой. На мой взгляд, и большинство мужчин меня в том поддержат, заслуживают одобрения те леди, которые, выйдя замуж, продолжают сохранять свою скромность и сдержанность.

Я предостерег бы Вас также от проявлений своей пылкой любви к супругу в неподходящее время, в присутствии посторонних, даже если таковые являются Вашими ближайшими родственниками или близкими приятелями. Подобные сцены неприятны для тех, кто хорошо воспитан и благоразумен, и они отзовутся о Вашем поведении весьма нелицеприятно, обвинив Вас в лицемерии или того хуже. Храните свои уважение и любовь к мужу в сердце, а нежные взгляды и слова для более подходящих минут, коих сыщется немало в течение суток, и наступит подходящее время для проявления той страсти, которую описывают во французских романах.

Я посоветовал бы Вам также не следовать примеру тех леди, которые преисполнены беспокойства, когда их мужья в отъезде. Они вздрагивают от каждого шороха за дверью, звонят без нужды в колокольчик, созывая слуг, чтобы те отворили двери хозяину. Ничего не едят за обедом и ужином, если муж отсутствует дома, и встречают его по возвращении с таким шумным восторгом и попреками, что любая мегера на их фоне покажется приятной собеседницей.

Из такого же теста сделаны и те женщины, которые при отъезде супруга требуют, угрожая истерикой и припадками,

чтобы он посылал им письма с каждой почтой и называл точную дату своего возвращения, невзирая на его занятость, самочувствие, случайности в дороге или погодные условия. По этому поводу я могу только сказать, что подобные дамы, создавая большую суматоху по пустякам, готовы щедро заплатить посыльному, хотя бы он принес весть о том, что их мужья сломали себе на дороге шею.

Возможно, что Вы будете задеты, если я посоветую Вам умерить свою страсть к нарядам, которая является слабостью всех женщин. Прискорбно, что Вы не прислушиваетесь к мнению тех, ради кого наряжаетесь. Я могу заверить Вас, что мужчины готовы доплачивать четыре фунта за каждый ярд парчи, если только леди будут заботиться прежде всего об опрятности. Скептикам придется поверить в то, что возможно одновременно быть и прекрасной и чистоплотной. Однако не всякая женщина способна быть опрятной. Я могу привести слова истинного джентльмена об одной глупой знатной даме. Он утверждал, что ничто не сделает ее сносной, кроме гильотины, поскольку ее язык раздражает слух, а ее волосы и зубы — обоняние.

Я затрудняюсь, что посоветовать Вам относительно выбора круга общения, хотя это является очень важной частью Вашей жизни. Если Вам придется общаться с леди, которые ровня Вам или выше по положению и которые обладают отменной репутацией, то Вы можете чувствовать себя в безопасности. Свет считает это хорошей компанией. В то же время я боюсь, что Вам будет нелегко найти в нашем городе хотя бы одну приятельницу, от которой можно перенять что-либо, кроме щегольства, тщеславия, глупости, притворства и пороков. Единственное для Вас спасение — взять за правило не следовать их советам, но поступать всегда наоборот. Это должно стать для Вас правилом, за редким исключением. К примеру, они советуют молодым замужним женщинам использовать свой опыт в обращении с мужьями. Они учат поступать так, как в свое время делали сами: как одержать победу над супругом в споре или ссоре, как находить и использовать его слабости, как пустить в ход лесть, как пользоваться своими слезами и, наконец, как избежать крепкой руки мужа. Выслушав тысячи подобных советов, запомните их хорошенько, чтобы затем поступить вопреки им.

Я надеюсь, что Ваш супруг воспользуется своей властью, чтобы ограничить Ваше общение: нанести визит полудюжине глупцов два раза в год вполне достаточно. Однако это правило не должно распространяться на Ваше общение с друзьями.

Я посоветовал бы Вам, чтобы дома Вас окружали по большей степени мужчины, а не женщины. Говоря по правде, я не знаю ни одной сносной особы женского пола. Хорошо также, если в компании окажутся представители обоих полов. Та компания самая лучшая, где соседствуют вежливость и дружелюбие, приправленные здравым смыслом, где проявляются лучшие качества каждого. Такое общение приятно и поучительно, собрание же одних дам — это школа наглости, нахальства и злословия, хуже которой ничего не придумаешь.

Общайтесь лишь с теми мужчинами, которых Вам рекомендовал супруг, а не приятельницы, чей выбор обычно падает на щеголей, знакомство с которыми будет стоить Вам времени и переживаний, прежде чем Вы научитесь разбираться в людях.

Никогда не берите в советчицы служанку, не позволяйте ей сплетничать о тех леди, у которых она была прежде в услужении, об их развлечениях и нарядах, а также рассуждать о Вашем состоянии или сетовать по поводу Ваших скромных расходов, советовать Вам, как добиваться расположения со стороны Вашего супруга, судить о том, что для Вас хорошо, а что плохо, каких слуг следует рассчитать или нанять, и тем более ссорить Вас с друзьями.

Но главная цель Вашей жизни — добиться и сохранить дружеское расположение и уважение собственного супруга. Вы вышли замуж за высокообразованного и воспитанного человека, мудрого и с тонким вкусом. Ваше счастье, что все эти качества дополняются скромностью, дружелюбием и склонностью к умеренности и добродетели. Но ничто не прибавит Вам уважения, пока столь непостоянные Ваши достоинства, как юность и красота, не будут дополнены менее эфемерными качествами. О Вашей молодости и привлекательности в свете будут говорить еще несколько лет, в глазах же супруга Вы потеряете их через считанные месяцы. Я надеюсь, что Вы перестали уже романтически вздыхать о браке. Кроме того, хорошая женщина — это соединение благоразумия и привлекательности, без всякого намека на страстность,

которая выглядит смешно и хороша разве что в книгах или романах.

Поэтому Вы должны приложить все силы, чтобы приобрести те достоинства, которые ценит в людях Ваш супруг и которыми сам обладает. Чтение — это единственное, что порождает здравый смысл. Вы должны заняться образованием, строго следуя моим советам. Приобретите книги по истории и о путешествиях, которые я Вам порекомендую. Каждый день читайте по несколько часов, делайте из книг выписки, если не полагаетесь на собственную память. Вам следует приглашать к себе образованных людей и беседовать с ними, воспитывая собственный вкус и суждения. И когда Вы научитесь по достоинству оценивать ум других, то станете разумной и приятной собеседницей, что вызовет уважение и подлинную любовь к Вам со стороны супруга. Он будет ценить Ваши советы и мнение по важным вопросам, Вам будет интересно друг с другом. Вы не станете искать развлечений в общении с другими людьми. Пытливость Вашего ума доставит ему удовольствие и не позволит проводить время в праздности.

Я испытываю мало уважения к представительницам Вашего пола и с сожалением смотрю вслед хозяйкам домов, которые немедленно удаляются к себе после трапезы. И это в семьях, где много не пьют. Все как будто уверены, что женщины не способны участвовать в беседе. В гостиной, где собирается общество, мужчины обсуждают разнообразные вопросы, женщинам же не приходит в голову принять участие в их беседах. Они собираются в кружок, где развлекают себя обсуждением цен на кружева, шелк, а также нарядов, виденных ими на прихожанках в церкви или посетительницах в игорном доме. Они столь подробно изучают каждую складку платья друг у друга, расточая при этом комплименты, будто благополучие всего света зависит от покроя или цвета их нарядов. Женщины проявляют недюжинный ум, способности, удивительную память — и все для того, чтобы оставаться глупыми, ничего не делая для своего совершенствования, чтобы сделаться умными и полезными. Когда я рассуждаю об этом, то не могу видеть в вас разумные существа, но только разновидность мартышек, которые не способны проделывать такие трюки, на которые горазды некоторые из вас, но могут соревноваться с вами по части знания бархата и кружев.

Я хотел бы, чтобы Вы смотрели на пышность нарядов, как на чудачество, которого невозможно избежать. Пренебрегать модой нельзя, но следуйте за ней не спеша. Наряды должны быть всегда немного скромнее, чем Вы себе можете позволить. Изысканные наряды еще не являются свидетельством Ваших достоинств. Они не сделают леди богаче, красивее, моложе, талантливее, добродетельнее или умнее.

Если Вы находитесь в обществе образованных мужчин, беседующих о науке и искусстве — материях, которые Вам непонятны, из разговора с ними Вы извлечете все равно больше пользы, чем из всей чепухи и глупости, которыми заняты женщины. Но если мужчины так же воспитанны, как и образованны, то они не позволят себе вести беседы, которые не понятны Вам, и постараются найти общие темы. Если они говорят о нравах и обычаях европейских государств, о путешествиях в дальние страны, о положении в собственной стране, о великих людях Греции и Рима, если они рассуждают об английских и французских писателях или поэтах, о природе греха и добродетели, то для английской дамы будет стыдным не участвовать в подобных беседах, которые облагораживают и развлекают их участников, и не стремиться к самообразованию, которое сделает ее достойной их собеседницей. Но женщины чаще всего предпочитают обсуждать с сидящей рядом соседкой, насколько тяжел новый веер. Нелегко признать, что едва ли сыщется одна на тысячу дочерей джентльменов, умеющая читать, или понимать свой родной язык, или судить о самых простейших книгах, написанных на нем. Невыносимо слышать, как они коверкают пьесы и поэмы, каждое слово в которых вызывает у них заминку. Это неудивительно, ведь их не обучали ни в детстве, ни в зрелом возрасте. Я советую Вам читать вслух более или менее регулярно, в присутствии мужа или, если он позволит, в присутствии его знакомых (но только не женского пола), которые поправят Вас. Со временем чтение книг научит Вас правильно изъясняться.

Чтение — это единственное, что развивает интеллект, который в сочетании с осторожностью никогда не подведет. Неудачный выбор книг губительно действует на образованных леди, и потому я возьму на себя труд наставлять Вас при выборе книг, тем более что я, как никто другой, гожусь для этой

миссии, ибо достаточно разбираюсь в происхождении женской глупости.

Обратите внимание, насколько мелкими интересами живут леди, когда они еще молоды и красивы, какими презренными они кажутся мужчинам и юным девушкам. Им ничего не мило, кроме как проводить послеобеденное время, нанося бесконечные визиты тем, кто их не жаждет принять, а вечера — за картами, остальную же часть дня — в сплине и зависти или пустых мечтах заполнить бесконечно тянущееся время. Однако я знаю некоторых леди, которым далеко за шестьдесят лет и нанести визиты которым стремятся самые благородные люди двора и города лишь затем, чтобы насладиться общением с ними.

Я не знаю ни одного качества, которое, будучи приятным в мужчинах, не считалось бы таковым в женщинах. Я не исключаю даже скромность и мягкость. Я не знаю ни одного недостатка или каприза, который был бы более омерзителен в мужчине, нежели в женщине. Есть только одна слабость, которая позволена Вашему полу, — это трусость. Когда женщина признается в любви к полковнику или капитану, ее поведение резко меняется, она находит милым бояться собственной тени, волноваться на судне в тишайшую погоду, опасаться ехать в карете в дождь, бежать от коровы, которая находится за сотню ярдов от нее, биться в истерике при виде насекомого или лягушки. Но если трусость является проявлением бессердечия, как это обычно считается, то я бы не назвал ее качеством, которое следует культивировать, приправляя его притворством.

Поскольку одни и те же добродетели нужны мужчинам и женщинам, нет ни одного качества у дам, которое кажется менее извинительным. Однако остерегайтесь женщин, позволяющих себе вольности в Вашем присутствии. Каждый город страдает от нашествия развязных, навязчивых и шумных леди. Щеголи почитают их за образец остроумия и юмора. Они являются мастерицами на грубые, шокирующие публику реплики. Это называется у них «сразить мужчину наповал». Если в их компании окажется джентльмен, чья биография далеко не безупречна и не обошлась без несчастий, о которых он предпочитает умалчивать, то они непременно двусмысленно намекнут ему о его тайне. Я часто думаю, что эти мегеры —

просто-напросто плутни в женском обличье, которых следует разоблачить и выставить за дверь.

Немного отступив от темы, я хотел бы продолжить. Вы должны научиться ценить и уважать своего мужа за достоинства, которыми он действительно обладает, не изобретая тех, коих он лишен. Хотя нередко это считается признаком любви, однако на самом деле это лицемерие или вранье. Конечно, Ваш муж обладает множеством достоинств, поэтому Вы окажетесь недалеко от истины, рассуждая подобным образом. Но, думаю, пример одной знакомой дамы предостережет Вас от заблуждений. Она вышла замуж за добродетельного человека, с которым несчастлива по той причине, что хвалит те достоинства, которыми он не отличается на деле.

Я не буду рассуждать с Вами о семейном бюджете, хотя надеюсь, что Вам известны размеры годового дохода супруга и что Вы будете хорошенько считать, чтобы содержать в порядке ту часть хозяйства, которая вверена Вашему попечению, и не будете уподобляться тем леди, которые считают признаком хорошего тона требовать от мужа приобретения нового экипажа, кружевной шляпки или изысканной нижней юбки в то время, когда еще не уплачено мяснику и бакалейщику.

Надеюсь, что это письмо будет всегда с Вами и Вы сможете сверять по нему свое поведение. Господь благословит Вас и поможет стать достойной представительницей женского рода и источником тепла, согревающим супруга и близких людей.

Искренне Ваш покорный слуга и верный друг.

Библиография

Источники

Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987.

Английские материалисты XVIII в. Т. 1. М., 1961.

Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М., 1981.

Брюс П. Г. Из мемуаров // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.

Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.

Из истории английской эстетической мысли XVIII века (Поп, Аддисон, Джерард, Рид). М., 1982.

Локк Д. Мысли о воспитании и о воспитании разума. СПб., 1913.

Опыт о благотворительности и благотворительных школах // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.

Письмо Вильяму Робертсону с программой образования для сына. 9 октября 1776 г. // Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001.

Письмо к К. Вильмонт с размышлениями о вопросах воспитания. 15 ноября 1805 г. // Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001.

Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий // Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001.

Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям // Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете. М., 1775. Ч. 2.

Свифт Дж. Путешествия Гулливера. М., 1976.

Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981.

Толанд Дж. Избранные сочинения. М., 1927.

Хрестоматия по западноевропейской литературе. М., 1938.

Шотландец в России (Из «Мемуаров Питера Генри Брюса...») // Ораниенбаумские чтения. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001.
Честерфилд. Письма к сыну. Максимумы. Характеры. М., 1978.

Addison. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1854.

Addison's Essay from the Spectator. London, 1870.

Addison and Steele. Selections from «The Tatler» and «The Spectator». New York, 1957.

An English Lady at the Court of Catherine the Great, Cambridge, 1989.

Burnet G. The History of His Own Time. London, 1903.

The Complete Works of George Savile, First Marquess of Halifax. Oxford, 1912.

The Conway Letters. Oxford, 1992.

The Correspondence of John Locke. Vol. 2. Oxford, 1976.

The Diary of Samuel Pepys. Vol. 8. Berkeley, 1970–1983.

Defoe's Review. Vol. III. New York, 1938.

Educational Writings of John Locke. Cambridge, 1968.

English Diaries. A Review of English Diaries XVI–XX c. Acnabor, 1971.

English Historical Documents. 1660–1714. Vol. VIII. London, 1953.

Evelyn J. The Diary. Oxford, 1985.

Evelyn J. and Pepys S. Selections from the Diaries. London, 1957.

Hill B. Eighteenth-Century Women: An Anthology. London, 1984.

Jesse J. H. Memoires of the Court of England during the Reign of the Stuarts Including the Protectorate of Oliver Cromwell. Vol. 1. Boston, 1901.

Letters from Dorothy Osborne to Sir W. Temple. London, 1903.

Memoires of the Life of Colonel Hutchinson. London, 1906.

The Novels and Miscellaneous Works of Daniel Defoe. Vol. 6. London, 1890.

Pepys S. Diary. London, 1825.

Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1894.

Selections of Moral Essays from the Works of the Celebrated Mr. Addison for the Use of Families and Schools. London, 1823.

«Spectator». Vol. III. London, 1950.

Steele R. Periodical Journalism. 1714–1716. Oxford, 1959.

Steele's Selections from the Tatler, Spectator and Guardian. Oxford, 1896.

Sylvester D. M. Educational Documents. 800–1816. London, 1970.

The Works of John Locke. In 3 vols. London, 1751.

The Works of Jonathan Swift. In 2 vols. London, 1843–1856.

The Works of Sir William Temple. Edinburgh, 1754.

Women from the Greeks to the French Revolution. Stanford, 1980.

Литература

- Буланакова М. А.* Леди Анна Клиффорд. Портрет // СПб., 2000, № 1.
- Буланакова М. А.* Литературные «опыты» англичанок стюартовской эпохи: опыт исторического прочтения // Адам и Ева: альманах гендерных исследований. М., 2002. Вып. 3.
- Буланакова М. А.* Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл: особенности организации социального опыта знатной женщины // Адам и Ева: альманах гендерных исследований. М., 2004. Вып. 8.
- Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи Средневековья и начала Нового времени. М., 1990.
- Демков М. И.* История западноевропейской педагогики. М., 1912.
- Женщина в античном мире. М., 1995.
- Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции. М., 1994.
- Зыкова Е. П.* Англофильство Е. Р. Дашковой в контексте русской культуры XVIII века // Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001.
- Иерусалимская Е. В.* Мальборо: Семья и политика // Ars Historica. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева. М. — СПб., 2015.
- История Европы. Т. 2, 3, 4. М., 1992–1993.
- Ключевский В. О.* Западное влияние в России после Петра // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Ключевский В. О.* Соч. в 9 т. Т. IV. М., 1989.
- Лабутина Т. Л.* Вопросы воспитания и образования в раннем английском Просвещении: Локк и Дефо // Европейская педагогика от Античности до Нового времени: Исследования и материалы. Ч. 3. М., 1994.
- Лабутина Т. Л.* Ранние английские просветители о роли и месте женщин в обществе // Вопросы истории. М., 1997, № 6.
- Лабутина Т. Л.* Ранний феминизм в Англии // Вопросы истории. М., 2001, № 8.
- Лабутина Т. Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001.
- Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
- Лабутина Т. Л.* Английские просветители. Взгляды на воспитание и образование подрастающего поколения. Saarbrücken, 2011.
- Лабутина Т. Л., Ильин Д. В.* Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.
- Лазурский В.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Т. 1, 2. Одесса, 1909–1916.

Лапчинская В. П., Таршис Е. К. Народное образование в Англии // Вопросы сравнительной педагогики. М., 1975.

Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990.

Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904.

Маколей Т. Рассказы из истории Англии. СПб., 1858.

Маколей Т. Полн. собр. соч. Т. III–IV. СПб., 1861–1865.

Масси Р. Петр Великий. В 3 томах. Т. 1. Смоленск, 1996.

Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914.

Петинова Е. Ф. «Во дни Екатерины...». СПб., 2002.

Польская С. В. Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века // Философский век. Альманах 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения. СПб., 2002.

Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. М., 1998, № 6.

Пушкарева Н. Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998.

Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. М., 1997, № 6.

Репина Л. П. От «истории женщин» к социокультурной истории. Гендерные исследования и новая картина европейского прошлого (Обзор) // Культура и общество в Средние века — Раннее Новое время. М., 1998.

Репина Л. П. От «домашних дел» к делам государства: Гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 19.

Репина Л. П. История брака и семьи в гендерной перспективе // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 23.

Трофимова В. С. Прозаическое наследие Афры Бен. СПб., 2006.

Трофимова В. С. У истоков английского феминизма — Афра Бен // Философия XX века: школы и концепции. Материалы работы секции молодых ученых «Философия и жизнь». СПб., 2001.

Трофимова В. С. «Ученейшая дама» Батшуа Мейкин и проблема семьи в Англии XVII века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2008, № 15.

Трофимова В. С. «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI — начала XVII века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2015, № 50.

Тычинина Л. В. Великая россиянка. Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002.

Федоров С. Е. Некоторые черты бытового поведения знатной женщины в стюартовскую эпоху: Элизабет Берти и Мэри Уиддрингтон // Англия XVII века: Социальные группы и общество. СПб., 1994.

Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1993.

Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.

Эрлихсон И. М. «Третья» женщина эпохи Нового времени в английском просветительском романе (Даниэль Дефо) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2013, № 42.

Юровская Э. П. Утопические черты организации Императорского воспитательного общества благородных девиц // Екатерина Великая. Эпоха российской истории. СПб., 1996.

Ястребицкая А. Л. Женщина в повседневной жизни позднего Средневековья // Культура и общество в Средние века в зарубежных исследованиях. М., 1990.

Addison and Steele. *The Critical Heritage*. London, 1980.

Ashley M. *Life in Stuart England*. London, 1964.

Ashton J. *Social Life in the Reign of Queen Anne*. London, 1883.

Ballard M. *The History of Teaching*. Norfolk, 1976.

Becoming Visible Women in European History. Boston, 1977.

Bloom E. A. *Educating the Audience: Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture*. Los Angeles, 1984.

Bourne Fox H. R. *The Life of John Locke*. London, 1876.

Britain after the Glorious Revolution. 1689–1714. London, 1969.

Capp B. *Separate Domains? Women and Authority in Early Modern England // The Experience of Authority in Early Modern England*. New York, 1996.

Crawford P. *Women's Published Writings. 1660–1700 // Women in English Society. 1500–1800*. London, 1985.

Cressy D. *Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge, 1980.

Culture and Politics from Puritanism to the Enlightenment. University of California Press, 1980.

Culture and Society in the Stuart Restoration. Cambridge, 1995.

Duby G. *A History of Women in the West*. Cambridge, 1992.

Duby G., Perrot M. *Writing History of Women*. Cambridge, 1992.

Durston C. *The Family in the English Revolution*. Oxford, 1989.

Earle P. *The World of Defoe*. London, 1976.

Educating the Audience: Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture. Los Angeles, 1984.

The Experience of Authority in Early Modern England. New York, 1996.

Firth C. Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England. London, 1947.

Fletcher A. Gender, Sex and Subordination in England. 1500–1800. Yale, 1995.

Foxcroft H. C. The Life and Letters of Sir George Savile, Bart., First Marquis of Halifax. Vol. 1, 2. London, 1898.

Fraser A. The Weaker Vessel: Women's Lot in Seventeenth-Century England. New York, 1984.

Gardiner D. English Girlhood at School. A Study of Women's Education Through Twelve Centuries. London, 1929.

George M. D. England in Transition Life and Work in the Eighteenth Century. Baltimore, 1962.

Godfrey E. Home Life under the Stuarts. 1603–1649. London, 1903.

Gold M. B. Swift's Marriage to Stella. New York, 1967.

Goreau A. Reconstructing Aphra. A Social Biography of Aphra Behn. New York, 1980.

Harris R. W. England in the Eighteenth Century. London, 1963.

Hilbert C. The English: A Social History. 1066–1945. London, 1987.

Hill C. The Century of Revolution. 1603–1714. Edinburgh, 1962.

Hill C. The World Turned Upside Down. New York, 1972.

Hobby E. A Woman's Best Setting Out Is Silence: The Writings of Hannah Woolley // Culture and Society in the Stuart Restoration. Cambridge, 1995.

Jones M. G. The Charity School Movement. Hamden, 1964.

Kamm J. Hope Deferred: Girl's Education in English History. London, 1965.

Kinnaird J. K. Mary Astell and the Conservative Contribution to English Feminism // Journal of British Studies. Vol. XIX. 1979, N 1.

Lawson J. and Silver H. A Social History of Education in England. London, 1973.

Leduc G. Mary Astell et Daniel Defoe, auteurs de projets féministes pour l'éducation? / Éducation des femmes en Europe et en Amérique du Nord de la Renaissance à 1848: Realities et Representations. Paris, 1997.

Lives of the Stuarts Age. 1603–1714. New York, 1976.

Lockyer R. W. England in the Eighteenth Century. London, 1963.

Mechant C. The Death of Nature. Women, Ecology and Scientific Revolution. San Francisco, 1983.

Mendelson S. The Mental World of Stuart Women. Brighton, 1987.

Merrett R. Daniel Defoe's Moral and Rhetorical Ideas. Victoria, 1980.

Milburn D. The Age of Wit. 1650–1760. New York, 1966.

Nicolson H. The Age of Reason (1700–1789). London, 1961.

Perry R. Celebrated Mary Astell: An Early English Feminist. Chicago, 1986.

Pinchbeck J. and Hewitt M. Children in English Society. Vol. 1. London, 1972.

Politics and Literature in the Eighteenth Century. London, 1974.

Politics, Religion and the English War. / Ed, by B. Manning. L., 1973.

Popular Culture in Seventeenth-Century England. New York, 1985.

Raeff M. On the Heterogeneity of the Eighteenth Century in Russia// Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus, 1988.

Redwood J. Reason, Ridicule and Religion: The Age of Enlightenment in England. 1660–1750. Cambridge, 1976.

Reynolds M. The Learned Lady in England. 1650–1750. Gloucester, 1964.

Rogers K. Feminism in Eighteenth-Century England. Urbana, 1982.

Schochet G. J. Patriarchalism in Political Thought. Oxford, 1975.

Simmons E. J. English Literature and Culture in Russia (1553–1840), Cambridge, 1935.

The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age (1650–1750). London, 1967.

Smith H. Reason's Disciples Seventeenth-Century English Feminists. Urbana, 1982.

Spencer J. The Rise of the Women Novelist. From Aphra Behn to Jane Austen. Oxford, 1986.

Stenton D. M. The English Woman in History. London, 1957.

Stock P. Better than Rubies. A History of Women's Education. New York, 1978.

Stone L. The Educational Revolution in England. 1560–1640 // «Past and Present», London, 1964, N 28.

Stone L. The Family, Sex and Marriage in England. 1500–1800. New York, 1977.

Thomas K. Women and the Civil War Sects// «Past and Present». London, 1958 № 13.

Thompson R. Women in Stuart England and America: A Comparative Study. London, 1974.

Watson F. The English Gramma Schools to 1660. Their Curriculum and Practice. London, 1968.

Women, Culture and Society. Stanford, 1974.

Women in English Society. 1500–1800. London, 1985.

Women in Western European History. Vol. 1, 2. London, 1982.

The Women of England from Anglo-Saxon Times to the Present. London, 1980.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Формирование европейской традиции женского образования	12
1. Женское образование в странах Древнего мира и средневековой Европы	12
2. Гуманисты эпохи Возрождения о женском образовании	16
3. «Золотой век» образованных англичанок.	21
Глава 2. Английская леди за школьной партой	24
1. Женская грамотность в стране и при дворе	24
2. Сторонники и противники женской образованности	27
3. Формы, методы обучения. Учебные программы	34
Глава 3. Образование простолюдинки	50
1. «Дамские» и «грамматические» школы в XVI — первой половине XVII века	50
2. Благотворительные школы	53
3. Критика благотворительных школ Бернардом Мандевилем	64
Глава 4. Первые феминистки.	70
1. Проекты реформирования женской образовательной системы.	70
2. Зарождение феминизма в Англии	75
3. Первые феминистки	96
4. Взгляды феминисток на образование и брак	112

Глава 5. Ранние просветители о женском воспитании и образовании	121
1. Советы Джона Локка «маленькой госпоже»	127
2. «Болтун» и «Зритель» беседуют с дамами	130
3. «Женские академии» Даниеля Дефо.	137
4. Джонатан Свифт в роли наставника и учителя юных дам	140
Глава 6. Маркиз Галифакс и его «Новогодний подарок для леди»	151
1. Жизненный путь маркиза	153
2. «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери»	163
Глава 7. Английский «след» в культуре российского Просвещения	170
1. Восприятие британской культуры в России в правление Петра I и Екатерины II.	170
2. Учение Джона Локка о воспитании в восприятии княгини Е. Р. Дашковой.	181
<i>Приложение</i>	
Маркиз Галифакс. Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери.	187
Даниель Дефо. Женские академии	223
Джонатан Свифт. Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества	232
<i>Библиография</i>	<i>241</i>

Лабутина Т.

Л12 **Мир английской леди. Воспитание, образование, семья. XVII — начало XVIII века / Татьяна Лабутина. — М.: Ломоносовъ, — 2016. — 256 с. — (История. География. Этнография).**

ISBN 978-5-91678-335-3

В книге Татьяны Лабутиной рассказывается о том, как в XVII веке готовили к взрослой жизни юных англичанок — как их воспитывали, чему обучали, какие навыки прививали, от каких опасностей предостерегали. Приводится немало сведений о частных пансионах и домашнем обучении, «женских академиях» и благотворительных школах, о школьных программах, методах обучения, учителях и еще о многом другом, связанном с воспитанием и образованием представительниц королевской фамилии, аристократок, девушек из средних слоев и простолюдинок. В книге представлены портреты английских феминисток XVII века, подробно говорится о деятельности на ниве женского образования выдающихся английских просветителей и даны в приложении сочинения маркиза Галифакса, Д. Дефо и Дж. Свифта, прослеживается английское влияние на русское воспитание.

Татьяна Лабутина — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, специалист по английской истории, культуре Просвещения, англо-русским отношениям.

УДК 94(420).06

ББК 63.3(0)5

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Татьяна Лабутина

Мир английской леди

Воспитание, образование, семья
XVII — начало XVIII века

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 09.06.2016.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495)988-63-87

Татьяна
Лабутина
Мир
английской
леди

В книге Татьяны Лабутиной рассказывается о том, как в XVII веке готовили к взрослой жизни юных англичанок — как их воспитывали, чему обучали, какие навыки прививали, от каких опасностей предостерегали. Приводится немало сведений о частных пансионах и домашнем обучении, «женских академиях» и благотворительных школах, о школьных программах, методах обучения, учителях и еще о многом другом, связанном с воспитанием и образованием представительниц королевской фамилии, аристократок, девушек из средних слоев и простолюдинок. В книге представлены портреты английских феминисток XVII века, подробно говорится о деятельности на ниве женского образования выдающихся английских просветителей и даны в приложении сочинения маркиза Галифакса, Д. Дефо и Дж. Свифта, прослеживается английское влияние на русское воспитание.

Татьяна Лабутина — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, специалист по английской истории, культуре Просвещения, англо-русским отношениям.

ISBN 978-5-91678-335-3

9 785916 783353